

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

БУЦАН ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ

**ЗАПРЕТ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В
ВЕЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ**

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:

Емелькина Ирина Александровна,

доктор юридических наук, доцент

Москва, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС ЗАПРЕТА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ КАК ПРИНЦИПА ЧАСТНОГО ПРАВА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ВЕЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ	28
1.1. История развития принципа запрета злоупотребления правом	28
1.2. Запрет злоупотребления правом в системе частного права.....	60
ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЙСТВИЯ ПРИНЦИПА ЗАПРЕТА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В ВЕЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ	73
2.1. Признаки и особенности применения принципа запрета злоупотребления правом в вещных правоотношениях	73
2.2. Формы злоупотребления правом в вещных правоотношениях.....	103
2.3. Основные правовые последствия злоупотребления правом в вещных правоотношениях	123
ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В ВЕЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ	145
3.1. Злоупотребления правом по виду субъективного вещного права	148
3.2. Злоупотребления правом по статусу субъекта злоупотребления.....	158
3.3. Злоупотребления правом по статусу лица, потерпевшего от злоупотребления.....	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	196
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	204

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Правовая категория запрета злоупотребления правом в вещных правоотношениях относится к одной из наиболее сложных сфер науки гражданского права. Особенно актуален этот вопрос в современном российском праве, поскольку с момента восстановления права частной собственности и возрождения правовой категории вещного права прошло чуть более трех десятилетий, а ее правовое регулирование до сих пор остаётся не завершённым. В то же время такие атрибуты рыночной экономики, как развитие предпринимательской деятельности, взаимодействие российского бизнеса с зарубежным, формирование в России класса частных собственников и расширение объектов собственности за счёт земельных участков, предприятий, разнообразных рукотворных недвижимых и движимых вещей создали в нашей стране предпосылки формирования развитых имущественных отношений. Развитые имущественные отношения требуют совершенного правового регулирования, содержащего такую совокупность норм, которая позволила бы с учётом современных экономических и социально-культурных достижений удовлетворить потребности собственников и иных лиц при осуществлении ими права собственности и иных вещных прав, создать механизмы охраны вещного права и современные способы их защиты и восстановления.

Как затянувшаяся реформа российского вещного права, так и недостаточное обращение со стороны доктрины к теоретическим проблемам вещного права, в том числе, к содержанию вещного права, особенностям осуществления отдельных его видов, определению его пределов и последствий их нарушения не позволили адекватно развиваться этой сфере российского права. Проблема усугубляется и тем обстоятельством, что на протяжении длительного периода в советском праве отсутствовало правовое регулирование классических институтов вещного права: ограниченных вещных прав, а также соседского права, которые традиционно регулировались в том числе нормами о запрете злоупотребления правом.

Закрепленные в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – **ГК РФ**) нормы о запрете осуществления гражданских прав с целью причинения вреда гражданам и юридическим лицам, определяющие формы злоупотребления правом и его последствия, являются универсальными, позволяющими субъектам гражданского права защищать свои права в любых правоотношениях: вещных, обязательственных, корпоративных, наследственных, трудовых, интеллектуальных и иных. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии большого числа споров, в которых стороны обращаются к институту злоупотребления правом как инструменту защиты нарушенного права. Еще в 2008-м году ВАС РФ выпустил разъяснения по вопросам применения судами статьи 10 ГК РФ (далее – **ИП ВАС РФ № 127**)², при этом в этих разъяснениях нет ни одного случая, связанного с вещным правом. Отсутствие специальных нормативных правил, учитывающих новый усложненный объектный состав вещного права, специфику правоспособности различных субъектов вещного права, особенности правомочий субъектов ограниченных вещных прав, ограничений и обременений вещного права, изменения процедуры возникновения и прекращения вещного права не позволяет лицам, участвующим в вещном правоотношении, своевременно и полноценно защитить нарушенные права.

В то же время необходимо подчеркнуть, что институт злоупотребления правом сохранял свою востребованность в советский период. Современная теория запрета злоупотребления правом во многом основана на идеях советских правоведов. В частности, на дискуссии советского права строится понятие запрета злоупотребления правом, формулируются его признаки, элементы, определяются пределы содержания права и осуществления права, формы и иное³. Однако

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

² Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. N 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. - 2-е изд. Москва: Статут, 2020; Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. / М. М. Агарков Т. 2. М.: Статут, 2002; Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 3-е изд., испр. – М.: Статут, 2009; Новицкий И.Б. Принцип доброй совести // Вестник гражданского права. 1926. N 6; Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т.2. – М.: Статут, 2015; Вильнянский С.И. Значение

заложенные в тот период в основу института злоупотребления правом принципы не могут учитывать ни разнообразие способов, форм и видов восстановленного в конце прошлого столетия вещного права, ни новых имущественных потребностей субъектов вещных правоотношений.

Поэтому в настоящее время необходимо формирование современного механизма регулирования осуществления вещных прав, определения его пределов осуществления и установления новых запретов злоупотребления правом с учетом современной экономической ситуации.

Необходимость обращения к анализу запрета злоупотребления правом в вещных правоотношениях обусловлена следующими факторами.

Во-первых, несмотря на длительную историю развития принципа запрета злоупотребления правом в российской правовой системе – от дореволюционной цивилистики через советский период⁴ к современности⁵ – его исследование преимущественно ограничивалось общетеоретическими рамками без отдельного

судебной практики в гражданском праве / С.И. Вильнянский // Ученые труды / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947. – Выпуск IX. – С. 239 – 290; Бару М.И. О ст. 1 Гражданского кодекса // Советское государство и право, 1958, N 12; Рясенцев В.А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция, 1962, N 9; Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение, 1967, N 3; Цукерман М.И. Некоторые вопросы применения ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик // Правоведение, 1967, N 3.

⁴ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. - 2-е изд. Москва: Статут, 2020; Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. / М. М. Агарков Т. 2. М.: Статут, 2002; Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 3-е изд., испр. – М.: Статут, 2009; Новицкий И.Б. Принцип доброй совести // Вестник гражданского права. 1926. N 6; Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т.2. – М.: Статут, 2015.

⁵ Яценко Т.С. Шикана как правовая категория в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2001; Камышанский В.П. Ограничения права собственности: гражданско-правовой анализ: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2000; Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективными гражданскими правами: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 29; Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Вавилин Е.В. Механизм осуществления и защиты гражданских прав и исполнения обязанностей: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009; Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009; Волков А.В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (Анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом) / А.В. Волков. – М.: Волтерс Клувер, 2010; Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Киров, 2014; Нам К.В. Принцип добросовестности. Опыт теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2021; Шерстобитов А.Е. Злоупотребление правом (доктрина и практика) // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею В.С. Ема. М., 2011. С. 456 – 467; Ем В.С., Суханов Е.А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. 2019. N 4. С. 7 – 21; Витрянский В.В. Пределы осуществления и способы защиты гражданских прав: проблемы судебного толкования // Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова / отв. ред. Е.А. Суханов, А.Е. Шерстобитов. М.: Статут, 2021. С. 14 – 24.

внимания к специфике вещных правоотношений. Необходимо изучить запрет злоупотребления правом в вещном праве с учетом его особенностей – особого метода (закрытого перечня содержания и оснований возникновения) и принципов регулирования (абсолютности, специальности, публичности, старшинства, особой защиты, следования и иные). Это свидетельствует о специфике как состава правонарушения особого типа при злоупотреблении правом, так и его последствий. И этой областью знаний глубоко никто не занимался.

Во-вторых, последние изменения в законодательстве существенно преобразовали правовые режимы в сфере вещного права, создав новые основания для определения пределов правомочий собственников. В частности, §2 Главы 16 ГК РФ⁶ регламентирует правовой статус общего имущества собственников недвижимых вещей. Принятие Главы 17.1 ГК РФ ввело в правовое поле специальные режимы регулирования прав на здания, сооружения, помещения и машиноместа, а положения Главы 6.1 ГК РФ⁷ окончательно закрепили принцип множественности объектов недвижимости, распространив его не только на целые объекты, но и на их составные части. Однако эти нововведения одновременно породили и новые проблемы – судебная практика фиксирует значительный рост случаев злоупотребления правом собственности, особенно в вопросах, касающихся использования общего имущества многоквартирных домов⁸ и правового статуса отдельных помещений, что требует специального анализа и разработки правовых механизмов предотвращения таких злоупотреблений⁹.

В-третьих, в последнее время существенно развилась сфера регулирования целевого и разрешенного использования недвижимости, находящейся на вещном

---

⁶ Параграф введен в ГК РФ Федеральным законом от 24.07.2023 N 351-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Введены в ГК РФ Федеральным законом от 21.12.2021 N 430-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Обсуждение реформы Жилищного кодекса РФ // Круглый стол в ТПП РФ. – Москва, 11 апреля 2025 г. – URL: <https://news.tpprf.ru/ru/media/6727999/>; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.07.2025 N 305-ЭС25-2385 по делу N A40-88564/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См. например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 по делу N 18-КГ23-169-К4 (УИД 23RS0015-01-2021-003908-83); Определение Верховного Суда РФ от 01.12.2023 N 307-ЭС23-17082 по делу N A66-11244/2022; Определение Верховного Суда РФ от 31.10.2023 N 302-ЭС23-20813 по делу N A58-9854/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

праве, создано законодательство о категориях земель¹⁰. Названные категории являются пределами осуществления вещного права, выход за которые имеет серьезные негативные последствия. Исследование злоупотребительных действий в сфере целевого и разрешенного использования объектов недвижимости остается малоисследованной.

В-четвертых, несмотря на стремительное развитие частного землевладения и индивидуального жилищного строительства, российское законодательство до сих пор не содержит комплексного регулирования отношений между собственниками смежных земельных участков. Сложившаяся правовая система, унаследовавшая многие подходы советского периода, оставила эту сферу преимущественно в периметре публично-правового регулирования через нормы градостроительного, земельного и природоресурсного законодательства. Однако специфика соседских отношений требует особого внимания к определению разумных пределов осуществления прав собственности и предотвращению злоупотреблений ими.¹¹

Отсутствие стройной концепции соседского права отрицательно сказывается на правоприменительной практике. Суды часто руководствуются нормами публичного права, регламентирующими границы осуществления права собственности, в том числе через специальные градостроительные, экологические

¹⁰ См. например: Ст. 7 Земельного кодекса Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ; ст. 8, 21, 39.1, 63 Лесного кодекса Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ; ст. 5.1 Федерального закона от 25.06.2002 N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»; ст. 2 Федерального закона от 14.03.1995 N 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Актуальность вопроса изучения соседских отношений в современном российском праве подтверждается в последних исследованиях по данной проблематике. См. например: Емелькина И.А. Ограничение права собственности на земельные участки в интересах соседей (соседское право) в гражданском праве России и в зарубежных правовых системах: монография / И.А. Емелькина, Ю.Д. Сюбаева. М.: Юстициформ, 2021; Емелькина И.А. Проблемы формирования института соседского права в российском гражданском праве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 2. С. 399 – 414; Емелькина И.А. Право прохода (проезда) к общественной дороге как ограничение права собственности в интересах соседа в российском и зарубежном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. N 2. С. 84 – 104; Сюбаева Ю.Д. Гражданско-правовое регулирование ограничений права собственности на земельный участок в интересах соседей (соседского права): дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2018; Андреев Ю.Н. Соседские отношения в гражданском праве России: теория и практика. М.: Норма; ИНФРА-М, 2016; Нелюбина А.В. Правовое регулирование соседских отношений: конвергенция публичных и частных начал // Сибирский юридический вестник. 2019. N 2 (85). С. 27 – 32; Семенова Е.Г. О предмете правового регулирования соседского права // Цивилист. 2022. N 4. С. 40 – 46.

и санитарно-эпидемиологические нормы¹². Следовательно, исследование вопроса о предмете правового регулирования соседского права имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Хотя категория соседских прав не легализована в действующем законодательстве, был разработан законопроект, предусматривающий внесение изменений в ГК РФ в отношении правового режима соседних земельных участков¹³.

В-пятых, развитие законодательства и практики его применения об отдельных ограниченных вещных правах, ограничениях и обременениях послужило увеличению числа нарушений в отношениях по осуществлению ограниченных вещных прав (сервитутов, хозяйственного ведения и оперативного управления и др.) в виде злоупотребления правом, а также при их ограничениях и обременениях.

В-шестых, требует глубокого анализа такая форма злоупотребления правом как заведомо недобросовестное поведение участников вещных правоотношений. Несмотря на то, что в современной цивилистике наблюдается повышенный интерес к вопросам добросовестности¹⁴, объектом внимания доктрины и судебных органов¹⁵ выступает чаще всего субъективная добросовестность, тогда как объективная добросовестность в вещном праве остается без должного внимания.

¹² Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 января 2013 г. N 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. N 4 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Проект Федерального закона N 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См, например: Нам К.В. Принцип добросовестности. Опыт теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2021; Ширвиндт А. М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева. Статут. М., 2014; Хесселинк М.В. Принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 8. С. 157 – 187; Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 156 (автор гл. 12 - Д.В. Дождев); Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. N 1. С. 28 – 74; Нам К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права. 2017. N 6. С. 74 – 89; Дерюгина Т.В. Недобросовестное поведение как основание возникновения гражданских прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. N 7. С. 19 - 23.

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 N 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Склиановой, Р.М. Склиановой и В.М. Ширяева»; Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2021 N 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Мокеева»; Постановление

Сказанное предопределяет актуальность и своевременность обращения в рамках настоящего диссертационного исследования к анализу запрета злоупотребления правом как элементу правового регулирования вещного права.

Степень разработанности научной проблемы. В российской цивилистике категория запрета злоупотребления правом в рамках вещно-правового аспекта не получила комплексного рассмотрения. Проблему злоупотребления правом обычно рассматривают в рамках отдельных отраслей (корпоративное¹⁶, семейное¹⁷, трудовое¹⁸ право) или институтов (банкротство¹⁹, исключительные права²⁰, страхование²¹).

Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 N 48-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2025 N 3-П «По делу о проверке конституционности статей 12, 209 и 304 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 5 статьи 1 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» в связи с жалобами граждан Н.И. Гришиной, Н.З. Гулордавы и других»; Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // СПС «КонсультантПлюс».

- ¹⁶ Смирнова Я.А. Злоупотребления корпоративными участниками хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019; Григорьев Н.Д. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ // Право и бизнес. 2022. N 3. С. 34 – 38; Лянгузова Е.М. Экономические аспекты корпоративных злоупотреблений правом // Юрист. 2020. N 7. С. 44 – 49; Черкасова О.В. Злоупотребление правами участниками хозяйственных обществ // Вестник арбитражной практики, 2020. N 5; Егоров А.В. Злоупотребления корпоративными правами: виды и способы защиты // Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сб. ст. к 100-летию со дня рождения профессора В.П. Грибанова / отв. ред. Е.А. Суханов, А.Е. Шерстобитов. М.: Статут, 2021. С. 235-286.
- ¹⁷ Матанцев Д.А. Категория злоупотребления правом в гражданском и семейном законодательстве и доктрине Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.03. М., 2012; Ульянова М.В. Пределы осуществления семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. N 4. С. 658 – 682; Шереметьева Н.В. Злоупотребление правом на распоряжение имуществом несовершеннолетнего // Семейное и жилищное право. 2022. N 1. С. 17 – 20; Рыженков А.Я. Реализация принципа судебной защиты семейных прав: проблемы и перспективы // Современное право. 2020. N 9. С. 59 – 65.
- ¹⁸ Офман Е. М. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006; Костян И.А. Принцип недопустимости злоупотребления правом: отдельные вопросы практики его применения // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. N 2. С. 3-6.
- ¹⁹ Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве). М., 2018; Ланг П.П. Злоупотребление правом в сфере несостоятельности (банкротства) // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. N 9. С. 42-46; Гурылева К.И. Конфликт интересов как причина злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве) // Хозяйство и право. 2022. N 5. С. 88-95.
- ²⁰ Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2021; Сеницын С.А. Злоупотребление правом: от общего к частному (на примере патентных прав) // Вестник гражданского права. 2022. N 6. С. 55 – 97; Городов О.А. О признаках злоупотребления патентными правами // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. N 1. С. 46 – 51; Левин А.Б., Ананьев С.П. Злоупотребление правом на оспаривание патента: проблемы и пути решения // ИС. Промышленная собственность. 2023. N 4. С. 47 – 53.
- ²¹ Момотов В.В. Злоупотребление правом: теория и практика противодействия в страховых правоотношениях // Мировой судья. 2017. N 11. С. 33 – 40.

При этом некоторые вопросы и отдельные аспекты освещались отечественными исследователями. Так, О.А. Поротикова, несмотря на общетеоретический модус исследования, посвящает отдельный параграф вопросу злоупотребления правом при осуществлении права собственности и иных вещных прав²². В работе И.А. Емелькиной и Ю.Д. Сюбаевой поднимается проблема злоупотребления правом в контексте соседских отношений²³. Имеются работы об ограничениях права собственности (В.П. Камышанский²⁴) и пределах прав собственников жилья (Т.В. Дерюгина²⁵).

Отдельного внимания заслуживает монография Н.В. Шереметьевой, вышедшая в свет в 2023 г., посвященная исследованию принципа недобросовестности в вещном праве. Учитывая смежный характер понятий «недобросовестность» и «злоупотребление правом», в указанной работе анализируется вопрос соотношения категорий запрета злоупотребления правом и недобросовестного осуществления гражданских прав²⁶.

Некоторые вопросы злоупотребления правом в вещных правоотношениях поднимаются следующими авторами: Ю.А. Волочай²⁷, Н.Ю. Ветер²⁸, А.С. Васильев²⁹, Д.В. Мурзин³⁰, С.И. Суслова³¹, Е.А. Суханов³², О.А. Поротикова³³,

---

²² Поротикова О.А. Указ. соч.

²³ Емелькина И.А. Указ. соч.

²⁴ Камышанский В.П. Ограничения права собственности: гражданско-правовой анализ: дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 2000.

²⁵ Дерюгина Т.В. Пределы осуществления прав собственника на жилое помещение: коллизионные аспекты правового регулирования // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 5, Юриспруд. 2015. № 3 (28). С. 92-96; Дерюгина Т.В. Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав: дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2010.

²⁶ Шереметьева Н.В. Недобросовестность в вещном праве: монография. М.: Проспект, 2023.

²⁷ Волочай Ю.А. Приобретение права собственности на недвижимое имущество по договору: сравнительный анализ законодательства России и Германии. М.: Статут, 2013.

²⁸ Камышанский В.П., Ветер Н.Ю. Злоупотребление правом: понятие, признаки, общая характеристика // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. N 112(08). С. 1 - 21.

²⁹ Васильев А.С., Мурзин Д.В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 3. С. 65 - 77.

³⁰ Там же.

³¹ Суслова С.И. Злоупотребление правами в жилищной сфере // Гражданское право. 2013. N 2.

³² Суханов Е.А. Проблемы вещного права в современном российском праве // Журнал российского права. 2016. N 4 (232).

³³ Поротикова О.А. Указ. соч.

Т.С. Яценко³⁴. Однако указанные исследования касаются лишь отдельных вопросов вещного права, и упоминание запрета злоупотребления правом в них имеет скорее случайный и вспомогательный характер, то есть запрет злоупотребления правом не является центром этих исследований.

Зарубежная цивилистика уделяет значительное внимание категории злоупотребления правом, включая ее вещно-правовой аспект. В частности, стоит выделить ряд французских и немецких источников³⁵. Кроме того, существует активная дискуссия о злоупотреблении вещным правом в англо-американской правовой системе, которая возникла на основе нескольких судебных дел. Также англоязычная сравнительно-правовая литература позволяет изучить различные подходы к вопросу злоупотребления правом в контексте англо-американской и континентально-европейской правовых традиций³⁶.

Отдельного внимания заслуживает диссертационное исследование С.В. Третьякова 2022 г., которое посвящено генезису учения о субъективном праве³⁷. Хотя это исследование прямо не касается темы запрета злоупотребления правом, широкий теоретический подход и глубокий анализ С.В. Третьякова стали основой для некоторых выводов и суждений автора. Ведь сама постановка вопроса о злоупотреблении правом находится в контексте учения о субъективных правах.

Цель диссертационного исследования заключается в определении сущности принципа запрета злоупотребления правом в вещных правоотношениях,

---

³⁴ Яценко Т.С. Указ. соч.

³⁵ Saleilles R. Etude sur la théorie générale des obligations d'après le premier projet du code civil allemand. Paris, 1901; Planiol M. Traité élémentaire de droit civil. T.2. Paris, 1917; Josserand L. De l'esprit des droits et de leur relativité. Théorie dite de l'abus des droits. Paris, 2006; Buttin R. L'usage abusif du droit. Thèse. Paris, 1904; Girard P.F. Manuel élémentaire de droit romain. Paris, 1929; Markovitch M. La théorie de l'abus des droits en droit compare. Thèse. Lyon, 1936; Marson J. L'abus du droit en matière de contrat. Thèse. Paris, 1935; Thon A. Rechtsnorm und subjective Recht. Weimar: H. Bohlau, 1878; Siebert W. Verwirkung und Unzulässigkeit der Rechtsausübung: Ein rechtsvergleichender Beitrag zur Lehre von den Schranken der privaten Rechte und zur exceptio doli (§§ 226, 242, 826 BGB.), unter besonderer Berücksichtigung des gewerblichen Rechtsschutzes (§ 1 UWG). Marburg i. Hessen: Elwert, 1934.

³⁶ Например, Gordley J. The Jurists: A Critical History. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 263-294; Katz L. Spite and Extortion: A Jurisdictional Principle of Abuse of Property Right // The Yale Law Journal. 2013. № 122; Berman M.N. Abuse of Property Rights Without Political Foundations: A Response to Katz // The Yale Law Journal Forum. Vol. 124. 2014; Perillo J. Abuse of Rights: A Pervasive Legal Concept. Pacific Law Journal, Vol. 27. 1995. P. 40; Cueto-Rua J. Abuse of Rights. Louisiana Law Review. 1975. Vol. 35. P. 967; Herman S. Classical Social Theories and the Doctrine of "Abuse of Rights". Louisiana Law Review. Vol. 37. 1975. P. 747-748; Byers M. Abuse of Rights: An Old Principle, A New Age. McGill Law Journal / Revue de Droit de McGill, Vol. 47. 2002. P. 395.

³⁷ Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022.

определение его признаков и особенностей применения, обозначение границ (пределов) осуществления права собственности и производных от него вещных прав с учетом современных реалий и специфики правовой категории вещного права, имеющей особые принципы регулирования; выявить формы и виды злоупотребления правом в вещных правоотношениях, определить его последствия и способы защиты прав и интересов потерпевшего лица, определить специфику состава правонарушения при злоупотреблении правом.

Задачи диссертационного исследования:

- 1) проанализировать генезис концепции запрета злоупотребления правом в вещных правоотношениях, установить исторические институты, элементы которых могут быть взяты за образец при развитии современного законодательства;
- 2) определить сущность, признаки и особенности действия принципа запрета злоупотребления правом в вещных правоотношениях;
- 3) определить границы (пределы) осуществления права собственности и производных от него вещных прав с учетом современных реалий и специфики правовой категории вещного права;
- 4) определить основные формы запрета злоупотребления правом в контексте вещных правоотношений;
- 5) выявить и систематизировать (классифицировать) основные виды злоупотреблений вещными правами, предложить пути разрешения проблем, возникающих при злоупотребительных действиях;
- 6) установить правовые последствия, возникающие в результате злоупотребления вещными правами;
- 7) выявить особенности запрета злоупотребления правом при реализации соседских прав, осуществлении права общей собственности, выходе за целевое и разрешенное использование объекта при осуществлении вещного права;

8) обозначить особенности заведомо недобросовестного поведения как вида злоупотребления правом в вещных правоотношениях, выявить специфику защиты добросовестных третьих лиц;

9) предложить практические рекомендации по разрешению основных проблем, возникающих в связи со злоупотреблениями вещными правами.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, формирующиеся в процессе осуществления вещного права, определения его (границ) пределов, правовых последствий при выходе за данные границы, а также защиты и восстановления прав потерпевших лиц и применения иных последствий при злоупотреблении правом участниками вещных правоотношений.

Предметом исследования являются нормы гражданского законодательства и иных правовых актов Российской Федерации, прямо или косвенно регулирующие отдельные вопросы осуществления вещных прав участниками гражданского оборота, а также теоретические и методологические исследования по анализируемой тематике, применяемая судебная практика в отношении злоупотреблений правом в сфере вещного права.

Теоретическая основа исследования. Настоящее исследование было подготовлено с учетом положений, выводов и результатов исследований, содержащихся в трудах дореволюционных, советских и современных отечественных ученых: М.М. Агарков, А.Д. Алдошкина, В.А. Багаев, О.Н. Бармина, В.А. Белов, М.И. Брагинский, С.Н. Братусь, Е.В. Вавилин, А.В. Венедиктов, В.В. Витрянский, М.А. Волчанский, Г.А. Гаджиев, Ю.С. Гамбаров, А.Г. Гойхбарг, В.П. Грибанов, А.И. Гуляев, Т.В. Дерюгина, Д.В. Дождев, В. Доманжо, Ф.М. Дыдынский, А.В. Егоров, М.А. Егорова, В.С. Ем, И.А. Емелькина, А.А. Иванов, А.В. Иноземцева, О.С. Иоффе, В.П. Камышанский, А.Г. Карапетов, Т.С. Краснова, О.А. Красавчиков, Л.А. Лунц, А.А. Малиновский, Д.И. Мейер, С.А. Муромцев, Д.А. Монахов, К.В. Нам, Т.Е. Новицкая, И.Б. Новицкий, Е.И. Папушина, И.С. Перетерский, Т.П. Подшивалов,

И.А. Покровский, О.А. Поротикова, С.Ф. Радченко, А.О. Рыбалов, В.А. Рясенцев, С.А. Сеницин, К.И. Скловский, Я.А. Смирнова, Ю.Д. Сюбаева, Е.Д. Суворов, Е.А. Суханов, И.Н. Трепицын, С.В. Третьяков, В.М. Хвостов, Б.Б. Черепашин, Н.В. Шереметьева, А.Е. Шерстобитов, А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков, Т.С. Яценко и иные.

Кроме того, автор обращался к исследованиям иностранных авторов: Ю. Барон, Е. Годэмэ, Л.Ж. Морандьер, П. Эртманн, В. Akkermans, G.S. Alexander, M.N. Berman, R. Buttin, M. Byers, R. Cooter, C. Dabelow, R. Daniels, H. Dittmar, S. Erp, P. Girard, J. Gordley, L. Josserand, H.L.A. Hart, T. Honore, A. Lehari, M. Planiol, R. Pothier, F. Schultz, W. Siebert, M. Taggart, J. Waldron, S. Whittaker, F. Wiacker, A.N. Yiannopoulos и иные.

Методологическая основа исследования. Методология представлена как общенаучными методами познания (анализ, синтез, сравнение, индукция, дедукция, научная абстракция, классификация, аналогия), так и частно-научными методами, присущими юридической науке (систематический, функциональный, исторический, сравнительный, телеологический, метод экономического анализа права и иные методы толкования норм законодательства).

В настоящей работе широко используется сравнительно-правовой метод, который заключается в сопоставлении не только норм различных правовых систем, но и идей, концепций и теорий представителей различных направлений в цивилистике.

Особое внимание следует уделить применению исторического метода, который помогает лучше понять процессы возникновения и формирования концепции запрета злоупотребления правом, в том числе в сфере вещных прав. Этот метод также позволяет проиллюстрировать примеры злоупотребления вещными правами на разных этапах исторического развития общества. Важно отметить, что использование историко-правового метода не превращает настоящее исследование в историко-правовое, а лишь дополняет и обогащает анализ концепции запрета злоупотребления правом.

Использование этих методов является ключевым элементом для достижения целей и решения задач исследования, что позволяет комплексно и всесторонне рассмотреть предмет исследования.

Информационная база исследования. Список источников и литературы, использованных автором при исследовании темы диссертации, включает: более 250 монографий, диссертаций (авторефератов диссертаций), статей и интервью отечественных ученых; более 70 работ зарубежных исследователей на иностранных (английском, французском и немецком) языках; более 20 нормативно-правовых актов РФ и зарубежных государств; более 150 актов российских и иностранных судов; более 15 источников, относящихся к электронным ресурсам.

Обоснованность и достоверность результатов исследования.

Достоверность полученных результатов обеспечивается всесторонним анализом широкого круга источников. В исследовании использованы не только нормативные акты, но и правовые позиции высших судебных инстанций, включая КС РФ и ВС РФ. Значительное внимание уделено изучению доктринальных работ ведущих специалистов в области гражданского права, что позволило соотнести выводы исследования с современными научными подходами. Особую ценность представляет анализ судебной практики, охватывающий период с 2015 по 2025 год, который выявил устойчивые тенденции в сфере злоупотреблений в вещных правоотношениях.

Положения, выносимые на защиту и имеющие научную новизну.

1) Обосновано, что под злоупотреблением правом в вещных правоотношениях (злоупотребление вещным правом) необходимо понимать поведение (в виде действия или бездействия) собственника вещи либо лица, обладающего ограниченным вещным правом, осуществляемое формами и способами, направленными на причинение вреда другому лицу (лицам) либо на создание для него (для них) иных неблагоприятных последствий, формально

осуществляемое в пределах (границах) установленного законом содержания вещного права.

Настоящее положение соответствует пунктам 1, 3, 5, 9 и 32 паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

2) Доказано, что характерной особенностью злоупотребления вещным правом является злоупотребительное поведение законного владельца вещи в отношении как известных лиц, так и неограниченного круга иных лиц (в том числе, потенциальных потерпевших), которое повлекло неблагоприятные последствия или может повлечь эти последствия в будущем. В этой связи возможна защита от злоупотребления вещным правом как при наличии полного состава злоупотребительного поведения как особого правонарушения (действие (бездействие) лица, вред или иные неблагоприятные последствия и причинно-следственная связь между ними, вина злоупотребляющего лица), так и усеченного состава, то есть в отсутствии неблагоприятных последствий, но при наличии реальной угрозы их наступления.

Настоящее положение соответствует пунктам 3, 5 и 9 паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

3) Сконструированы две модели возможного выхода за пределы осуществления права в вещных правоотношениях с разным правовым режимом: (i) в абсолютном правоотношении, в котором потенциальным потерпевшим может быть признано любое лицо, а также (ii) в субъективно-относительном правоотношении, которое возникает между конкретными лицами: сособственниками в общей собственности, сонаследниками, жильцами многоквартирного дома, в соседских отношениях, отношениях между субъектом ограниченного вещного права и собственником и др.

В целях ограничения неоправданно широкого применения запрета злоупотребления правом в судебной практике необходима оценка поведения лица, потерпевшего от злоупотребительных действий в субъективно-относительном правоотношении, с точки зрения принципа добросовестности.

Неосмотрительное поведение потерпевшего лица в субъективно-относительных отношениях, когда потерпевший знал или мог знать о возможном причинении ему вреда злоупотребительными действиями и мог их предотвратить, но не предотвратил, должно выступать основанием отказа в защите его права (взаимная недобросовестность).

Настоящее положение соответствует пунктам 3, 5 и 9 паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

4) Обоснована связь между возможностью признания действия (бездействия) субъекта вещного права в качестве злоупотребления правом и особой структурой субъективного вещного права, которая состоит из двух различных по содержанию элементов, условно обозначаемых в качестве «ядра» и «периферии». Ядро представляет собой нормативно закрепленный элемент вещного права, где законодатель четко определяет содержание и пределы осуществления вещных правомочий (основано на *numerus clausus* содержания вещного права). В отличие от ядра, периферия субъективного вещного права – это зона правовой неопределенности за границами ядра субъективного вещного права, характеризующаяся отсутствием прямого законодательного регулирования.

Нарушение установленных в рамках «ядра» норм представляет собой прямое нарушение закона (классическое правонарушение), тогда как «периферия» служит инструментом гибкого регулирования, позволяющим адаптировать применение вещных прав к нестандартным ситуациям, при которых имеются действия (бездействие) субъекта вещного права, нарушающие законодательный запрет на злоупотребительные действия (фиктивное правонарушение).

Настоящее положение соответствует пунктам 1, 3, 5, 9 и 12 паспорта научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5) Доказана возможность применения диспозитивно-императивного метода в регулировании субъективно-относительных вещных правоотношений, который допускает заключение соглашений между его участниками. Такие соглашения могут изменить содержание «ядра» вещного права: разрешать выход

за границы осуществления вещного права (в том числе, за обусловленную плату), терпеть неудобства (соседские соглашения, соглашения сосособственников, супругов и др.). Условия таких соглашений могут быть признаны в качестве обременений, в связи с чем необходимо обеспечить их публичность для третьих лиц, в том числе в виде регистрации в специальных реестрах (например, в ЕГРН, ЕГИС и др.).

Обоснованием данного вывода выступает то обстоятельство, что, в отличие от вещного права, «ядро» обязательственного права, вытекающего из договора, может быть установлено как законом, так и соглашением сторон и, соответственно, «периферия» такого субъективного права может быть сужена или расширена, по сравнению с тем, как это первоначально установлено законом. Поэтому злоупотребление вещным правом возможно при выходе за «ядро», установленное законом, а в договорном праве – за «ядро», установленное как законом, так и договором.

Настоящее положение соответствует пунктам 1, 3, 5 и 9 паспорта научной специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки».

б) Определено, что злоупотребление вещным правом как правонарушение особого типа влечет применение к субъекту злоупотребления специальных правовых последствий (мер). Во-первых, отказ в защите субъективного вещного права как основное (генеральное) последствие, сводящееся на практике к отказу: (i) в принятии к рассмотрению вещно-правового иска, (ii) в принятии возражения против вещно-правового иска, и (iii) в применении исковой давности. Во-вторых, в правоприменительной практике применяются также иные последствия (меры), в частности, такие как: (i) понуждение обладателя вещного права к осуществлению активных действий, (ii) запрет на осуществление конкретных действий со стороны обладателя вещного права, (iii) прекращение (лишение) субъективного вещного права, (iv) признание недействительными сделок с имуществом на основании установления факта злоупотребления вещным правом, и (v) возмещение причинённого вреда.

Настоящее положение соответствует пунктам 3, 5, 9 и 12 паспорта научной специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки».

7) Обосновано самостоятельное значение запрета противоречивого поведения субъекта вещного правоотношения (вещный эстоппель) как специального механизма ограничения злоупотребления вещным правом, существенно отличающегося от противоречивого поведения субъекта обязательственного правоотношения (договорный эстоппель). Вещный эстоппель представляет собой выход за границы осуществления субъективного вещного права и, в отличие от договорного эстоппеля, допускает защиту потерпевшего иском о признании вещного права и способен породить у последнего вещный титул (например, при защите от недобросовестного воспрепятствования оформления права собственности). Вещный эстоппель, блокируя противоречивое поведение и одновременно трансформируя вещно-правовые отношения, выполняет две взаимосвязанные функции: ограничительную (пресечение злоупотреблений) и правообразующую (возникновение вещного титула), обеспечивая тем самым защиту добросовестных участников оборота.

Настоящее положение соответствует пунктам 3, 5, 7, 9, 12 и 32 паспорта научной специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки».

8) Аргументирована необходимость применения специальных, более строгих мер при выявлении случаев злоупотребления правом собственности между сосособственниками, в том числе посредством введения ограничений, запретов и повышенной ответственности (в частности, ограничения права голоса при распоряжении имуществом; запрета на определенные способы использования имущества без согласия иных сосособственников; взыскания компенсации в двойном размере).

При этом к сосособственникам-предпринимателям следует применять дополнительные меры, что обусловлено необходимостью защиты стабильности гражданского оборота и минимизации предпринимательских рисков: полное лишение права участвовать в управлении имуществом; обращение в пользу других

сособственников всего дохода, полученного в период осуществления злоупотребительных действий; судебный запрет на коммерческое использование доли; возмещение всем потерпевшим сособственникам упущенной выгоды в полном объеме. В исключительных случаях при полной блокировке в результате злоупотребительных действий использования общего имущества, когда иные меры недостаточны, необходимо допустить крайнюю меру – принудительный выкуп доли злоупотребляющего сособственника-предпринимателя.

Перечисленные меры обусловлены спецификой отношений, возникающих между субъектами общей собственности, которая заключается в том, что симметричность прав на один объект создает отношения вынужденного взаимодействия, где действия одного неизбежно затрагивают интересы другого без возможности одностороннего выхода из таких правоотношений. Необходимы повышенные требования к определению добросовестности поведения сособственника, поскольку злоупотребления с его стороны угрожают не только отдельным лицам, но и стабильности правового режима всего имущественного комплекса.

Настоящее положение соответствует пунктам 3, 5, 9, 12 и 15 паспорта научной специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Предложения по внесению изменений в законодательство.

1) Включение в статью 209 ГК РФ общего правила о добросовестном осуществлении вещных прав по аналогии с правилом, закрепленном в статье 307 ГК РФ в отношении обязательства, в следующей формулировке:

«При приобретении, осуществлении и защите вещных прав участники гражданских правоотношений обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы других лиц, не допуская злоупотребления правом и предоставляя необходимую информацию, если это требуется для реализации или защиты вещных прав».

Предлагаемое изменение восполнит пробел и создаст правовую основу для более справедливого разрешения вещных споров в дополнение к общему правилу о добросовестности, закрепленному в статье 1 ГК РФ.

2) Закрепить выработанный КС РФ подход к пониманию взаимной недобросовестности и ее последствиям в ГК РФ во избежание односторонней оценки случаев злоупотребления правом. Предлагается дополнить статью 10 ГК РФ положением, конкретизирующим последствия взаимной недобросовестности в гражданских правоотношениях, например, в следующей редакции:

«В случае взаимной недобросовестности участников гражданских правоотношений (в том числе при непринятии уполномоченным лицом разумных мер для защиты своих прав, что способствовало возникновению нарушения или увеличению его последствий), суд вправе отказать в защите права полностью или частично, учитывая степень вины и осмотрительности каждой из сторон, а также принципы соразмерности и справедливого баланса интересов».

Закрепление принципа взаимной недобросовестности стимулирует осмотрительность участников оборота, побуждая их своевременно защищать свои права, и поддержит баланс интересов, исключая переложение рисков на одних участников оборота из-за пассивности других участников, что соответствует правовой позиции КС РФ в Деле Мокеева³⁸. Несмотря на то, что идея о взаимной недобросовестном (взаимном злоупотреблении правом) была обнаружена в контексте вещного права, она может быть применима и к иным подотраслям частного права. Именно поэтому предложение связано с уточнением статьи 10 ГК РФ.

3) Внести изменения в пункт 3 статьи 213.25 Закона о Банкротстве, детализировав параметры имущества, которые подпадают под исполнительский иммунитет в случае банкротства гражданина. Предлагается следующая редакция:

---

³⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2021 N 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Мокеева» // СПС «КонсультантПлюс».

«Из конкурсной массы финансовым управляющим исключается имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством, за исключением случаев, когда:

имущество приобретено должником после возникновения обязательств, по которым взыскание было присуждено судом или признано должником;

стоимость имущества существенно превышает разумные потребности должника и членов его семьи;

судом установлено, что приобретение или сохранение такого жилья направлено на недобросовестное уклонение от исполнения обязательств.»

Предлагаемые изменения в Закон о Банкротстве позволят законодательно закрепить правовую позицию, сформулированную КС РФ по Делу Ревкова³⁹, и обеспечат баланс интересов кредиторов и должников.

4) Включение в статью 246 ГК РФ ограничения на разделение общего имущества на «микродоли» в следующей формулировке:

«Доля в праве общей собственности не может быть разделена на части, если в результате такого разделения владение, пользование или распоряжение соответствующей частью общего имущества станет невозможным либо существенно затруднится с учетом его назначения. В случае спора вопрос о допустимости дробления доли разрешается судом с учетом интересов всех собственников».

Предлагаемое изменение закона направлено на пресечение злоупотреблений при дроблении долей, когда собственники искусственно создают технически возможные, но практически нежизнеспособные «микродоли», что парализует нормальное использование общего имущества и фактически выводит его из гражданского оборота.

---

³⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 N 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» // СПС «КонсультантПлюс».

5) В целях предотвращения злоупотреблений и снижения числа конфликтов между соседями необходимо законодательно закрепить четкие пределы допустимого поведения собственников, предложенные в законопроекте о соседских отношениях⁴⁰, включая запрет на действия, ухудшающие использование соседней недвижимости, а также обязанность учитывать интересы соседей при владении и пользовании имуществом. Важным элементом такого регулирования должна стать возможность согласования правил соседства договором и дифференцированный подход для физических лиц и коммерческих организаций.

Ключевыми элементами предлагаемого регулирования являются: распространение правил на все виды недвижимости (не только земельные участки), конкретизация запрещенных действий (шум, загрязнение, физические помехи) и установление эффективного механизма судебной защиты при нарушении соседских прав.

Такое регулирование создаст правовую определенность в вопросах соседских отношений и сократит потребность в применении статьи 10 ГК РФ (злоупотребление правом) при разрешении соседских споров, обеспечив баланс интересов всех участников правоотношений.

Научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что впервые в современной отечественной цивилистической науке проведено комплексное рассмотрение категории запрета злоупотребления правом в контексте вещных правоотношений. Исследования, подготовленные ранее, в основном посвящены общим вопросам теории злоупотребления правом или комплексному рассмотрению злоупотреблений правом в отдельных отраслях (подотраслях) частного права (например, корпоративное право, трудовое право, семейное право)

---

⁴⁰ Проект Федерального закона N 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

или институтах (несостоятельность (банкротство), страхование, исключительные права). При этом отсутствуют работы, посвященные непосредственно запрету злоупотребления правом в вещных правоотношениях. В целях устранения этого пробела и было подготовлено настоящее исследование.

Научная новизна диссертации заключается в том, что сформировано целостное обоснованное научно-теоретическое представление о злоупотреблении правом при осуществлении права собственности и ограниченных вещных прав. Сформулировано определение злоупотребления правом в вещных правоотношениях, обогащающее понятийный аппарат отрасли гражданского права и позволяющее в практике определить злоупотребительные действия субъектов вещных прав, а также предложены способы правового регулирования для предотвращения злоупотреблений вещным правом.

Автором предложено разграничение понятий «запрет злоупотребления вещным правом» как принципа права, ограничивающего злоупотребительное поведение в рамках вещных отношений, и «злоупотребление вещным правом» как правонарушения особого типа (фиктивного правонарушения), формально остающимися в рамках дозволенного поведения.

Впервые выделены две правовые модели выхода за пределы осуществления вещных прав: (1) в абсолютных правоотношениях и (2) субъективно-относительных правоотношениях – с обоснованием различных правовых режимов их регулирования. Автором обоснована необходимость учета добросовестности в поведении потерпевшего в субъективно-относительных отношениях (совладение, соседские связи и др.) как условия ограничения судебного применения запрета злоупотребления правом. Сформулирован новый критерий отказа в защите права: неосмотрительность потерпевшего, который знал или должен был знать (предвидеть) вред от злоупотребления, но не принял мер к его предотвращению, что развивает доктрину злоупотребления правом и совершенствует механизм гражданско-правовой защиты.

Сформулированы различия между злоупотреблением вещным правом, где выход за пределы допустимого определяется законом, и злоупотреблением в

договорных отношениях, где границы права могут изменяться соглашением сторон, расширяя или сужая его ядро. Обоснована возможность применения диспозитивно-императивного метода в субъективно-относительных вещных правоотношениях, позволяющего участникам заключать соглашения, модифицирующие содержание вещного права (например, соседские договоры, брачные контракты), включая установление платы за выход за его пределы или терпение неудобств. Предложено обеспечение публичного характера таких соглашений через их регистрацию в публичных реестрах, что вносит вклад в развитие механизмов гибкого регулирования вещных прав с учетом частной автономии сторон.

Представленные в работе предложения и выводы автора формируют новые подходы к противодействию злоупотреблениям в вещно-правовой сфере, обогащая доктрину гражданско-правовой защиты и создавая теоретическую основу для совершенствования правоприменительной практики в контексте вещного права.

Практическая значимость исследования также заключается в разработке конкретных предложений по совершенствованию законодательства о вещных правах, направленных на противодействие злоупотреблениям. В частности, автором предложено: (i) дополнить статью 209 ГК РФ нормой о добросовестном осуществлении вещных прав по аналогии со статьей 307 ГК РФ; (ii) ввести в статью 246 ГК РФ запрет на создание «микродолей», парализующих использование общего имущества; (iii) систематизировать регулирование соседских отношений через установление четких границ (пределов) допустимого поведения, договорных механизмов урегулирования и дифференцированных подходов для разных категорий собственников (обычных граждан и предпринимателей). Эти меры позволят сократить злоупотребления в наиболее проблемных сферах и уменьшат необходимость чрезмерно широкого применения статьи 10 ГК РФ.

Предложенные автором критерии (тесты) оценки поведения участников оборота на предмет злоупотребления / недобросовестности могут применяться правоприменителем в качестве методического ориентира в практической деятельности (в частности, критерии (тесты) реальности и существенности вреда,

экономической целесообразности, пропорциональности, ожидаемости, локализации, наименее ограничивающей альтернативы, иные).

Настоящее исследование может стать основой для дальнейшего изучения темы запрета злоупотребления правом в вещных правоотношениях и углубления знаний в этой области.

Апробации результатов исследования. Диссертационное исследование было выполнено автором на кафедре гражданского права и процесса Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности (ИПНБ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Отдельные положения диссертационной работы становились предметом научного обсуждения на заседаниях кафедры гражданского права и процесса Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности (ИПНБ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, а также на круглых столах и научно-практических конференциях, в частности:

1) заседание Студенческого научного сообщества кафедры гражданского права и процесса Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности (ИПНБ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, которое состоялось 15 мая 2024 г.;

2) Международная научно-практическая конференция «XII Мальцевские чтения» (секция «Преемственность и новизна в гражданском праве») Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности (ИПНБ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, которая состоялась 18 апреля 2025 г.;

3) Всероссийская студенческая онлайн-конференция «Традиционные семейные ценности: правовое регулирование в современном мире» Юридического

факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности (ИПНБ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, которая состоялась 24 апреля 2025 г.

Отдельные идеи и выводы диссертационного исследования были отражены в 4 научных статьях, опубликованных в изданиях, рецензируемых Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России), а также входящих в перечень, рекомендованный ученым советом РАНХиГС в целях публикации статей по юриспруденции.

Перечень публикаций автора.

1) Буцан Е.Ю. Генезис концепции злоупотребления правом: вещно-правовой аспект (на примере римской правовой традиции) // Гражданское право. – 2024. – № 5. – С. 38-41. (0,33 п.л.)

2) Буцан Е.Ю. Генезис концепции злоупотребления правом: вещно-правовой аспект (на примере частного права в Европе) // Юрист. – 2024. – N 1. – С. 12 – 16. (0,4 п.л.)

3) Буцан Е.Ю. Запрет злоупотребления правом в англо-американской правовой традиции // Образование и право. – 2024. – № 9. – С. 104-107. (0,33 п.л.)

4) Буцан Е.Ю. Генезис концепции злоупотребления правом: вещно-правовой аспект (на примере радикализации понятия права собственности) // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 7 (182). – С. 148-149. (0,16 п.л.)

Структура диссертационного исследования. Исследование состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС ЗАПРЕТА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ КАК ПРИНЦИПА ЧАСТНОГО ПРАВА ПРИ РЕГУЛИРОВАНИИ ВЕЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

1.1. История развития принципа запрета злоупотребления правом

1.1.1. Запрет злоупотребления правом в римском частном праве

Римское право, традиционно являющееся колыбелью основных институтов частного права, практически не рассматривало категорию запрета злоупотребления правом, вследствие чего вопрос о существовании в римском праве концепции как таковой является спорным.

Анализируя доктринальные источники, можно определить, что такой спор условно сводился к трем основным позициям относительно существования в римском праве категории запрета злоупотребления правом:

- 1) отрицание общей категории (принципа) запрета злоупотребления правом в римском праве⁴¹;
- 2) признание общей категории (принципа) запрета злоупотребления правом в римском праве⁴²;
- 3) компромиссная позиция, сводившаяся к тому, что запрет злоупотребления правом существовал в римском праве, но имел ограниченный (исключительный) характер, причем ограничения сводились в основном к сфере вещных прав (в первую очередь, права собственности)⁴³.

В исследованиях, отрицающих общую категорию (принцип) запрета злоупотребления правом в римском праве, аргументация сводится к тому, что права (в первую очередь, на примере права собственности) носили абсолютный

---

⁴¹ Planiol M. *Op.cit*; Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. СПб., 1911.; Годэме Е. Общая теория обязательств / Пер. с фр. И.Б. Новицкого. М., 1948; Грибанов В.П. Указ. соч. С. 26; Яценко Т.С. Категория шиканы в гражданском праве: история и современность. М., 2003. С. 22.

⁴² Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып.1. Кн. 1 Общая часть / Пер. с нем. Л. Петражицкого М., 1989.; Виндшейд Б. Учебник пандектного права.Т.1 Общая часть / Пер. с нем. С.В. Пахмана. СПб., 1874; Поротикова О.А. Указ. соч. С. 29; Вольфсон В.Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве: монография. – Москва: Проспект, 2014. С. 109-124.

⁴³ Доманжо В. Вопрос об ответственности за вред, причиненный при осуществлении права, в проекте нашего Гражданского уложения // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Шершеневича Г.Ф. М. Статут, 2005.

(неограниченный) характер⁴⁴. Абсолютный характер римского права собственности не предполагал наличия инструментов защиты третьих лиц от усмотрения управомоченного лица. Это связано с тем, что право собственности представляет собой право лица в отношении вещи, посредством которого оно может распоряжаться вещью по своему усмотрению⁴⁵. Следовательно, усмотрение в римском праве собственности считалось единственным мерилom осуществления такого вещного права, относительно которого не было установлено ограничений (неограниченный характер)⁴⁶.

В таком контексте логично согласиться, что нет места категории злоупотребления правом, поскольку правопорядок будет защищать осуществление права управомоченным лицом любым способом⁴⁷. Однако мы можем увидеть, что тезис об абсолютном характере прав на примере права собственности преувеличен: ограничения права собственности есть и со временем их число увеличивалось⁴⁸. Имеющиеся ограничения размывают аргумент о том, что право собственности носит абсолютный характер, и, как следствие, наносят удар по серьезности обоснования отсутствия запрета злоупотребления правом в римском праве через абсолютный характер права собственности. Следовательно, необходимо или принять позицию тех цивилистов, которые считают, что запрет злоупотребления правом имел место в римском праве, или же искать альтернативное обоснование его неприменимости в римском праве.

⁴⁴ Речь идет об абсолютном характере права в том смысле, что оно ничем и никем не ограничено. Не следует путать с «абсолютными» и «относительными» правоотношениями.

⁴⁵ Schultz F. *Principles of Roman Law*. Oxford: Clarendon Press, 1936. P. 45.

⁴⁶ Дождев Д.В. Римское частное право: учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2014. С. 386-388.

⁴⁷ Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР, отделение экономики и права, 1946. № 6. С. 425.

⁴⁸ При этом Д. Гордли со ссылкой на некоторые казусы указывает на встречающиеся ограничения римского права собственности: «Римские источники указывали на два обстоятельства, которыми ограничивалось неограниченное право собственности: (1) было неправомерным задымлять находящиеся выше помещения других собственников парами от сыроварни; и (2) было неправомерным затопление помещения, расположенного ниже (Подробнее см.: Gordley J. *Foundations of Private Law: Property, Tort, Contract, Unjust Enrichment*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 66). Более того, с усилением императорской власти в Риме начали происходить сообразные ограничения свободы усмотрения собственника, что было связано с защитой публичных интересов (Подробнее см.: Schultz F. *History of Roman Legal Science*. Oxford: Oxford University Press, 1946. P. 262-266). Также об ограничении осуществления права собственности в римском праве см.: Хвостов В.М. Система римского права: Учебник. М.: Спарк, 1996. С. 223-224.

Обозначенная дискуссия в большей степени сводится к спору о терминах и экстраполяции на римское право более поздних категорий науки частного права. В первом случае, например, цивилисты переводят римскую максиму “*malitiis non est indulgendum*” как «злоупотребление непростительно» и делают вывод о том, что категория «злоупотребления» имела место в римском праве⁴⁹. Перевод термина “*malitiis*” как «злоупотребление» является спорным. Аналогичная ситуация наблюдается с пониманием распространенной латинской фразы “*ius utendi et abutendi*”. Так, И.А. Покровский рассматривает указанное правомочие как право управомоченного лица как «употреблять вещь», так и «злоупотреблять ею»⁵⁰, в то время как, по мнению Д.В. Дождева, “*ius abutendi*” означает «потреблять» или «расточать». Д.В. Дождев отмечает, что значение слова “*abuti*” было переосмыслено средневековыми романистами. Это придало ему обобщающий смысл, который не существовал изначально в аутентичном римском тексте⁵¹.

Кроме того, построение вывода о наличии концепции злоупотребления правом на основании использования схожего слова не кажется оправданным. Исключительно лингвистический анализ источников сам по себе не должен быть аргументом в пользу истинности вывода о наличии той или иной правовой конструкции без дополнительной аргументации более сущностного характера⁵².

Более серьезной, на наш взгляд, является ошибка переноса на римские источники более позднего (современного) юридического мышления, при котором римские максимы рассматриваются сквозь призму общих категорий права, характерных для европейской науки частного права более позднего периода. Римские юристы, в отличие от более поздних юристов, рассуждали конкретными случаями (казусами) умаления чужой имущественной сферы и не

⁴⁹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 113.

⁵⁰ Покровский И.А. История римского права / Науч. ред. В.С. Ема. М.: Статут, 2004. С. 337-343. Аналогичный подход встречается и в английской литературе (См.: Honoré T. Ownership // Honoré T. Making Law Bind: Essays Legal and Philosophical. Clarendon Press, 1987. P. 161-193).

⁵¹ Дождев Д.В. Указ. соч. С. 341.

⁵² Третьяков С.В. Указ. соч. С. 39.

концентрировались на построении юридических (в частности, цивилистических) абстракций.

Категорию злоупотребления в римских источниках права в большей степени видели романисты (например, И.А. Покровский, Ю. Барон, Б. Виндшайд), которые в целом склонны модернизировать римские представления о праве, то есть смотреть на правовые феномены в духе современного времени, оставляя в тени (намеренного или случайно) истоки и социально-культурный контекст рассматриваемого феномена⁵³.

В современной цивилистической литературе вопрос противодействия злоупотреблению правом в деталях исследуется в работах В.Л. Вольфсона. По его мнению, римский порядок выработал целый набор способов противодействия злоупотреблениям, в частности, преторские эдикты, иск *bonae fidei*, институт *exceptio*⁵⁴.

Учитывая, что запрет злоупотребления правом возможен только тогда, когда признается субъективное право как категория частного права, мы понимаем, что вопрос в действительности находится в плоскости более общей дискуссии о том, возможно ли говорить в римском частном праве о субъективном праве. В этой связи следует обратиться к исследованию С.В. Третьякова, который в результате подробного анализа зарубежной цивилистики приходит к выводу, что субъективное право в его классическом понимании не было известно римского частному праву, так как римское частное право представляло собой систему средств защиты против умаления различных типов имущественных интересов, а не систему правил поведения. В качестве основного препятствия к формированию категории субъективного права отмечается то, что римское частное право недостаточно ясно различало стадии правотворчества и правоприменения,

---

⁵³ Там же. С. 42.

⁵⁴ Вольфсон В.Л. Указ. соч. С. 111-112; Муромцев С. А. О консерватизме римской юриспруденции // Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М., 2004. С. 186.

объективное и субъективное право, а также существование и принудительное осуществление права⁵⁵.

Следовательно, если в римском частном праве не было категории субъективного права, то мы не можем говорить и о наличии категории запрета злоупотребления субъективным правом. Любой поиск злоупотребления правом как общей категории (принципа) в римском праве сводится к словесной эквилибристике.

О чем тогда писали многие цивилисты (например, И.А. Покровский, В. Доманжо, М.М. Агарков, В.П. Грибанов, М. Планиоль и иные), когда приводили примеры, как минимум, отдельных (исключительных) случаев ограничения вещных прав, похожих на злоупотребление правом?

Несмотря на то, что в римском праве не было категории субъективного права, римское право защищало субъектов на стадии нарушения их имущественных интересов: управомоченным лицам принадлежала распорядительная способность относительно средств защиты нарушенного интереса (*actio*). На этой стадии претор мог по своему усмотрению выбрать тот способ защиты, который считает справедливым в отношении конкретного конфликта (например, наложить ограничения на собственника-соседа, который, распоряжаясь своей собственностью, нарушил интересы собственника-соседа)⁵⁶. Полагаем, что те отдельные (исключительные) случаи, которые цивилисты воспринимали в римском праве в качестве случаев злоупотребления правом, как раз таки и являлись конфликтами между субъектами римского частного права, которые претор решал в каждом конкретном случае по-разному (в частности, ограничивая вещные права одних субъектов в пользу других).

Таким образом, запрет злоупотребления правом как общая категория (принцип) частного права не был известен римскому частному праву, поскольку не было известно понятие субъективного права в его классическом понимании.

---

⁵⁵ Третьяков С.В. Указ. соч. С. 16-42.

⁵⁶ Такое проявление автономии воли С.В. Третьяков называет «эмбриональной» формой проявления категории субъективного права в римском частном праве, т.е. некоторой ранней формой развития, похожей по своему существу на субъективное право, но таковым не являющейся. См.: Третьяков С.В. Указ. соч. С. 41-42.

Безусловно, в римских источниках возможно встретить слова (термины) или описание отдельных случаев, которые напоминают (лингвистически или фактологически) злоупотребление правом, однако, по существу, это не будет иметь отношение к исследуемой нами категории запрета злоупотребления правом.

При этом следует сделать оговорку: приведенная выше позиция не должна рассматриваться как констатация абсолютной бесполезности римского права в контексте анализа категории запрета злоупотребления правом. Именно римские юристы впервые поднимают вопрос о том, что осуществление права не является безграничным⁵⁷. Это оказало значительное влияние на последующее формирование понятия пределов (границ) осуществления права в европейской частноправовой традиции⁵⁸.

При этом важно заметить, что защита от злоупотребительных действий в римском праве была возможна, прежде всего, в спорах в отношении собственника вещи, в соседских отношениях. То есть можно утверждать, что казусы в сфере злоупотребления вещным правом были известны римскому праву.⁵⁹

1.1.2. Запрет злоупотребления правом в западноевропейском частном праве

1. Континентальная традиция права

Запрет злоупотребления правом как общая категория (принцип), на наш взгляд, возникает, когда формируется категория субъективного права в ее классическом понимании в начале XIX в., сквозь призму волевой теории субъективного права⁶⁰. Автономная теория субъективная (частного) права, сформулированная К. Ф. фон Савиньи, интересна нам в контексте теории

⁵⁷ В частности, уже в римском праве устанавливались последствия в случае нарушения соседом при осуществлении им своего права собственности прав владельца соседнего участка. См.: Дернбург Г. Пандекты. Т.1. Общая часть / Пер. с нем. Г. фон Рехенберга; под ред. П. Соколовского. М., 1906. С. 105. Кроме того, Риме зародилось представление о шикане. См.: Яценко Т.С. Указ. соч. С. 15-22.

⁵⁸ См. также отдельные аспекты рассмотрения вопроса о злоупотреблении правом в римском праве в статье автора: Буцан Е.Ю. Генезис концепции злоупотребления правом: вещно-правовой аспект (на примере римской правовой традиции) // Гражданское право. – 2024. – № 5. – С. 38-41.

⁵⁹ См.: Яценко Т.С. Указ. соч. С. 15-22.

⁶⁰ То, что будет названо А. фон Тур «конечной абстракцией цивилистики». См.: Третьяков С.В. Субъективное право как «последняя абстракция» цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории // Вестник гражданского права. 2020. № 2; Гаджиев Г.А. В поисках последней абстракции цивилистики // Вестник гражданского права. 2022. № 5; Третьяков С.В. Указ. соч. С. 74

злоупотребления правом в следующем: в основе теории Савиньи было предоставление о субъективном праве как атрибуте субъекта (правовой власти управомоченного лица), с одной стороны, а также о праве как отношении, с другой стороны. Савиньи следовал кантианской идее автономии воли субъекта⁶¹, согласно которой автономия частного субъекта (свобода выбора) помещалась в «интерсубъективный контекст», то есть субъект мог проявлять автономию (совершать выбор) до того предела, пока свобода его выбора не ограничивала свободу других субъектов. Кантианское обоснование автономии воли как раз таки означало взаимное признание индивидами друг друга. Кроме того, существо автономии субъекта определялось через то, что нельзя делать другим лицам в отношении лица, а не то, что может делать такое лицо. Такая постановка вопроса превращала субъективное право из атрибута субъекта в отношение между субъектами⁶².

Поскольку классическое понимание концепции субъективного права сформировалось в континентальной европейской традиции частного права в начале XIX в.⁶³, запрет злоупотребления правом как общую категорию (принцип) имеет смысл искать и исследовать исходя из этой временной точки (начало XIX в.). Соответственно, любые отдельные (исключительные) запреты каких-либо так называемых «злоупотреблений», существующие в более ранний период, могут лишь косвенно напоминать современные случаи злоупотребления правом (например, как это показано на примере римского частного права в предыдущем параграфе настоящего исследования).

Кроме того, второй предпосылкой появления категории запрета (принципа) злоупотребления правом в континентальном частном праве является «преодоление позитивизма», то есть появление и распространение в теории права идеи, что формальный характер правового предписания может быть скорректирован со

---

⁶¹ Hill T.J. The Kantian Conception of Autonomy, in *Dignity and Practical Reason in Kant's Moral Theory*, Ithaca and London: Cornell University Press. 1992. P. 76-96; Третьяков С.В. Указ. соч. С. 83-99, 111.

⁶² Третьяков С.В. Указ. соч. С. 111-112.

⁶³ Там же.

ссылкой на какую-либо идею (право) более высшего порядка, имеющую приоритет над формальными элементами права⁶⁴. Такая идея возникает среди юристов, исповедующих социологические идеи в отношении права, возникшие в противовес господствующему на тот момент юридическому позитивизму.

Именно появление альтернативных идей, позволяющих преодолевать формальные элементы права, дает зеленый свет возникновению и распространению принципов права так называемых «каучуковых норм», а также практике широкого применения судебного усмотрения (правотворчества). Названные феномены, безусловно, не являлись присущими юридическому позитивизму⁶⁵.

Изучение цивилистических исследований показывает, что последовательный и систематический анализ вопроса запрета злоупотребления правом относится именно к XIX в. Концепция злоупотребления правом как сформулированная теория – это продукт континентальных, в первую очередь французских, теоретиков права.

Французская теория злоупотребления правом – это совместная работа судебной практики и доктрины: если доктрина обратила внимание на концепцию только в конце XIX в., то судебные решения, иногда бессистемные и изолированные, обращаются к ней при разрешении вопросов с момента принятия Французского гражданского кодекса⁶⁶ (далее – **ФГК**) в начале XIX в.

Теоретическое осмысление категории, в первую очередь, относится к области защиты права собственности (то есть сферы вещного права), при этом постепенно расширяет сферу своего применения в связи с эволюцией понятия субъективного права: закон перестает быть самоцелью и становится средством, абсолютный

⁶⁴ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 22; Рене Давид. Основные правовые системы современности. С. 157.

⁶⁵ Под позитивизмом мы понимаем направление правовой мысли, которое заключается в признании в качестве правовых норм лишь норм позитивного права и сведении любого права к нормам, действующим в данном обществе, в данную историческую эпоху, вне зависимости от того, справедливо это право или нет. При этом предметом настоящего исследования не является разграничение отдельных версий юридического позитивизма (например, этатистской (легчим), социологической и нормативистской версий). См. подробнее: Hart H.L.A. *The Concept of Law*. Oxford University Press. 1961; Priel D. *Towards Classical Legal Positivism*. Osgood CLPE Research Paper No. 20/2021. 2011; Пищулин А.В. *Юридический позитивизм в современном правопонимании*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010; Хафизов Э. Д. *К вопросу о генезисе правового позитивизма // Правовое государство: теория и практика*. 2010.

⁶⁶ Markovitch M. *La théorie de l'abus des droits en droit compare*. Thèse. Lyon, 1936. P. 57.

характер становится относительным, преодолевается иррелевантность к социальным последствиям осуществления субъектного права⁶⁷.

Следуя идеям Великой французской революции, первая редакция ФГК закрепляет чрезвычайно индивидуалистическую концепцию субъективных прав, чтобы обеспечить субъекту права всестороннее развитие его способности и устранить препятствия, присущие ранее существующему правовому режиму. Результатом становится гипертрофированный индивидуализм: субъекты права имели неограниченные возможности лишь в силу факта обладания правом, а субъективные права были лишь формой выражения такого обладания, проявлением его автономии, в частности, проявлением антиобщественного поведения. По мнению Р. Салейля, начало теории злоупотребления правом можно увидеть в тот момент, когда законодатель накладывает на собственника правовые обязательства (соседские обязательства)⁶⁸. Иными словами, истоки зарождения концепции запрета злоупотребления правом исходят из сферы вещного права (соседских отношений), и только впоследствии будут распространены на иные правоотношения.

Положение вещей усугублялось сложившейся традицией приоритета логического и буквального методов толкования юридических текстов, однако суды осознавали наличие очевидного конфликта между справедливостью и строгим законом. Такой конфликт, по мнению обладателей субъективных прав, становился все более вопиющим по мере усложнения социальных отношений.

Классическая школа жила в абсолюте: право для классической школы было неизменным в своих рациональных принципах, а жесткость текстов выражала эту неизменность. Тем не менее мы видим, что Р. Салейль в своих исследованиях, имплементируя идею «эволюции» в теорию толкования норм, смещает границы: там, где был замечен только фиксированный элемент, он видит прежде всего изменяющийся элемент жизни. Вместо того чтобы толковать норму в соответствии

---

⁶⁷ Buttin R. L'usage abusif du droit. Thèse. Paris, 1904. P. 204.

⁶⁸ Saleilles R. De l'abus des droits. Paris, 1905. P. 325-330.

с волей законодателя, которая часто бывает неопределенной или вымышленной, он толкует его в соответствии с социальным запросом времени. Здесь текст представляется пустой формой, которую социальная эволюция последовательно наполняет содержанием⁶⁹. Взгляды Р. Салейля полностью не были восприняты, однако оказали большое влияние на отношение к закону и теории интерпретации, что воплотилось в последующих работах Ф. Жени, Э. Ламбера и иных теоретиков. С первой половины XX в. законодательные источники стран Европы, отступая от абсолютной ригидности законодательства, отдают приоритет телеологическому толкованию⁷⁰.

Суды, осознав, что правовые положения не должны оставаться абстрактными, а право может осуществляться только в определенной социальной среде, объявляют кампанию по его «оздоровлению»: тексты законов перестают воспринимать как пустые буквы, обращая внимание на факторы, выходящие за позитивные пределы⁷¹. Субъективные права предоставляются отдельным лицам для конкретной цели, следовательно, нельзя их осуществлять вопреки этой цели и не нести ответственность за нанесенный иным субъектам права ущерб (налицо дихотомия, требующая бескомпромиссного выбора в пользу или А, или Б). Проблема лежит в плоскости теории пределов осуществления субъективных прав, поскольку все права находят свое естественное ограничение в правах других лиц. Субъективное право не находится в вакууме, оно всегда связано с другим лицом и, по общему правилу⁷², корреспондирует обязанности, следовательно, лицо не должно использовать субъективное право вопреки справедливости и морали⁷³.

Можно прийти к выводу, что главным пределом осуществления права собственности и иных субъективных прав стало их социальное назначение. Идея

---

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Gaudemet E. L'interprétation du code civil en France depuis 1804. Strasbourg, 1935. P. 65-71

⁷¹ Cornil G. Op.cit. P. 98.

⁷² Оставляем без рассмотрения дискуссию о сущности вторичных (преобразовательных) прав. Подробнее см.: Третьяков С.В. Формирование концепции вторичных прав в Германской цивилистической доктрине. (К публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Вторичные права в гражданском праве»). Издательство В. Ема. Москва, 2007.

⁷³ Markovitch M. Op. cit. P. 60.

автономии воли, развитая К. Ф. фон Савиньи, подчеркивала, что свобода одного лица ограничивается свободой других, превращая субъективное право в отношение между субъектами. Французская теория злоупотребления правом, особенно в сфере вещного права, показала, что осуществление права не может быть абсолютным и должно учитывать социальные последствия. Теоретики, такие как Р. Салейль, обосновали необходимость толкования права в соответствии с социальным запросом, признав социальное назначение права ключевым ограничителем. Следовательно, субъективные права, включая право собственности, должны использоваться в соответствии с их целью, не нарушая справедливости, морали и интересов общества.

Систематические исследования концепции злоупотребления правом, в рамках которых рассматривались возможности адаптации германских правовых формул к французской правовой системе, появляются после принятия Германского гражданского уложения (далее – ГГУ). В Ревизионную комиссию ФГК даже вносилось предложение дополнить кодификацию официальным запретом злоупотребления правом, но оно было отклонено. Такое обстоятельство стало импульсом для проведения Р. Салейлем фундаментального тематического исследования⁷⁴. Именно идеи Р. Салейля и его последователей обеспечили независимость теории злоупотребления правом, то есть выход концепции за пределы теории ответственности⁷⁵, признание запрета злоупотребления правом в качестве общего принципа права, «атмосферы, в которой зарождаются и развиваются иные институты частного права»⁷⁶.

В цивилистической литературе определяются следующие этапы развития концепции⁷⁷:

---

⁷⁴ Saleilles R. Op.cit. P. 325.

⁷⁵ Porcherot A. De l'abus de droit. Thèse. Dijon, 1901. P. 157.

⁷⁶ Большинство французских авторов в конце XIX – начале XX вв. начинают рассматривать злоупотребление правом как общий принцип частного права. Современная теория злоупотребления правом – результат развития идей, изложенных Р. Салейлем и Ф. Жени, в связи с экономическим и социальным состоянием, в котором оказалось общество после войны. См.: Porcherot A. Op. cit. P. 160.

⁷⁷ Markovitch M. Op. cit. P. 69.

1) *Этап фрагментарной концепции (принципа) злоупотребления правом* (до конца XIX в.). Этап, на котором теоретики анализируют судебные решения, упоминающие злоупотребление, однако не выявляют элементы теории и не осознают ее потенциальный масштаб. Впервые термин «*l'abus de droit*» мы находим у бельгийского теоретика Б. Лорана, полагающего, что субъективные права предоставляются отдельным лицам для содействия их интеллектуальному и моральному развитию, у прав есть цель, и до тех пор, пока они осуществляются в соответствии с этой целью, их владелец освобождается от любой ответственности за ущерб, причиненный другим лицам. Но разве возможно осуществление субъективного права с целью причинения вреда? Б. Лоран призывает к запрету и тем самым закладывает фундамент для формирования концепции⁷⁸.

2) *Этап формирования комплексной концепции (принципа) злоупотребления правом* (конец XIX – первая половина XX вв.). Этап начинается с заметки А. Эсмена в 1898 г., содержащей решительную критику концепции: признание теории злоупотребления правами приведет к неудачному смешению между моралью и законом, границы которого должны соблюдаться. Заметка А. Эсмена знаменует начало дискуссии, которая не завершена и сегодня ни во Франции, ни в Германии, ни в России.

Состоявшаяся дискуссия представлена двумя течениями.

Во-первых, *критика с точки зрения формы*. Авторы не отрицают полезности инструментария, однако отрицают оригинальность и полезность новой теории, помещая концепцию в область общей теории ответственности. Следует отметить, что некоторые авторы, которые впервые критиковали концепцию и теорию злоупотребления правами, приняли их позже: например, Ж. Рипер скажет, что вся теория злоупотребления правом является неуклюжим продолжением принципов ответственности, закрепленных в ФГК.

---

⁷⁸ Cornil G. Op. cit. P. 124.

Во-вторых, *критика с точки зрения сущности*. Теория злоупотребления правом обвиняется в стирании границ между законом и моралью и рассматривается как угроза безопасности правоотношениям.

Чтобы получить представление о прогрессе, достигнутом в первой половине XX в., достаточно сравнить две тематические работы Л. Жоссерана. Первая книга 1905 г. содержит упрощенную систематизацию элементов, взятых из судебных решений: фактически, он описывает субъективный (психологический) критерий. Он отказывается от объективного критерия, основанного на экономических и социальных соображениях, на основе которых строят свои теории Ф. Жени и Р. Салейль. Вторая книга 1927 г. разработана на более объективной основе: автор признает теорию злоупотребления правом смешанной, но, наконец, после очень подробного анализа судебных решений и французской литературы он отдает приоритет объективному (функциональному) критерию.

Французская доктрина злоупотребления правом представляет собой единство лишь в общих чертах, однако существуют непримиримые различия во мнениях о деталях. Фактически каждый автор имеет собственную концепцию злоупотребления правом: излагая свои идеи, он намеревается разоблачить уже существующие высказывания, создавая уникальный взгляд на законодательное закрепление теории, термины и допустимые критерии, однако попадает в ловушку собственных амбиций и не создает ничего нового, заблуждаясь в том, что злоупотребление правом является логической, а не эмпирической конструкцией. Злоупотребление правом – это продукт судебного опыта, а не абстрактного мышления⁷⁹.

Можно сделать вывод, что развитие концепции злоупотребления правом во Франции стало результатом взаимодействия судебной практики и доктрины, начиная с XIX в. Изначально закрепленная в ФГК индивидуалистическая трактовка субъективных прав, включая право собственности, привела к гипертрофированному индивидуализму, что потребовало введения ограничений

---

⁷⁹ Markovitch M. Op. cit. P. 72.

(пределов). Теоретики, такие как Р. Салейль, обосновали необходимость учета социального назначения права, что позволило судам корректировать формальные нормы в соответствии с принципами справедливости и морали. Французская доктрина, пройдя этапы фрагментарного и комплексного осмысления, признала злоупотребление правом как общий принцип, ограничивающий осуществление вещных прав в интересах общества. Таким образом, можно сказать, что злоупотребление вещным правом во Франции стало инструментом баланса между автономией субъекта и социальной ответственностью.

В Германском гражданском уложении (ГГУ) принцип запрета злоупотребления правом получил прямое нормативное закрепление, что отличает германскую правовую традицию от многих других систем, где данный принцип чаще выводится из судебной практики. Основопологающей нормой является § 226 ГГУ⁸⁰, который запрещает осуществление права исключительно с намерением причинить вред другому лицу. Эта норма отражает классический подход к злоупотреблению правом, акцентируя внимание на субъективном умысле правообладателя. Однако германское право пошло дальше, расширив понимание злоупотребления через § 242 ГГУ⁸¹, который устанавливает, что осуществление прав должно соответствовать принципам добросовестности.⁸²

В немецкой традиции злоупотребление правом имело гораздо меньшее значение. Немецкая традиция не придавала существенного значения концепции запрета злоупотребления правом, поскольку злоупотребление правом имело место только в том случае, если это право осуществляется намеренно с целью причинения вреда, и это намерение должно быть доказано, в результате чего такая категория значительно ограничивалась⁸³. Именно поэтому немецкая традиция в контексте концепции злоупотребления вещными правами обладает меньшей значимостью.

⁸⁰ § 226 Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_226.html.

⁸¹ § 242 Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_242.html.

⁸² Яценко Т.С. Указ. соч. С. 26-29.

⁸³ Whittaker S., Zimmermann R. Good Faith in European Contract Law. Cambridge University Press. New York, 2000. P. 23-26.

Некоторые немецкие юристы отмечали, что при вмешательстве одного собственника в чужую собственность всякая такая собственность может обесцениться⁸⁴. Однако подобная позиция объясняет лишь необходимость ограничения абсолютности права собственности, но не объясняет причины ограничения свободы осуществления субъективного права. Р. Иеринг рассматривал конфликт между собственниками при злоупотреблении правом как частное проявление общего принципа недобросовестности. Кроме того, следуя весьма узкому подходу в понимании злоупотребления правом подобные действия квалифицировались в качестве неправомерных в случае прямого умысла на причинение вещным правом вреда тому или иному собственнику, его интересу. Подобный подход приводил к тому, что средством защиты прав собственника было лишь взыскание убытков. Однако это не переросло в возможность воспреещения действия собственника, злоупотребляющего своими вещными правами⁸⁵.

Как следствие, мы можем сделать вывод, что запрет злоупотребления правом как общая категория (принцип) сформировался и подлежал теоретическому осмыслению, в первую очередь, во французской правовой традиции: этот принцип является продуктом правотворчества французских судов, которые искали в XIX в. новые механизмы разрешения споров между собственником (соседями), тем не менее впоследствии французская цивилистика выстраивает целую теорию злоупотребления праве на основе правоприменительной практики.

В свою очередь, немецкая правовая традиция ограничивалась лишь запретом случаев намеренного причинения вреда (шиканы), что в большей степени

---

⁸⁴ Gordley J. Op. cit. P. 71.

⁸⁵ Важно отметить, что весьма осторожное отношение обеих традиций к возможности запрета неправомерных действий может быть связано с тем, что они не были заинтересованы в прямом вмешательстве в частные отношения отдельных лиц и прибегали к пекуниарным способам воспреещения подобного поведения, что, в дальнейшем, было теоретически осмыслено Р. Коузом (Подробнее об этом см.: Coase R.H. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. Vol. 3 (Oct., 1960). Pp. 1-44). При этом инструментально подобный механизм был возможен благодаря наличию системы генерального деликта как во французской, так и в немецкой традиции, благодаря чему – при определенных параметрах – было возможно возмещение вреда за злоупотребление вещным правом.

рассматривалось как проявление общего принципа запрета недобросовестного поведения⁸⁶.

2. Англо-американская традиция права

Применительно к англо-американской правовой традиции рассмотрения злоупотребления правом следует отметить два обстоятельства: во-первых, англо-американское право исторически сталкивалось с тождественными европейской традиции проблемами, которые впоследствии приходилось разрешать инструментами реалистической юриспруденции. Во-вторых, англо-американская правовая традиция не имела серьезной догматической и теоретической базы для осмысления концепции злоупотребления правом и вещного права, не говоря о возможности злоупотребления правом в качестве особенностей осуществления субъективного права в отдельных ситуациях.

Подавляющее большинство исследований по вопросу злоупотребления правом констатируют факт, что англо-американскому праву не известна концепция запрета злоупотребления правом⁸⁷. При этом аргументация в отношении такого тезиса либо не приводится⁸⁸, либо сводится к основному аргументу – абсолютному (неограниченному) пониманию прав участников оборота⁸⁹.

Однако встречается и альтернативная точка зрения. Так, по мнению, М.И. Кайнова, со ссылкой на Свод английского гражданского права Э. Дженкса,⁹⁰ «проблема злоупотребления правом известна англо-саксонскому правовому семейству и регулируется такими источниками права, как судебные прецеденты,

⁸⁶ См. некоторые аспекты злоупотребления права в континентально-европейской традиции частного права в статье автора: Буцан Е.Ю. Генезис концепции злоупотребления правом: вещно-правовой аспект (на примере частного права в Европе) // Юрист. – 2024. – N 1. – С. 12 - 16.

⁸⁷ Агарков М.М. Указ. соч. С. 430; Gutteridge H.C. Abuse of Rights. Cambridge Law Journal, 5 (22). 1933. P. 42; Perillo J. Abuse of Rights: A Pervasive Legal Concept. Pacific Law Journal, Vol. 27. 1995. P. 40; Cueto-Rua J. Abuse of Rights. Louisiana Law Review. 1975. Vol. 35. P. 967; Herman S. Classical Social Theories and the Doctrine of “Abuse of Rights”. Louisiana Law Review. Vol. 37. 1975. P. 747-748; Byers M. Abuse of Rights: An Old Principle, A New Age. McGill Law Journal / Revue de Droit de McGill, Vol. 47. 2002. P. 395; Смирнова Я.А. Указ. соч. С. 19-21.

⁸⁸ Агарков М.М. Указ. соч. С. 430.

⁸⁹ Смирнова Я.А. Указ. соч. С. 19-21; Cueto-Rua J. Op. cit. P. 967

⁹⁰ Свод английского гражданского права. Общая часть: Обязательственное право: Ученые труды ВИЮН. Вып. 4 / Сост. под ред.: Дженкс Э.; Пер., предисл., прим.: Лунц Л.А. - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. С. 242-246.

законодательные акты и др.»⁹¹. Также мы видим в работе Т.С. Яценко предположение о том, что в англо-американском праве запрет шиканы является общим принципом.⁹²

На наш взгляд, такой подход является упрощением вопроса о наличии категории запрета злоупотреблением правом, который сводится исключительно к поиску лингвистических аналогов. Например, в качестве злоупотребления рассматривается «зловредность» (*nuisance*)⁹³, что является функциональным эквивалентом концепции злоупотребления правом, но таковой не является (см. подробнее в настоящем параграфе ниже)⁹⁴. Схожий подход можно увидеть в работе Л. Кац, которая в своем анализе активно использует понятие «злоупотребление вещным правом» (*abuse of property right*), при этом, в действительности, анализирует объективную сторону (совокупность фактических обстоятельств) и субъективную сторону (намерения лица) отдельных правонарушений (деликтов)⁹⁵.

Одним из немногих исследователей, предположивших, почему англо-американские юристы не находили интереса в изучении и применении континентально-европейской концепции злоупотребления правом, являлся Д. Куето-Руа. Какое объяснение предлагает ученый?

По мнению Д. Куето-Руа, запрет злоупотребления правом шокирует юристов общего права из-за неопределенности, которую она вносит в применительную практику. Существует сильное неприятие судебного и доктринального новшества, противоречащее идее, согласно которой судебные решения являются наиболее эффективной гарантией, защищающей граждан от произвола, предрассудков и субъективных предпочтений судей и присяжных заседателей⁹⁶.

⁹¹ Кайнов В.И. Злоупотребление правом в российской правовой системе: учебное пособие / В. И. Кайнов. – Москва: Директ-Медиа, 2020. С. 11-12.

⁹² Яценко Т.С. Указ. соч. С. 67-71.

⁹³ Ibid.

⁹⁴ Обращаем внимание, что Л.А. Лунц, переводя параграфы Свода английского гражданского права в части понятия “*nuisance*” делает примечание о том, что перевод «зловредность» не является точным, хотя и употребляется при переводе английской юридической литературы на русский язык. См.: Дженкс Э. Указ. соч. С. 74.

⁹⁵ Katz L. Spite and Extortion: A Jurisdictional Principle of Abuse of Property Right // The Yale Law Journal. 2013. P. 1452-1468. См. также критику исследования Л. Кац по вопросу злоупотребления вещным правом: Berman M.N. Abuse of Property Rights Without Political Foundations: A Response to Katz // The Yale Law Journal Forum. Vol. 124. 2014.

⁹⁶ Cueta-Rua J. Op. cit. P. 967.

Такой довод не является новым, например, в российской дореволюционной литературе И.А. Покровский называл это «проблемой прочности права»⁹⁷.

Отдельно Д. Куето-Руа подчеркивает различие в методологии континентальных юристов и юристов общего права. Континентальные юристы склонны строить абстрактные теории на основе общих положений, постепенно конкретизируя их, тогда как юристы общего права опираются на судебные прецеденты, решая проблемы прагматично, исходя из опыта аналогичных дел. При этом сама идея ограничения прав собственника или кредитора со ссылкой на теоретические учения кажется менее естественной для общего права⁹⁸. Однако этот аргумент не является убедительным, поскольку и англо-американские, и континентальные юристы активно используют методы толкования, сочетая доктринальные источники с судебной практикой. Д. Куето-Руа, ссылаясь на Х. Гаттериджа, отмечает, что многие социальные и экономические проблемы, которые в континентальном праве решались через доктрину злоупотребления правом, в общем праве либо уже регулировались существующими средствами защиты, либо рассматривались в рамках других правовых категорий. Х. Гаттеридж также указывает, что теория злоупотребления правом противоречит ключевым принципам английского деликтного права, таким как причинение неудобств (*nuisance*) и злонамеренное преследование (*malicious prosecution*)⁹⁹. Этот аргумент важен, так как он поднимает вопрос о наличии в общем праве институтов, выполняющих функции, аналогичные запрету злоупотребления правом в континентальном праве.

На наш взгляд, отсутствие в англо-американском праве запрета злоупотребления правом как общей теории (принципа) в первую очередь объясняется тем, что их традиция не опирается на категорию субъективного права¹⁰⁰. По аналогии с тем, как ранее в настоящем исследовании был сделан

---

⁹⁷ Покровский И.А. Указ. соч. С. 106-119.

⁹⁸ Cueta-Rua J. Op. cit. P. 969-970.

⁹⁹ Ibid. P. 970-971; Gutteridge H.C. Abuse of Rights. 5 Cambridge Law Journal. Vol. 22. 1933. P. 44.

¹⁰⁰ Третьяков С.В. Указ. соч. С. 10, 237.

вывод, что в римском праве некорректно искать запрет злоупотребления правом как общий принцип в привычном для континентально-европейского понимания, поскольку римские юристы не оперировали категорией субъективного права, представляется возможным реконструировать схожий вывод и для англо-американского права. Если англо-американские юристы существуют вне поля «субъективного права», то нет смысла искать в англо-американской традиции и «запрета злоупотребления правом» в понимании континентальных юристов.

При этом нельзя сказать, что англо-американские юристы равнодушны к проявлениям участниками оборота несправедливого или вопиющего поведения, и они не имеют функциональных эквивалентов категории запрета злоупотребления правом. Англо-американские юристы выработали свои подходы к разрешению конфликтов (преимущественно соседских конфликтов), которые формировались эволюционно, посредством осмысления судебной практики. Англо-американские суды часто используют механизм защиты из области деликтного права, а именно: деликтные иски *trespass* и *nuisance*. Первый иск (*trespass*) предъявляется при нарушении владения, которое не приводит к его потере. Второй иск (*nuisance*), в свою очередь, предъявляется против любого поведения, которое причиняет беспокойство и не позволяет нормально использовать имущество¹⁰¹. С функциональной точки зрения иск *nuisance* похож на привычный для континентального права негативный иск¹⁰². В исследовании Д. Перилло подробно анализируются дела, в которых суд, применяя доктрину *nuisance*, защищает интересы соседей-собственников в случаях, когда они не могли использовать

¹⁰¹ Багаев В.А. Приобретение недвижимого имущества по давности владения по российскому и английскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2016. С. 164-165; Климанова Д.Д. Владельческие иски в Англии, Германии и России: сравнительно-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 75 - 83.

¹⁰² При этом основное различие сводится к тому, что при применении иска *nuisance* источником нарушения может быть только деятельность, осуществляемая на соседнем земельном участке, в то время как негативный иск призван защитить участника оборота от более широкого круга нарушений. Кроме того, в рамках *nuisance* возможно не только запретить деятельность на соседнем участке, но и привлечь к ответственности за вред, причинённый имуществу. См. Багаев В.А. Указ. соч. С. 165; Podshivalov T. Models of Actio Negatoria in the Law of Russia and European Countries // Russian Law Journal. 2019. Vol 7, No 2. P. 138-139.

имущество нормальным образом (например, в связи с шумом, запахами, дымом, ограничением света, исходящими от соседнего участка)¹⁰³.

С точки зрения анализируемого вопроса о запрете злоупотребления правом нам не столько интересны перечисленные средства защиты сами по себе, сколько выявленное различие между англо-американским правом и континентальным правом в подходах к разрешению ситуаций, в которых одно лицо аномально использует принадлежащее ему имущество, нарушая интересы иных участников оборота. Англо-американский исследователь Д. Перилло отмечает, что континентальная концепция запрета злоупотребления правом и англо-американская концепция о причинении неудобств (*nuisance*) призваны выполнять схожую функцию – не допускать злонамеренное использование права собственности¹⁰⁴.

Так, по мнению Х. Лотерпахта, деликтное право, закрепленное в судебных решениях или в законодательных актах, в значительной степени представляет собой перечень нарушений, возникающих в результате того, что общество считает злоупотреблением¹⁰⁵. Аналогичная позиция встречается у Дж. Флеминга, по мнению которого, принцип запрета злоупотребления правом не применяется в общем праве напрямую, при этом встречается в частных случаях при совершении деликтов. Дж. Флеминг отмечает, что принцип злоупотребления правом является «матрицей», из которой вырастают более конкретные правовые принципы и феномены¹⁰⁶.

Следовательно, в англо-американской правовой традиции отсутствует запрет злоупотребления правом как принцип, который бы последовательно применялся судами при разрешении споров. При этом англо-американские суды в каждом конкретном случае находят функциональные эквиваленты (например, иск из

¹⁰³ См. следующие судебные решения: *Norton v. Randolph*, 58 So. 283,285-86 (Ala. 1912); *Brittingham v. Robertson*, 280 A.2d 741 (Del. 1971); *Saperstein v. Berman*, 195 N.Y.S. 1, 2 (N.Y. Sup. Ct. 1922); *Erickson v. Hudson*, 249 P.2d 523,532 (Wyo. 1952) (Цит. по: *Perillo J. Op. cit.* P. 44-46).

¹⁰⁴ *Perillo J. Op. cit.* P. 46-47.

¹⁰⁵ *Lauterpacht H. The Function of Law in the International Community.* Oxford University Press. 1933. P. 297; *Byers M. Op. cit.* P. 396-197.

¹⁰⁶ *Byers M. Op. cit.* P. 396.

причинения неудобств (*nuisance*)), которые, как и принцип запрета злоупотребления правом, защищают одних участников оборота от аномального использования прав иными участниками оборота¹⁰⁷.

Такой подход обусловлен особенностями англо-американского права, которое строится на казусах (случаях) по аналогии с тем, как были выстроены Институты Гая. В этой связи для англо-американского права не характерны классическое для континентального права пандектное деление гражданского права на вещное и обязательственное, на вещные иски и обязательственные¹⁰⁸. Кроме того, англо-американское право не опирается на категорию субъективного права, которая как раз таки является базовой предпосылкой формирования категории запрета злоупотребления правом¹⁰⁹.

1.1.3. Запрет злоупотребления правом в отечественной правовой традиции¹¹⁰

1. Дореволюционное российское право

В конце XIX-начале XX вв. в Российской Империи, как и в Европе того периода, отмечается дискуссия между оппонентами и сторонниками концепции запрета злоупотребления правом. Так, одни, сторонники индивидуализма, полагали (и их было большинство), что лицо не может подлежать ответственности за осуществление своего права, поскольку такое положение дел неизбежно нанесет удар по проявлениям индивидуальных свобод (сторонники индивидуализма). Как

¹⁰⁷ Автор не ставит перед собой задачу выявить и проанализировать всевозможные функциональные аналоги запрета злоупотребления правом, характерные для англо-американской правовой традиции. Цель настоящего параграфа заключается в схематичном изображении тезиса о том, что общий принцип запрета злоупотребления правом не характерен для стран общего права, при этом применяются некоторые функциональные аналоги. Например, в англо-американской литературе, помимо “*nuisance*”, называются такие феномены английского права, как “*duress*”, “*good faith*”, “*economic waste*”, “*public policy*”, “*misuse of copyright and patent rights*”, “*lack of business purpose in tax law*”, “*extortion*”, “*malicious prosecution*” и “*fair comment*” (См.: Perillo J. Op. cit. P. 40; Byers M. Op. cit. P. 395; Cueta-Rua J. Op. cit. P. 969-970; Gutteridge H. Op. cit. P. 44). Несмотря на то, что анализ перечисленных феноменов находится за рамками настоящего исследования, полагаем, что англо-американские юристы перечислили в одном ряду правовые явления из различных сфер права, которые объединены исключительно критерием их функциональной эквивалентности континентально-правовому принципу запрета злоупотребления правом.

¹⁰⁸ Podshivalov T. Op. cit. P. 138.

¹⁰⁹ См. также отдельные тезисы в статье автора относительно злоупотребления правом в англо-американской правовой традиции: Буцан Е.Ю. Запрет злоупотребления правом в англо-американской правовой традиции // Образование и право. – 2024. – № 9. – С. 104-107.

¹¹⁰ Целью настоящей работы не является всестороннее рассмотрение исторической перспективы запрета злоупотребления правом. Обозначаются только основные вехи, позволяющие схематично описать эволюцию запрета злоупотребления правом в отечественном праве.

отмечает Т.С. Яценко, в течение длительного периода времени господствовала точка зрения, что обладатель субъективного права не может отвечать за вред, причиненный иному лицу, что защищалось и публичными институтами, и это большое количество времени презюмировалось и являлось бессорным.¹¹¹

С другой стороны, мы видим сторонников солидаризма, которые, в свою очередь, считают, что правопорядок не должен ограничиваться защитой только личного интереса, но в том числе еще и защищать общественный интерес¹¹². Так, по мнению, П.Н. Гуссаковского, необходимо было легализировать ответственность лиц за нарушение интересов иных участников оборота посредством осуществления своего субъективного права¹¹³. В целом сторонники такого подхода действовали, в первую очередь, под влиянием идей Л. Дюги (Франция) и Г. Шварца (Германия), которые полагали, что необходимо сместить акцент с «субъекта права» на «правовую цель» или «социальную функцию». Оба теоретика посредством различного инструментария (например, со ссылками на источники римского права или ссылки на опыт иностранных правопорядков) фактически нивелировали идею субъективного права и, следовательно, создавали основу для того, чтобы ограничивать осуществление прав субъектами¹¹⁴.

В конце XIX в. идеи солидаризма (социализма) возможно увидеть в практике российских судов того времени при разрешении «соседских споров»: несмотря на привычное правило о том, что при осуществлении субъективного права, управомоченное лицо не может быть наказано, Сенат допускал возмещение вреда по мотивам превышения законного интереса¹¹⁵. Впоследствии этот принцип также будет отражен в ином деле Сената, где будет закреплён более общий принцип, что в интересах соседей может быть ограничено право собственности, однако вопрос о

---

¹¹¹ Яценко Т.С. Указ. соч. С. 35.

¹¹² Анненков К. Система русского гражданского права: В 4 т. Т.1. Введение и общая часть. СПб., 1910. С. 585.

¹¹³ Гуссаковский П.Н. Вознаграждение за вред, причинённый недозволенными деяниями // Журнал Министерства юстиции. 1912. С. 37-38.

¹¹⁴ Покровский И.А. Указ. соч. С. 108-109. Подробный анализ идей Л. Дюги в контексте нивелирования идеи субъективного права см. в работе: Третьяков С.В. Указ. соч. С. 238-246.

¹¹⁵ Доманжо В. Указ. соч. С. 426-427.

таком ограничении должен решаться в каждом случае отдельно¹¹⁶. Следует отметить, что подавляющее большинство рассмотренных споров и примеров в дореволюционных источниках связаны именно с вещными правоотношениями.¹¹⁷

Представляется, что появление категории соседских прав как частного проявления ограничения права собственности на недвижимое имущество в гражданских кодификациях Российской Империи является отражением германского правового опыта, под воздействием которого находилась российская правовая доктрина конца XIX-начала XX вв. В то же время реальных условий для формирования концепции соседских прав в российском правоведении не существовало: как отмечал В.И. Кудриновский, появление категории соседских прав в Западной Европе было вызвано крайне высокой плотностью населения и развитием городской жизни¹¹⁸, в то время как благодаря раздолью российской жизни, обширности усадебных мест и малочисленности населения в населенных пунктах, ограничения права собственности долго не были известны отечественному правопорядку¹¹⁹.

К аналогичным выводам приходил и Н.Э. Таубэ, который отмечал, что необходимость ограничения права собственности зависит от цены земельного участка: если плата за земельный надел незначительна, то собственники всегда в состоянии поддержать заключенные личные обязательственные отношения, в отличие от случаев, когда цена на поземельную собственность является высокой, что обуславливает необходимость закрепления ограничений в пользу иных собственников¹²⁰. В этой связи следует констатировать, что концепция соседских прав была отражением социально-экономических условий, существовавших в Западной Европе; при этом аналогичные условия не сложились в российской системе социально-экономических отношений, чем и объясняется отсутствие

---

¹¹⁶ Гуляев А.И. Русское гражданское право, изд. 4. СПб., 1913. С. 133.

¹¹⁷ Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. Вып. 2. Вещное право. СПб., 1896. С. 82-83.

¹¹⁸ Курдиновский В.И. К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России. Одесса, 1899. С. 229.

¹¹⁹ Курдиновский В.И. Указ. соч. С. 237.

¹²⁰ Таубе Н.Э. К вопросу о необходимости введения сервитутов // Журнал министерства юстиции. 1896. № 3. С. 275-276.

необходимости формирования системы ограничений к праву собственности, включая концепцию соседских прав.

Несмотря на имеющуюся судебную практику, в законодательстве принцип запрета злоупотребления правом установлен не был. Из источников дореволюционных цивилистов мы видим, что велась работа над текстом кодификации – Гражданского уложения Российской Империи (далее – **Уложение**), где вопрос включения запрета злоупотребления правом оставался дискуссионным¹²¹.

Так, статья 1066 проекта Уложения гласит: *«Действовавший в пределах предоставленного ему по закону права не отвечает за причиненный вред»*. Из комментария к статье 1066 к проекту Уложения следует, что упомянутая норма освобождает пользовавшегося своим правом от ответственности за вред лишь в том случае, если действовал в пределах своего права или, что, само собой разумеется, в пределах своей обязанности. Также в комментарии указано, что проект Уложения не считает целесообразным устанавливать ответственность за вред, причиненный недобросовестным использованием своим правом, поскольку такие случаи являются редкими, и такое правило «колебало бы твердость приобретенных прав»¹²².

Отметим, что положения проекта Уложения основываются на доктринальных воззрениях Д.И. Мейера, который указывал на допустимость ограничений права собственности за счет формирования «права участия общего» и «права участия частного», которые устанавливаются в пользу всех лиц либо в пользу конкретных (частных) лиц соответственно¹²³. Подобные права участия представляют собой не права в пользу третьих лиц, а лишь пределы осуществления права собственности, которое может быть ограничено для целей удовлетворения потребностей общества либо частных лиц (Д.И. Мейер приводит в качестве примера пользование прилегающей к земельному участку дороги, судоходной

¹²¹ Гражданское Уложение. Кн. V. Обязательства. Проект Высочайше Учрежденной Редакционной комиссии / Под. ред. И.М. Тютрюмова. СПб., 1899. С. 212; Покровский И.А. Указ. соч. С. 93; Доманжо В. Указ. соч. С. 47-48.

¹²² Гражданское Уложение. Кн. V. Обязательства. Проект Высочайше Учрежденной Редакционной комиссии / Под. ред. И.М. Тютрюмова. СПб., 1899. С. 436-437.

¹²³ Мейер Д.И. Право собственности по русскому праву: из лекций проф. Д.И. Мейера / изд. А. Вицын. Санкт-Петербург, 1859. С. 32.

реке, рыболовному озеру, лугу¹²⁴). Сам по себе факт доктринального осмысления ограничений права собственности на земельный участок интересами публичными и частными свидетельствует о наличии основы формирования концепции соседских прав как более широкой категории ограничения права собственности.

Согласно комментарию, иное правило было сформулировано в Прусском уложении. Прусское уложение предусматривало ответственность за вред, причиненный злоупотреблением права, а именно, когда лицо, имеющее разные способы осуществления своего права, изберет намеренно тот способ, который вреден для него¹²⁵. Аналогичные изменения впоследствии были внесены и в Уложение: в тексте появился общий принцип запрета причинения вреда, совершаемого с единственным намерением причинить вред¹²⁶. Тем не менее Уложение так и не было принято в связи с социально-политическими изменения в Российской Империи в начале XX в.¹²⁷.

Таким образом, в нашей стране была впервые предпринята попытка признать недопустимость злоупотребления правом, во многом под влиянием зарубежного опыта. При этом следует отметить и влияние трудов отечественных ученых, которые заложили основу дискуссии о пределах права.

2. Советский период

В начале своего существования Советское правительство стремилось создать правовую систему, которая стала бы надежной опорой для формирования и развития социалистического общества. Основная задача этой системы заключалась в укреплении и защите прав и свобод граждан, обеспечивая гармоничное сочетание индивидуальных, коллективных и общественных интересов, отвергая при этом индивидуалистический подход к праву. Поэтому социалистическое правосознание не могло игнорировать важные аспекты, касающиеся определения порядка реализации субъективных прав и их ограничений.

---

¹²⁴ Мейер Д.И. Указ. соч. С. 33-36.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Покровский И.А. Указ. соч. С. 115.

¹²⁷ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 41.

Принцип запрета злоупотребления правом впервые получил ясное законодательное закрепление в 1920-е гг. в статье 1 ГК РСФСР 1922 г. В этой статье отмечалось, что гражданские права подлежат охране законом, за исключением тех случаев, когда их осуществление противоречит социально-хозяйственному назначению. Закрепление данного принципа в ГК РСФСР 1922 г. было весьма значимым. Как справедливо заметил М.М. Агарков, данная статья воспринималась как основополагающий принцип, определяющий суть советского гражданского права. Этот кодекс был создан и вступил в силу в эпоху новой экономической политики (НЭП), что позволяет предположить, что статья 1 призвана была предотвращать злоупотребления со стороны частных капиталистических элементов в условиях НЭП¹²⁸.

С окончанием НЭП случаи применения статьи 1 ГК РСФСР 1922 г. значительно уменьшились. Тем не менее, в Основы гражданского законодательства СССР и союзных республик, принятых в 1961 г., вновь появилась аналогичная статья. Она утверждала, что гражданские права охраняются законом, кроме ситуаций, когда их осуществление противоречит назначению прав в условиях социалистического общества, наблюдаемого на этапе строительства коммунизма. В процессе реализации своих прав и исполнении обязанностей граждане и организации обязаны следовать законам, основам социалистического общежития и моральным нормам общества, стремящегося к коммунистическим идеалам (статья 5 Основ 1961 г.). Похожие положения были также включены в новый ГК РСФСР, принятый в 1964 г., в статью 5¹²⁹.

Согласно социалистической идеологии, сформировавшей базу советского права, основным критерием для реализации прав являлось их назначение. Все действия, которые не соответствуют этому критерию, считались недопустимыми.

В советской науке гражданского права велись различные дискуссии по отдельным вопросам злоупотребления правом и пределов осуществления права:

---

¹²⁸ Агарков М.М. Указ. соч. С. 425; Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. 1967. № 3. С. 79.

¹²⁹ Рясенцев В.А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция, 1962. № 9. С. 7.

1) о признании самого понятия «злоупотребление правом»; 2) о критериях злоупотребления правом (причинение вреда, нарушение социального значения права, иные); 3) поднимался вопросов о соотношений смежных понятий (злоупотребление, шикана, недобросовестное осуществление правом); 4) о правовой природе злоупотреблений (является ли злоупотребление правом правонарушением или нет); 5) о форме вины, чтобы квалифицировать поведение в качестве злоупотребления правом, и иные.¹³⁰ При этом в советских исследованиях практически не уделялось внимания вопросам злоупотребления вещными правами, поскольку само понятие вещного права и вещных отношений являлось спорным и дискуссионным, так как отсутствовало понятие частной собственности и класс частных собственников.

На протяжении всего периода существования советского гражданского права ему была нехарактерна применимость положений о злоупотреблении правом к имущественным правоотношениям, поскольку эта сфера оказывалась публицизированной и регулировалась в силу социального назначения права, в том числе права собственности на движимое и недвижимое имущество. Примечательной является позиция А.Г. Гойхбарга: «Буржуазные юристы и законодатели отказывались рассматривать частную собственность как произвольное субъективное право, установленное исключительно для отдельной личности и в ее интересах, ограничивая такое право осуществлением социальной функции. Для выполнения аналогичной цели, ради которых частная собственность предоставлена у нас частным лицам, нет необходимости в том, чтобы любые предметы могли быть объектами частной собственности, тем более нет необходимости в абсолютном характере ее»¹³¹. Представленная мысль об отсутствии абсолютного характера имущественных прав на вещи, в сущности, свидетельствует об отсутствии необходимости ограничения права собственности и

¹³⁰ Грибанов В.П. Указ. соч.; Агарков М.М. Указ. соч.; Иоффе О.С. Указ. соч.; Новицкий И.Б. Указ. соч.; Флейшиц Е.А. Указ. соч.; Вильнянский С.И. Указ. соч.; Бару М.И. Указ. соч.; Рясенцев В.А. Указ. соч.; Братусь С.Н. Указ. соч.; Цукерман М.И. Указ. соч.

¹³¹ Гойхбарг А.Г. Хозяйственное право Р.С.Ф.С.Р. Том 1. Гражданский кодекс. М.: Государственное издательство, 1923. С. 64-65.

в постепенном отказе от категорий классического европейского вещного права, существовавшего в дореволюционном праве. Фактически, гражданское право, не имеющее под собой частноправовой основы, сводило права на вещи к обязательственно-правовой, а не вещно-правовой связи, что существенным образом сужало сферу возможных злоупотреблений со стороны собственников.

Подход советского гражданского права вступает в явное противоречие с концепциями вещного права, принятыми в зарубежных кодификациях, которые исходят из концепции полноты и неограниченности права собственности. При этом, как отмечает А.В. Венедиктов, все буржуазные правовые порядки формируют систему ограничений права собственности путем предоставления собственнику господства над вещью лишь в пределах закона, на основании чего они делают вывод об ограничении абсолютного характера права собственности¹³². Иначе говоря, система ограничений права собственности в целях предотвращения злоупотреблений абсолютным и неограниченным характером такого права собственности необходима лишь в случае существования классического права собственности. Опыт советского гражданского права в сфере регулирования имущественного оборота вряд ли может позволить найти примеры аналогичного регулирования в связи с существованием иной модели регулирования имущественных отношений, не предполагающей необходимость ограничения права в связи с его относительным характером.

В советском гражданском праве с проблемой злоупотребления правом в первую очередь связано имя советского цивилиста В.П. Грибанова. Несмотря на признание концепции злоупотребления правом, разработанной В.П. Грибановым, его теория стала предметом оживленного интереса в советской и постсоветской цивилистике¹³³.

Влияние идей В.П. Грибанова на современное право оказалось значительным: его концепция легла в основу статьи 10 ГК РФ. Это заметно уже из

---

¹³² Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. Л., 1948. С. 275

¹³³ Малеин С. Н. Гражданский закон и права личности в СССР. М., 1981. С. 67 – 71.

названия статьи «Пределы осуществления гражданских прав», что совпадает с названием его основного исследования по вопросу злоупотребления правом. Однако современная трактовка злоупотребления правом, в отличие от грибановского акцента на субъективной стороне, дополнилась объективными критериями, такими как принцип добросовестности (статья 1 ГК РФ). Это расширило понимание злоупотребления, включив в него не только умышленные действия, но и случаи явно неразумного или несправедливого поведения.

Ярким подтверждением влияния идей Грибанова служит авторитетный учебник по гражданскому праву МГУ под редакцией Е.А. Суханова и В.С. Ема, где его концепция занимает центральное место в трактовке злоупотребления правом¹³⁴. Более того, эта позиция отражает общий подход цивилистической школы МГУ.

Прямое нормативное закрепление запрета злоупотребления правом в статье 10 ГК РФ также демонстрирует преемственность между советской и современной правовой системой. Этот факт убедительно свидетельствует, что советская юридическая наука не только сформировала глубокую теоретическую базу для понимания данного правового явления, но и создала прочную основу для его современного законодательного регулирования.

3. Современное российское право

Запрет злоупотребления правом в постсоветской России впервые был легализован в ГК РФ в 1994 г. и отражал классическое для советской теории гражданского права понимание такого запрета, развиваемого В.П. Грибановым¹³⁵. При этом на практике в период с момента принятия части 1 ГК РФ по 2008 г. суды редко обращались к этой концепции в целях разрешения споров и поиска баланса интересов между участниками оборота.

Более активно ссылки на злоупотребление стали появляться после того, как ВАС РФ выпустил разъяснения по вопросам применения статьи 10 ГК РФ – ИП ВАС РФ № 127. ИП ВАС РФ № 127 стало одним из первых инструментов в

¹³⁴ Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 1.

¹³⁵ Курбатов А.Я. Развитие идей В.П. Грибанова о злоупотреблении правом в современном российском праве // Развитие частного права на современном этапе: памяти В.П. Грибанова. М.: Проспект, 2021. С. 169 - 187.

практической, а не теоретической плоскости, которое пролиvalo свет на эфемерную идею, которая не была ясна на тот момент ни правоприменителю, ни участникам оборота.

Вплоть до реформы гражданского законодательства в 2013 г. статья 10 ГК РФ предусматривала только запрет шиканы, а также содержало общую оговорку о злоупотреблении правом в иных формах. В 2013 г., ориентируясь на Концепцию гражданского законодательства 2009 г.¹³⁶, российский законодатель изменил подход к пониманию запрета злоупотребления правом: любая форма злоупотребления правом понималась как заведомо недобросовестное поведение¹³⁷.

Интеграция принципа добросовестности в гражданское законодательство стала важным шагом, предоставляющим участникам гражданского оборота ориентиры для оценки действий другой стороны и определения соответствующих правовых последствий. Анализ действий сторон с точки зрения добросовестности позволяет более справедливо учитывать последствия возможных нарушений и в полноте учитывать интересы всех участников. Этот принцип содействует более гармоничному и справедливому разрешению споров, улучшая взаимодействие в сфере гражданских правоотношений.

Именно соединение запрета злоупотребления правом и недобросовестности стало импульсом активного использования и развития принципа запрета злоупотребления правом.

Действующее законодательство основано на принципах свободного осуществления прав (статья 1 ГК РФ) по усмотрению уполномоченных лиц (статья 9 ГК РФ). В то же время, статья 10 ГК РФ конкретизирует данные принципы, вводя запрет на: (1) реализацию гражданских прав с намерением причинить вред другим (шикана); (2) действия, обходящие закон с незаконными целями; и (3) иное явно недобросовестное осуществление гражданских прав. Таким образом,

---

¹³⁶ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁷ Липовцева Д.А. Злоупотребление правом, или «Последствия» первого блока поправок в ГК // Актуальные проблемы российского права. 2015. N 11. С. 144 – 149; Суворов Е.Д. К вопросу о внедрении понятия «обход закона» в ГК РФ // Вестник ВАС РФ. 2011. N 7. С. 35 – 39.

формулировка статьи 10 ГК РФ подразумевает, что первые два ограничивающих принципа являются подкатегориями недобросовестного осуществления гражданских прав, то есть формами злоупотребления правом. Следовательно, в рамках действующего гражданского законодательства добросовестность выступает универсальным пределом реализации гражданского права, тогда как любое злоупотребление правом охарактеризовано как недобросовестное поведение¹³⁸.

Сегодня принцип запрета злоупотребления правом как никогда часто используется как правоприменителем, так и участниками оборота при разрешении ими конфликтов в абсолютно разных сферах жизни и правоотношениях (от семейных вопросов до вопросов строительства и недвижимости).

С учетом вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1) Концепция злоупотребления правом (и его запрета) исторически берет свое начало в вещном праве и проходит путь от отрицания до признания в качестве важного элемента правового регулирования в первую очередь на примере и в контексте вещного права (в первую очередь, на примере соседских отношений). Первоначально злоупотребление правом трактовалось как действие или бездействие, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу (что означает идею классической шиканы). С течением времени это понимание расширилось и стало охватывать действия и бездействия, которые не соответствуют социальной функции права, его назначению, экономической целесообразности и иное.

2) С усилением проявления концепции субъективного права становится актуальным запрет на злоупотребление субъективным правом. Классическая концепция субъективного частного права исходит из того, что реализация свободы воли уполномоченным лицом возможна до тех пор, пока она не нарушает право выбора других субъектов. Таким образом, восприятие концепции злоупотребления

---

¹³⁸ Однако добросовестность не следует ограничивать лишь злоупотреблением правом: иными словами, не каждое недобросовестное поведение воспринимается как злоупотребление правом. Статья 10 ГК РФ уточняет, что только явно недобросовестное (виновное) поведение может быть трактовано как злоупотребление правом.

правом (ее принятие или отторжение, как в теории, так и на практике) напрямую зависит от доминирующего в данный исторический момент взгляда на субъективное право.

3) В сфере вещного права злоупотребление правом занимает периферийное положение, поскольку, сужение принципа абсолютности вещного права (от римского права до европейской правовой традиции XIX в.) формирует пространство, в котором субъективное вещное право начинает действовать как компенсаторный механизм для регламентации отношений, не урегулированных позитивным правом (формальными элементами права).

1.2. Запрет злоупотребления правом в системе частного права

В цивилистической доктрине отсутствует единый взгляд на правовую природу злоупотребления правом (запрет злоупотребления правом)¹³⁹. Существуют совершенно разные точки зрения, в частности: 1) запрет злоупотребления правом как принцип права; 2) злоупотребление правом как гражданское правонарушение; 3) злоупотребление правом как поведение, осуществляемое в противоречии с его назначением; и 4) отрицание злоупотребления правом как правового феномена.

1. Запрет злоупотребления правом как принцип права

С теоретико-философской точки зрения запрет злоупотребления правом является основным (руководящим) началом, который каждый участник оборота должен учитывать и соблюдать при осуществлении принадлежащих ему субъективных прав. Запрет (недопустимость)¹⁴⁰ злоупотребления правом является одним из проявлений еще более общего и базового принципа права в целом – принципа справедливости.

Во-вторых, зарубежный опыт законодательного оформления позволяет сделать вывод, что запрет злоупотребления правом – это проявление принципа добросовестности. Так, согласно статье 2 Швейцарского гражданского кодекса, *«всякий при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей должен поступать добросовестно. Очевидное злоупотребление правом недопустимо»*. Следовательно, швейцарский правопорядок ставит категории «добрая совесть» и «злоупотребление правом» в один ряд, рассматривая их как явления схожего порядка.

Такой подход признаётся в гражданском праве большинства европейских государств и рассматривается как особый случай применения принципа добросовестности в его ограничительной функции. Этот подход можно наблюдать

¹³⁹ Понятие «запрет злоупотребления правом» и «злоупотребление правом» намеренно указываются отдельно, поскольку, на наш взгляд, это различные правовые феномены, что обосновывается в настоящем параграфе.

¹⁴⁰ Понятия «запрет злоупотребления правом» и «недопустимость злоупотребления правом» используются в настоящем исследовании как синонимы.

в законодательстве Греции, Нидерландов, Португалии и Германии¹⁴¹. Аналогичный пример с применением концепции злоупотребления правом как общего принципа, который распространяется, в том числе и на вещные отношения, приводится К. фон Бэр, который, анализируя практику чешских судов, отмечает, что концепция «трехмерного» земельного участка, который предполагает распространение власти собственника на сам участок, а также на пространство, находящееся под и над данным земельным участком, не признавалась чешской судебной практикой; вместо этого чешские суды прибегали к использованию правила об общем запрете на злоупотребление правом¹⁴². В этой связи в некоторых ситуациях концепция злоупотребления права в контексте вещных отношений выступает в качестве общегражданского механизма осуществления права, который не взаимосвязан с пределами осуществления вещного права и не предполагает использование вещно-правовых средств правовой защиты.

В-третьих, отечественное позитивное право позволяет сделать аналогичный вывод, что запрет злоупотребления правом – это проявление принципа добросовестности. В соответствии с пунктом 1 статьи 10 ГК РФ не допускается злоупотребление правом, то есть *«заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав»*.

В-четвертых, из анализа судебной практики можно увидеть, что российские суды прямо говорят о «принципе недопустимости злоупотребления правом». Например, Верховный суд РФ в Обзоре судебной практики ВС РФ № 4 (2020) ставит принцип недопустимости злоупотребления правом в один ряд с принципом равенства, справедливости и соразмерности, называя его правовым принципом¹⁴³.

---

¹⁴¹ Lenaerts A. The General Principle of the Prohibition of Abuse of Rights: A Critical Position on Its Role in a Codified European Contract Law // European Review of Private Law. 2010. Vol. 6. P. 1121 - 1128.

¹⁴² Bar von C. Foundations of Property Law: Things as Objects of Property Rights. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 228.

¹⁴³ «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

Аналогичный подход встречается во многих судебных актах вышестоящих судов.¹⁴⁴

Наконец, большинство современных исследователей (как в отечественной литературе, так и в зарубежной) рассматривают запрет злоупотребление правом и принцип добросовестности как явления одного порядка, а именно – запрет злоупотребления правом как одно из проявлений принципа добросовестности¹⁴⁵. В частности, в работе К.В. Нама в отношении принципа добросовестности содержится идея о том, что посредством ограничительной функции принцип добросовестности противостоит злоупотреблению субъективными права¹⁴⁶. По мнению Е.В. Вавилина, запрет злоупотребления правом выступает в качестве разновидности недобросовестного поведения¹⁴⁷. Также Е.В. Вавилин называет запрет злоупотребления правом принципом-методом, направленным на формирование определенного типа поведения субъекта правоотношения.¹⁴⁸

Также, как обоснованно отмечает А.В. Волков, принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления правом, будучи системными регуляторами, обеспечивают баланс частных и публичных интересов, опираясь на фундаментальные правовые ценности. При этом принцип добросовестности обладает более широкой сферой действия: он применяется не только к случаям злоупотребления правом (статья 10 ГК РФ), но и восполняет правовые пробелы

¹⁴⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.11.2015 № 52 // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2016; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.01.2024 № 30-КГ23-9-К5 (УИД 09RS0002-01-2022-001362-46); Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2024 № 305-ЭС24-8341(1,2) по делу № А40-133700/2021; Решение Верховного Суда РФ от 24.06.2024 № АКПИ24-185; Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15.08.2023 № АПЛ23-292 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁵ Jansen N., Zimmermann R. *Commentaries on European Contract Laws*. Oxford, 2018. P. 119-122; Lenaerts A. *Op. cit.* P. 1125-1128; Иноземцева А.В. Проблема самостоятельного значения института обхода закона // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. N 3. N 4. С. 43-44 (номера страниц приводятся по СПС «КонсультантПлюс»); Карапетов А.Г. Указ. соч. С. 702-705; Мурзин Д.В. Последний довод справедливости (к вопросу о применении судом норм о злоупотреблении правом) // Проблемы развития частного права: сб. ст. к юбилею В.С. Ема / отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М., 2011. С. 228 – 230; Тарасенко Ю.А., Ястржембский И.А. Рецензия на работу С.Д. Радченко «Злоупотребление правом в гражданском праве России» // Вестник гражданского права. 2010. № 2. С. 300.

¹⁴⁶ Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики [Электронное издание] / К.В. Нам. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: М-Логос, 2023. С. 74-75.

¹⁴⁷ Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. С. 324-328.

¹⁴⁸ Вавилин Е.В. Указ. соч. С. 346.

через аналогию права (статья 6 ГК РФ), а также нейтрализует ситуации, когда сама норма о запрете злоупотребления становится инструментом недобросовестного поведения.¹⁴⁹

Г.А. Гаджиев при описании добросовестности и злоупотребления правом прямо исходит из того, что данные принципы обладают самостоятельным характером, и злоупотребление правом не сводится к добросовестности, как на это указывает большинство российских цивилистов¹⁵⁰. Так, в частности, он указывает на общеправовой характер принципа запрета на злоупотребление правом, указывая на то, что существование такого подхода основано на жестком делении российского права на отрасли и на преувеличении такого деления¹⁵¹. Аналогичная позиция содержится и в работах иных ученых¹⁵².

В то же время ни все авторы согласны с признанием запрета злоупотребления правом в качестве принципа права, и считают, что отдельное выделение принципа запрета злоупотребления правом не является обоснованным ни с теоретической, ни с практической точек зрения, поскольку достаточно закрепления требования соответствия поведения принципу доброй совести¹⁵³.

Полагаем, что запрет злоупотребления правом следует считать частным случаем (одним из проявлений) принципа добросовестности, то есть запрет злоупотребления правом и принцип добросовестности соотносятся как частное и общее.

¹⁴⁹ Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 49-50.

¹⁵⁰ Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 703 (автор комментария – А.Г. Карапетов); Суханов Е.А. Принцип добросовестности в гражданском праве // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 10-29.

¹⁵¹ Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юристь, 2004. С. 86-106.

¹⁵² Якушева Е.Е. Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения // Lex Russica. 2023. № 8. С. 52-66; Курбатов А.Я. Принцип недопустимости злоупотребления правом: к старым проблемам добавились новые // Закон. 2013. № 9. С. 36-43.

¹⁵³ Например, Бекназар-Юзбашев Г.Т. Злоупотребление правом и принцип доброй совести в гражданском праве России и Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 10-11.

Альтернативные взгляды, которые встречаются в исследованиях, относятся не к запрету злоупотребления правом, а к злоупотреблению правом. На первый взгляд может показаться, что «запрет злоупотребления правом» и «злоупотребление правом» это одно и то же, однако, на наш взгляд, в первом случае речь идет о принципе, то есть пределе (границе) осуществления субъективного права. Во втором случае речь идет непосредственно о злоупотребительных действиях, то есть таком поведении субъекта права, которое представляет собой осуществление субъективного права в нарушение запрета злоупотребления правом. По аналогии предлагаем соотносить такие понятия как «добросовестность» и «недопустимость недобросовестного поведения»: в первом случае речь идет о правовом принципе (статья 3 ГК РФ), во втором – о поведении в нарушение недопустимости (запрета) недобросовестного поведения.

2. Злоупотребление правом как гражданское правонарушение

Говоря непосредственно о злоупотреблении правом, то есть совершении злоупотребительных действий (в отличие от запрета злоупотребления правом как принципа), злоупотребление правом обычно рассматривается в качестве гражданского правонарушения (деликта). Основным идеологом такого подхода был В.П. Грибанов. По мнению В.П. Грибанова, злоупотребление правом представляет собой разновидность гражданского правонарушения, совершаемого уполномоченным лицом в процессе реализации принадлежащего ему права и выражающегося в использовании недопустимых конкретных форм в рамках разрешенного законом общего типа поведения. При этом, по мнению советского цивилиста, конкретные случаи злоупотребления правом могут быть предусмотрены законодательством¹⁵⁴. В советском дискурсе оппонентом являлся М.И. Бару, по мнению которого, между злоупотреблением и противоправным действием есть грань: злоупотребление правом внешне основано на субъективном праве и формально не находится в противоречии с правом объективным, то есть субъект находится в рамках предоставленного ему законом права; при совершении

---

¹⁵⁴ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 22

противоправного действия такое не представляется возможным¹⁵⁵. В постсоветской цивилистике можно встретить как сторонников¹⁵⁶, так и оппонентов¹⁵⁷ рассмотрения запрета злоупотребления правом в качестве правонарушения.

При этом следует отметить, что В.П. Грибанов рассматривает злоупотребление правом как особый тип гражданского правонарушения, обладающий специфическими признаками¹⁵⁸. Аналогичной позиции придерживаются в том числе Е.А. Суханов¹⁵⁹ (цивилистическая школа МГУ), А.П. Сергеев¹⁶⁰ (цивилистическая школа СПбГУ), А.В. Волков¹⁶¹.

Нарушение запрета злоупотребления правом представляет собой противоправное деяние, что позволяет квалифицировать злоупотребление правом как правонарушение. Однако, в отличие от классического правонарушения (деликта), оно обладает особой природой, поскольку связано не с нарушением конкретного предписания, а с выходом за оценочные границы добросовестного осуществления права.

Предложенный В.П. Грибановым подход может быть развит с учётом структурного анализа субъективного права, в рамках которого выделяются его ядро, чётко определённое нормами права, и периферия, ограниченная общим запретом злоупотребления правом. В таком случае злоупотребление правом как правонарушение возникает именно в зоне периферии, когда лицо, формально действуя в рамках предоставленных возможностей, нарушает принцип запрета злоупотребления правом. Если же субъект выходит за пределы субъективного

¹⁵⁵ Бару М.И. О ст. 1 Гражданского кодекса // Советское государство и право. 1958. N 12. С. 117.

¹⁵⁶ Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992. С. 160; Волков А.В. Теория концепции "злоупотребление гражданскими правами". Волгоград, 2007. С. 44; Кресс В.И. Злоупотребление правом: учеб. пособие. М., 2010. С. 43; Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 150-152.

¹⁵⁷ Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 7; Офман Е.М. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 9; Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом. М., 2007. С. 27; Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 7 - 8.

¹⁵⁸ Грибанов. Указ. соч. С. 40-41.

¹⁵⁹ Гражданское право: Учебник: В 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: БЕК, 1998. Том 1. С. 389 - 395.

¹⁶⁰ Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева и Ю.К. Толстого. М., 1996. Т. 1. С. 222 - 227.

¹⁶¹ Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Волков, Александр Викторович. Москва, 2010. С. 18.

права в целом, его поведение следует квалифицировать как (обычное) классическое правонарушение. Иными словами, нарушение конкретного запрета в рамках «ядра» права не может считаться злоупотреблением, поскольку представляет собой прямое нарушение нормы права.

Таким образом, злоупотребление правом занимает промежуточное положение между правомерным поведением и классическим правонарушением. Условно предлагаем считать такое правонарушение фиктивным, которое необходимо отличать от классического правонарушения. Подобная интерпретация, по нашему мнению, способна выступить концептуальным компромиссом в разрешении дихотомии квалификации злоупотребления правом, преодолевая традиционную бинарность его понимания либо как классического правонарушения, либо как формально правомерного поведения, которое в таком случае не должно было бы порождать негативных правовых последствий.

Важно четко зафиксировать взаимосвязь «запрета злоупотребления правом» и непосредственно «злоупотребление правом»: злоупотребление правом нарушает запрет злоупотребления правом как принцип права (а именно – частное проявление принципа добросовестности). Именно в этом контексте можно говорить о злоупотреблении правом как о фиктивном правонарушении, поскольку есть нарушение нормы-принципа.

3. Злоупотребление правом как поведение, осуществляемое в противоречии с его назначением

Следующая точка зрения на злоупотребление правом сводится к тому, что злоупотребление правом – это осуществление права в противоречии с его «назначением». В статье 1 ГК РСФСР 1922 г. был закреплён принцип, согласно которому гражданские права находятся под защитой закона, за исключением случаев, когда их реализация противоречит их социально-экономическому назначению. В статье 5 ГК РСФСР 1964 г. было чётко определено идеологическое содержание понятия «назначение гражданских прав». Согласно этой норме, гражданские права находились под защитой закона, за исключением случаев, когда

их реализация противоречила их предназначению в социалистическом обществе в период строительства коммунизма¹⁶².

Такая идея связана с концепцией социальной солидарности, разработанной французским теоретиком права Л. Дюги, отрицающей субъектов права и субъективные права, их место занимали социальные функции¹⁶³. По его мнению, если поведение лица не соответствует социальной функции, то правопорядок может отказать в защите его права или лишить права (например, если лицо не обрабатывает землю, то необходимо изъять такой участок). Идеи Л. Дюги в XX в. были адаптированы к советским реалиям и использовались для контроля над средствами производства и частными интересами граждан¹⁶⁴.

Несмотря на то, что подобный радикальный взгляд должен быть анахронизмом, не соответствующим современным воззрениям (о чем писали советские цивилисты еще в середине XX в.¹⁶⁵), ряд современных авторов продолжают рассматривать злоупотребление правом сквозь призму нарушения «социального назначения» права¹⁶⁶. Кроме того, злоупотребление правом как осуществление субъективного права в нарушение его «назначения» встречается в судебной практике¹⁶⁷.

Так, в частности, А.М. Эрделевский, поддерживая советские цивилистические подходы в отношении концепции злоупотребления правом, предпринимает попытку адаптации данной категории на почву российского

¹⁶² Грибанов В.П. Указ. соч. С. 22; Мусарский С.В. Об ошибочности отнесения к актам злоупотребления правом действий по осуществлению субъективных прав в противоречии с их назначением (целью) // Закон. 2021. N 7. С. 81 - 93.

¹⁶³ Дюги Л. Общество, личность и государство: социальное право, индивидуальное право и преобразование государства / Пер. А. Бэтта. СПб., 1914. С. 6.

¹⁶⁴ Третьяков С.В. Указ. соч. С. 238-243.

¹⁶⁵ Агарков М.М. Указ. соч. С. 362; Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВШЮН. 1947. Вып. 9. С. 267.

¹⁶⁶ Яценко Т.С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. С. 263 – 264; Бестужева Е.В. Современное состояние и развитие правовой законности в российском государстве: Дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2008. С. 181 – 182; Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015; Смирнова Я.А. Указ. соч. С. 10.

¹⁶⁷ Например, см.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.02.2015 № 32-КГ14-17; Постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.06.2020 № Ф04-2501/2020 по делу № А75-14314/2019, Арбитражного суда Поволжского округа от 19.10.2020 № Ф06-65621/2020 по делу № А12-35191/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

гражданского права. Он отмечает, что действие ст. 10 ГК РФ направлено не на защиту нарушенных прав потерпевших (право может быть нарушено правонарушением, а не злоупотреблением правом), а на защиту их законных интересов, которые состоят, в частности, в том, чтобы права осуществлялись в соответствии с их назначением¹⁶⁸. Кроме того, на примере соседских отношений он демонстрирует, что поведение лица, подающего воду на свой участок без какой-либо хозяйственной цели, имея единственное намерение – уменьшить объем воды, который первый сосед может подавать на свой участок, представляет собой явное злоупотребление правом¹⁶⁹. Поэтому и в современной российской цивилистической доктрине существуют ученые, отстаивающие понимание концепции злоупотребления правом как поведения, осуществляемого в противоречии с его назначением. В любом случае представляется, что данный подход лишь является продолжением советской правовой традиции целевого назначения права, которое, в целом, имеет право на существование в качестве самостоятельного правового подхода, хотя и не рассматривается в настоящем исследовании в качестве положения, полноценно объясняющего концепцию злоупотребления правом.

Следует иметь в виду, что широкое использование критерия «социальное назначение» при применении запрета злоупотребления правом может привести к контролю над средствами производства и частными интересами граждан (как это было в советский период). При этом некоторые современные авторы не видят в таком понимании каких-либо рисков, полагая, что злоупотребление правом – это осуществление субъективного права в противоречии с интересами общества и государства, то есть в противоречии с целями правового регулирования¹⁷⁰.

4. Отрицание злоупотребления правом как правового феномена

¹⁶⁸ Эрделевский А.М. О некоторых вопросах злоупотребления правом // Хозяйство и право. 2010. № 2. С. 19.

¹⁶⁹ Эрделевский А.М. О некоторых вопросах злоупотребления правом // Специально для системы ГАРАНТ. 2022.

¹⁷⁰ Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики [Электронное издание] / К. В. Нам. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: М-Логос, 2023. С. 267-268.

Наконец, можно встретить нигилистический взгляд, в соответствии с которой «злоупотребления правом» быть не может, а сам по себе термин «злоупотребление правом» является оксюмороном¹⁷¹. В целом, отрицание самой по себе концепции злоупотребления правом как правового феномена свойственна советскому гражданскому праву, которое не обладало частноправовым характером, а, следовательно, не предполагало самого факта наличия возможности действовать за пределами предоставленного субъекту правомочия.

Ряд видных советских и российских цивилистов высказывали принципиальные возражения против концепции злоупотребления правом. Так, М.В. Самойлова, анализируя право личной собственности, пришла к выводу о невозможности противоправного осуществления собственных прав, поскольку действия собственника по своей природе всегда правомерны¹⁷². Этот подход получил также развитие в работах В.А. Рясенцева, который подверг сомнению целесообразность использования самого термина «злоупотребление правом», считая его избыточным и не раскрывающим существа регулируемых отношений, а лишь дублирующим субъективный критерий осуществления права в противоречии с его назначением¹⁷³.

Более категоричную позицию занял Н.С. Малеин, утверждавший, что выход за пределы субъективного права означает фактически действие вне правового поля. В этой связи ученый считал термин «злоупотребление правом» некорректным, поскольку в таких случаях имеет место обычное нарушение правовой нормы¹⁷⁴. Эту точку зрения поддерживал С.Н. Братусь, подчеркивавший, что противопоставление формы и содержания субъективного права методологически

¹⁷¹ Planiol M. Op. cit; Л. Жюлио де ла Морандьер. Гражданское право Франции. Т. I. М.: ИЛ, 1958. С. 67; Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона. М., 1919. С. 108; Ерошенко А.А. Осуществление субъективных гражданских прав в противоречии с их назначением // Правоведение. 1972. N 4. С. 30 - 31; Кудрявцев В.Н., Малеин Н.С. Закон и пределы правомерного поведения // Советское государство и право. 1980. N 10. С. 36 - 38.

¹⁷² Самойлова М.В. Право злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1946. N 6. С. 429.

¹⁷³ Рясенцев В.А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция. 1962. N 9. С. 8 - 9.

¹⁷⁴ Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. М., 1992. С. 160.

неверно, а отход от социального назначения права представляет собой обычное правонарушение со всеми вытекающими юридическими последствиями¹⁷⁵. Полагаем, что такая позиция основывается на строгом нормативном подходе, отрицающем необходимость специальной конструкции злоупотребления правом в системе юридической ответственности.

В то же время ряд советских цивилистов занимали более сдержанную позицию в отношении критики концепции злоупотребления правом, объясняя невозможность ее существования отсутствием потребности оборота в существовании такого правового явления. Так, например, О.С. Иоффе указывал на то, что концепция злоупотребления правом фактически нивелировалась на том основании, что «суд у нас не связан «словом закона, он связан только общей целью закона, он обязан пресекать всякие злоупотребления правом, идущие вразрез с объективной целью закона»¹⁷⁶. Отметим, что замена субъективных прав социальными функциями, что составляло основу доктрины «хозяйственного» права А.Г. Гойхбарга, и ее имплементация в советское гражданское право, привели к тому, что концепция злоупотребления правом была заморожена до начала научной разработки соответствующей тематики В.П. Грибановым. В этой связи отрицание концепции злоупотребления правом как правового феномена возможно только в тех правовых системах, где не существует субъективного права как самостоятельной правовой концепции либо где содержание субъективного права замещено иными правовыми категориями (например, социальная функция, социалистическая законность и т.п.).

Сегодня такой взгляд видится как устаревшее рассуждение, фактически скрывающее отрицательное отношение к судебному усмотрению. Учитывая, что большинство развитых правовых порядков признает судебное усмотрение, осознавая всю сложность современного гражданского оборота, можно констатировать, что точка зрения, отрицающая идею запрета злоупотребления правом, остается в

---

¹⁷⁵ Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. 1967. N 3. С. 82.

¹⁷⁶ Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 4-е изд. М.: Статут, 2020. С. 208

прошлом. В современной цивилистической литературе не распространены исследования, отрицающие феноменом злоупотребления правом. Само по себе отрицание концепции злоупотребления правом представляет собой отражение воззрений советских цивилистов на субъективные права на определенном конкретно-историческом промежутке развития гражданского оборота и цивилистической мысли.

С учетом вышеизложенного, можно прийти к следующим выводам:

1) Следует проводить четкое разграничение между понятиями «запрет злоупотребления вещным правом» и «злоупотребление вещным правом». Запрет злоупотребления вещным правом представляет собой принцип права, выступающий частным случаем (одним из проявлений) более общего принципа добросовестности. Более того, речь идет о проявлении конкретной функции принципа добросовестности – его ограничительной функции.

2) В свою очередь, злоупотребление вещным правом следует квалифицировать как особый тип гражданского правонарушения, занимающего промежуточное положение между правомерным поведением и классическим гражданским правонарушением. Условно предлагается рассматривать такой тип гражданского правонарушения как фиктивное правонарушение, поскольку оно возникает лишь в случаях, когда лицо, формально действуя в рамках предоставленных правопорядком возможностей, нарушает принцип запрета злоупотребления правом как предела осуществления принадлежащего ему субъективного права.

3) Предлагаемая концепция соотношения понятий обладает универсальным характером, находя применение не только в сфере вещного права, но и в других подотраслях частного права – обязательственном, корпоративном, семейном и иных. Её методологическая ценность заключается в чётком разграничении между принципом запрета злоупотребления правом как основополагающим началом правового регулирования и фиктивным правонарушением как конкретным случаем нарушения этого принципа. Такой

подход позволяет преодолеть традиционные разногласия в понимании правовой природы злоупотребления правом, предлагая вместо альтернативы «принцип или правонарушение» рассматривать этот феномен как комплексное правовое явление. Оно включает общий запретительный принцип, особый состав гражданского правонарушения и специфический механизм правовых последствий.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕЙСТВИЯ ПРИНЦИПА ЗАПРЕТА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В ВЕЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

2.1. Признаки и особенности применения принципа запрета злоупотребления правом в вещных правоотношениях

Запрет злоупотребления правом является частным случаем (одним из проявлений) более общего принципа добросовестности, при этом мы понимаем, что реализация этого принципа в контексте конкретных правоотношений может иметь специфику. Имеются ли какие-либо особенности запрета злоупотребления вещными правами? Кроме того, возможно ли говорить об особенностях злоупотребления вещным правом как фиктивного правонарушения?

Интерес правоведов к вещному праву не ослабевает. Цивилисты продолжают исследовать теоретические аспекты вещного права, его принципы и критерии, отличающие его от обязательственного права. В отечественной доктрине гражданского права отсутствует единое понимание вещного права в связи с тем, что за время советского периода¹⁷⁷ положения о классических вещных правах, которые были известно и активно изучались в дореволюционной России, были исключены из законодательного, правоприменительного и научного контекстов^{178, 179}. Ключевое отличие советского гражданского права от современного заключается в том, что, оставаясь гражданским правом, оно не

¹⁷⁷ В советский период институт вещных прав подвергался критическому переосмыслению, что привело к его фактическому отрицанию в гражданско-правовой доктрине. Многие цивилисты советского периода (например, В.К. Райхер, О.С. Иоффе) скептически оценивали возможность включения вещных прав в систему советского гражданского права, что оказало значительное влияние на советское законодательство XX в. Это свидетельствует о том, что традиционные вещно-правовые конструкции воспринимались как чуждые социалистическому правопорядку, что в итоге привело к их формальному упразднению или трансформации в рамках советского гражданского законодательства. См.: Гражданское право / Под ред. Ю.К. Толстого и А.П. Сергеева. Ч. 1. СПб., 1996. С. 285; Склоцкий К.И. Собственность в гражданском праве. 6-е изд., испр. и доп. Москва: Статут, 2023. С. 168 (номер страницы приводится по СПС «КонсультантПлюс»); Формакидов Д.А. Право общей собственности собственников недвижимости по российскому праву: аналитический обзор новелл гражданского законодательства // Семейное и жилищное право. 2023. N 6. С. 34 – 37; Генкин Д.М. Отчет о докладе Д.М. Генкина о классификации гражданских прав в ВИЮН // Вестник гражданского права. 2022. N 4. С. 116 – 122.

¹⁷⁸ Задача соседского права - заставить считаться с интересами соседей и до разумных пределов переносить неудобства, которые причиняет соседство [Интервью с И.А. Емелькиной] // Закон. 2024. N 10. С. 8 - 16.

¹⁷⁹ Постсоветское законодательство о вещных правах являлось законодательством переходного этапа, когда институты частной собственности и оборота вещей только формировались, что сегодня, безусловно, требует реформирования и актуализации под реалии современного гражданского оборота. См. материалы: Ежегодная научная конференция центра частного права // Вестник гражданского права. 2021. N 4. С. 9 – 57.

являлось правом частным в классическом понимании. Современное же гражданское право, напротив, базируется на частноправовых началах, где определяющую роль играет не договорное регулирование, а вещное право и правовой режим недвижимости¹⁸⁰.

В общих чертах вещное право представляет собой категорию, определяющую степень принадлежности различных объектов субъектам гражданских правоотношений в соответствии с объёмом тех прав, которые обозначают господство лица над объектом¹⁸¹.

При обращении к понятию злоупотребления вещным правом следует отметить, что его понимание различается в зависимости от политико-правовых воззрений конкретного автора. В российской правовой доктрине практически не дается доктринального осмысления взаимосвязи вещного права и возможности злоупотребления им. Подобная ситуация имеет место по причине германизованности российского частного права, которое после смерти М.М. Сперанского – известного франкофила – было оторвано от романистической юриспруденции, которой была свойственна традиция рассмотрения осуществления и запрета злоупотребления субъективным правом не только как «последней абстракции цивилистики», но и как категории вещного права. В частности, дореволюционная цивилистика адаптировала германизированные теории права собственности, где собственность мыслилась (мыслится до сих пор) как исключительное право устранять воздействие третьих лиц на вещь¹⁸².

Кроме того, активное использование немецкой доктрины привело к появлению лишь общего учения об осуществлении права¹⁸³, традиция была в дальнейшем унаследована советской и российской цивилистикой, которая

¹⁸⁰ Суханов Е.А. О вещном праве собственности и недвижимости // Закон. 2023. N 7. С. 32 – 42; Емелькина И.А. Евгений Алексеевич Суханов: "Гражданское право – это право социального государства, и у него должно быть социальное лицо" [Интервью с Е.А. Сухановым] // Гражданское право. 2023. N 2. С. 2 - 7.

¹⁸¹ Курдиновский В.И. Указ. соч. С. 8-9; Суханов Е.А. К понятию вещного права // Правовые вопросы недвижимости, 2005, № 1. С. 1-5; Суханов Е.А. Указ. соч. С. 32.

¹⁸² Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга вторая. М.: Статут, 2004. С. 64-65.

¹⁸³ Барон Ю. Система римского гражданского права. Санкт-Петербург, 1909. С. 178-250; Дернбург Г. Пандекты. Общая часть. Том 1. М., 1906. С. 103-109.

рассматривала лишь общее учение об осуществлении субъективного права без должного обращения к категории злоупотребления правом (и злоупотреблении конкретными субъективными правами, в частности вещными)¹⁸⁴. Таким образом, отечественная цивилистика, рассматривая категорию осуществления, а следовательно, и злоупотребления правом, в качестве категорий общей части гражданского права, и не адаптировала ее под реалии вещного права.

Фрагментарные упоминания категории злоупотребления вещным правом сталкиваются с критикой. Так, В.А. Белов отмечает, что понятие злоупотребления правом относится к советскому периоду развития цивилистики, а сама данная правовая категория представляется ему сомнительной, поскольку в контексте вещного права некоторые действия, содержательно вписывающиеся в правомочия, составляющие право собственности, вроде бы как могут быть совершены различными способами (методами), различным образом, в различной манере, с использованием различных приемов, причем от избрания того или иного способа совершения правомерного действия зависит и оценка этого действия¹⁸⁵. Таким образом, критика концепции злоупотребления правом со стороны В.А. Белова может быть сведена к тому, что осуществление права само по себе не может рассматриваться в качестве неправомерного, вследствие чего и злоупотребления правом не существует¹⁸⁶. В этом случае он следовал за М.М. Агарковым и М. Планиолем, которые рассматривали «злоупотребление правом» в качестве лишенных смысла и исключających друг друга понятий¹⁸⁷.

Совокупное осуществление прав и обязанностей собственника или иного владельца приводит нас к категории качества осуществления вещного или имущественного права. В частности, В.А. Белов применительно к рассмотрению категории злоупотребления правом отметил, что при осуществлении права

¹⁸⁴ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 42-65; Третьяков С.В. Указ. соч. С. 382-476.

¹⁸⁵ Белов В.А. Очерки вещного права. Научно-полемические заметки: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 68.

¹⁸⁶ Белов В.А. Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 2. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 82-87.

¹⁸⁷ Агарков М.М. Указ. соч. С. 365-366.

собственности собственник или иное лицо на ином вещном праве обладают качеством осуществления такого права. Он отмечал, что когда мы описываем содержание правомочий собственника, то мы указываем на родовые признаки права собственности как вещного права. Когда же мы рассуждаем о степени свободы собственника в осуществлении своего права, то мы рассматриваем его видовую характеристику, которая связана с отграничением от иных вещных прав; для понимания качества осуществляемого вещного права надлежит определить качество, характерное для реализации иных, кроме права собственности, субъективных прав, также относящихся к категории вещных¹⁸⁸. Таким образом, в контексте определения сферы действия злоупотребления вещного права следует обращать особое внимание на качество осуществляемого права.

Полагаем, что принятие подобной позиции как в общетеоретическом, так и в вещно-правовом аспекте не является корректным, поскольку европейская традиция частного права исходила из принципиальной возможности злоупотребления не только субъективным правом (как общей категории), но также и вещным правом (как частной категории), в первую очередь правом собственности (например, в контексте соседских отношений). Так, например, В.И. Курдиновский еще в конце XIX в. пишет о том, что собственник не должен эксплуатировать свою недвижимость во вред соседу, если такая эксплуатация выходит за пределы обычного, соответствующего природе участника, пользования¹⁸⁹. Кассационная практика Сената в дореволюционной России демонстрировала сдержанный подход к концепции злоупотребления правом, хотя и признавала её значение. В 1870-х годах Сенат, рассматривая споры о соседских правах на землю, подчеркивал недопустимость «превышения законного права» и возможность компенсации убытков. Наиболее ярко эта позиция проявилась в решении 1902 года, где Сенат указал, что пользование правом не должно нарушать права других, оставляя судам право определять границы допустимого в каждом конкретном случае.¹⁹⁰

---

¹⁸⁸ Белов В.А. Указ. соч. С. 70-71.

¹⁸⁹ Курдиновский В.И. Указ. соч. С. 35, 43, 54.

¹⁹⁰ Гуляев А.И. Русское гражданское право. 4-е изд. СПб., 1913. С. 133.

Многие правоведы созвучны в том, что область соседских прав стала причиной появления категории злоупотребления вещным правом¹⁹¹. Д. Гордли отмечал, что злоупотребление вещным правом имело место в случае заслуживающего порицания поведения одного собственника по отношению к другому¹⁹². Б. Аккерманс также считал, что категория злоупотребления правом весьма актуальна в области соседских конфликтов¹⁹³. При этом важной особенностью является то обстоятельство, что ущерб, причиненный действиями владельца в результате использования, осуществления и распоряжения правом, с намерением нанести ущерб другому лицу без получения какой-либо выгоды для владельца объекта имущества, не будет представлять собой злоупотребления вещным правом и приведет к обязательству по устранению или прекращению нарушения соответствующих вещных прав, а также возмещению ущерба¹⁹⁴. Таким образом, злоупотребление вещным правом во французской традиции имеет место лишь при наличии намерения нанести другому лицу ущерб или причинить неудобство с целью получения собственной выгоды.

Испанское вещное право содержит в себе категорию злоупотребления вещным правом, которая появилась в результате развития соседских прав. Испанские правоведы исходили из того, что злоупотребление вещным правом предполагает осуществление субъективного права управомоченным лицом, которое перестает рассматриваться в качестве допустимого, дозволенного, вступив в противоречие с общественной моралью, в особенности, если оно является неоправданным, излишним для уполномоченного лица и причиняющим вред остальным лицам¹⁹⁵. Испанская теория частного права исходит из наличия трех

---

¹⁹¹ Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского уложения. С объяснениями, извлечениями из трудов Редакционной Комиссии / Под ред. И.М. Тютрюмова. СПб., 1910. Т. 1. С. 787.

¹⁹² Gordley J. Foundations of Private Law: Property, Tort, Contract, Unjust Enrichment. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 72.

¹⁹³ Akkermans B. The Principle of Numerus Clausus in European Property Law. 2008. P. 95.

¹⁹⁴ Akkermans B. Op. cit. P. 95.

¹⁹⁵ Цит. Castan Tobenas J. по диссертации Кривенко Н.А. (Подробнее об этом см.: Кривенко Н.А. Приобретение, осуществление и защита ограниченных вещных прав по законодательству Испании: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2019. С. 151-152).

подходов относительно злоупотребления вещным правом: (i) злоупотребление в субъективном смысле при наличии частной цели, (ii) злоупотребление в объективном смысле как несоответствие социальному или экономическому назначению вещного права, а также (iii) злоупотребление в смешанном смысле как следствие правовой воли управомоченного лица¹⁹⁶. Следовательно, испанская доктрина во многом созвучна с французской в той части, что она поддерживает существование социальной цели всякого права, однако, оригинальна в том смысле, что вводит категорию правовой воли как способа легитимации осуществления того или иного вещного права.

Будучи порождением конфликта прав соседей, злоупотребление вещным правом стало категорией, характерной для всей сферы вещных отношений, поскольку конфликты возможны не только между собственниками (или обладателями иного вещного права) земельных участков, но также и между собственником земельного участка (лицом, обладающим иным вещным правом, чем право собственности) и обладателями иного вещного права, между собственником (или обладателем иного вещного права) и третьими лицами, имеющими определенный интерес в использовании соответствующего имущества, а также между лицами, обладающими конкурирующими вещными правами. В таком случае злоупотребление вещным правом будет иметь место при взаимодействии множества лиц, вследствие чего классическая концепция вещного правоотношения как абсолютного правоотношения ставится под сомнение.

Подобное имеет место в связи с наличием правопритязаний третьих лиц на вещные права, что было немыслимо в условиях существования господства вещных прав, когда законодатель исходил из того, что конфликты могут существовать лишь между собственниками земельных участков. Следуя идее Г. Харта, необходимо разделять ядро (*core*) и периферию (*penumbra*) субъективного права, вследствие чего возможно определение пределов и границ его осуществления, в том числе

---

¹⁹⁶ Кривенко Н.А. Указ. соч. С. 152.

неправомерного¹⁹⁷. С нашей точки зрения, вещное право состоит из ядра, которое не может быть ограничено (поскольку в ином случае будет нивелирована сама идея вещного права), а также из периферии, в рамках которой стороны могут инициативно действовать, в том числе посредством нарушения имущественных прав и законных интересов друг друга. В настоящее время различные модели регулирования недвижимого имущества, а также распределения вещных прав по различным моделям (модель общей собственности, модель поэтажной собственности и так далее) приводят к тому, что идея абсолютности права собственности постепенно нивелируется, вследствие чего периферия вещного права расширилась – расширились и пределы злоупотребления таким вещным правом.

Субъективное вещное право имеет дуалистическую структуру, проявляющуюся в единстве двух элементов – ядра и периферии. Ядро представляет собой нормативно закреплённый элемент права, где законодатель четко определяет содержание и пределы осуществления вещных правомочий, устанавливая тем самым стабильные рамки правового регулирования вещных прав (стабильный элемент субъективного вещного права).

В отличие от ядра, периферия субъективного вещного права – зона правовой неопределённости за границами ядра субъективного вещного права, характеризующаяся (i) отсутствием прямого законодательного регулирования, (ii) зависимостью границ правомочий от конкретных фактических обстоятельств, и (iii) потенциальными коллизиями (конфликтами) интересов правообладателя и третьих лиц. Именно на периферии возникает необходимость оценки правомерности поведения субъекта сквозь призму принципов права, что делает этот элемент структуры субъективного вещного права динамичным и ситуационно обусловленным (динамичный элемент субъективного вещного права).

Такое структурное разделение обуславливает различные правовые режимы: нарушение установленных ядром норм представляет собой прямое нарушение

---

¹⁹⁷ Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence // Hart H.L.A. Essays on Jurisprudence and Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1983. P. 21-48.

закона, тогда как периферия служит механизмом гибкого регулирования, позволяющим адаптировать применение вещных прав к нестандартным ситуациям. Из этого следует, что злоупотребление вещным правом возможно исключительно в периферийной зоне - там, где отсутствуют чёткие законодательные предписания и требуется оценочная квалификация действий правообладателя.

Схема 1. Ядро и периферия субъективного вещного права

Пояснение к схеме:

- 1) **Ядро** (внутри круга) – стабильный элемент субъективного вещного права, где содержание субъективного вещного права строго и ясно определено законом.
- 2) **Периферия** (за границами ядра права) – зона неопределенности, где отсутствует четкая законодательная регламентация.

Схема подчёркивает, что зона конфликтов и гибкого регулирования находится за пределами ядра субъективного вещного права. Следовательно, злоупотребление субъективным вещным правом возможно только на периферии.

В этой связи, мы полагаем, что возможно говорить о злоупотреблении вещным правом. Также, как мы увидим далее, принцип запрета злоупотребления правом сквозь призму вещного права имеет специфические особенности и проявления. Такие особенности базируются на отличительных чертах вещных правоотношений (и, как следствие, субъективных вещных прав). О каких особенностях можно говорить?

1. Состав злоупотребления вещным правом как фиктивного правонарушения

Ранее предложенное разграничение понятий «запрет злоупотребления правом» и «злоупотребления правом» позволяет нам смотреть на эти понятия отдельно. Хотя злоупотребление правом представляет собой пусть и не классическое гражданское правонарушение, а фиктивное, тем не менее такая постановка вопроса позволяет нам исследовать его состав, как это принято при изучении классических правонарушений.

Представляется необходимым осуществить детализацию понятия «злоупотребление правом» через призму недобросовестного поведения путем его атомизации (выделения структурных элементов). Такой аналитический подход позволяет выявить генезис и внутреннюю структуру злоупотребительных действий, что приобретает особую значимость для целей правоприменительной практики. Теоретическая ценность предложенной методики заключается в возможности систематизации различных видов злоупотреблений правом посредством их классификации по типологическим группам. Полученные результаты могут служить методологической основой для законодательного определения новых границ осуществления субъективных прав, включая вещные права, а также для разработки специальных правовых режимов, направленных на противодействие недобросовестным формам реализации правомочий. Предлагаемый структурный анализ создает предпосылки для совершенствования правового регулирования в данной сфере и выработки эффективных механизмов защиты от злоупотреблений в различных отраслях права.

1) Первым элементом является *активная сторона* – *субъект злоупотребления правом*, то есть лицо, обладающее субъективным правом и осуществляющее субъективное право.

2) Вторым элементом является *пассивная сторона* – лицо, которое пострадало от злоупотребления правом (иными словами, лицо, чьи права и

законные интересы подвергаются нарушению, оно претерпевает негативные последствия злоупотребительного поведения активной стороны).

3) Третьим элементом является злоупотребительное (заведомо недобросовестное) поведение (то есть конкретные злоупотребительные действия или злоупотребительное бездействие) активной стороны, в результате которого нарушаются права и законные интересы пассивной стороны¹⁹⁸.

4) В качестве четвертого элемента можно выделить *объект* – права и законные интересы пассивной стороны, которые нарушаются активной стороной посредством его злоупотребительного поведения (злоупотребительных действий или злоупотребительного бездействия).

5) Пятым элементом будет являться субъективная сторона – намерение причинить вред, т.к. поведение активной стороны подразумевает заведомое недобросовестное поведение активной стороны.

Конкретное «злоупотребление правом» следует рассматривать сквозь призму названных выше элементов, чтобы лучше понимать специфику такого злоупотребления. Выше описан универсальный взгляд на состав (элементы) злоупотребления, которые может быть взят за основу при анализе любого злоупотребления вне зависимости от вида отношений (например, в корпоративных правоотношениях, семейных правоотношениях, трудовых правоотношениях)¹⁹⁹. В настоящем исследовании нас интересует в первую очередь злоупотребление правом в контексте вещных правоотношений.

Злоупотребление правом в вещных правоотношениях имеет свои особенности, связанные с некоторыми из выделенных выше элементами состава злоупотребления правом как фиктивного правонарушения.²⁰⁰

---

¹⁹⁸ Идея выделения составных элементов злоупотребления правом сделана автором на основании идеи выделения отдельных элементов (состава) гражданского правоотношения. См.: Иоффе О.С. Указ. соч. С. 553-585.

¹⁹⁹ В некоторых судебных решениях встречается анализ состав злоупотребления правом (недобросовестное применения), однако это в первую очередь сводится к сфере защиты конкуренции в области интеллектуальной собственности. В контексте вещных прав аналогичная практика не обнаружена. Решение Суда по интеллектуальным правам от 13.12.2024 по делу N СИП-532/2023; Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.06.2024 N C01-845/2024 по делу N СИП-532/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰⁰ При этом не все элементы состава злоупотребления правом имеют свою специфику в контексте вещных правоотношений. Например, вопрос вины (заведомого характера) не имеет различий в зависимости от вида правоотношений.

(а) *Активная сторона – обладатель вещного права.* В этой роли выступает физическое или юридическое лицо, обладающее каким-либо субъективным вещным правом (например, право собственности, право бессрочного пользования, сервитут, иные). Злоупотребление правом может проявляться, например, в том, что собственник использует своё право не для удовлетворения своих законных интересов, а с целью причинения вреда иным лицам (например, масштабным шумом от недвижимого имущества или ограничением доступа к общему имуществу).

(б) *Пассивная сторона – лицо, потерпевшее от злоупотребления вещным правом.* Пассивной стороной злоупотребления вещным правом может выступать любое третье лицо, которому может быть причинен вред от злоупотребительных действий. В отличие от злоупотреблений в обязательственных правоотношениях, когда пассивная сторона заранее известна (например, контрагент по договору), в вещных правоотношениях существует неограниченный круг лиц, которые могут стать пассивной стороной злоупотребления вещным правом.

(с) *Злоупотребительное поведение (злоупотребительные действия или злоупотребительное бездействие).* Злоупотребительные действия или злоупотребительное бездействие в контексте вещного права всегда будет связано с поведением в отношении конкретного объекта вещного права (индивидуально-определенной вещи). Например, оставление имущества в ненадлежащем состоянии (бездействие) может квалифицироваться как злоупотребление правом, если это приведет к причинению вреда иным лицам.

(d) *Субъективная сторона – умысел причинить вред или создать препятствия для законных интересов участников оборота.*

(е) Одним из ключевых элементов состава злоупотребления вещным правом является *причинно-следственная* связь между противоправным поведением и наступившими негативными последствиями. Однако возникают сложности с ее установлением, особенно в случаях, когда вред еще не реализован, а лишь потенциально возможен. В такой ситуации неочевидно, действительно ли недобросовестные действия приведут к ущербу или последствия так и не наступят.

Проблема носит преимущественно фактический характер и требует индивидуального анализа судом в каждом конкретном случае. Тем не менее, несмотря на возможные сложности в доказывании, мы считаем необходимым сохранить причинно-следственную связь в качестве обязательного элемента состава злоупотребления правом в вещных правоотношениях. Это позволит избежать избыточно широкого применения запрета на злоупотребление правом в вещных отношениях и предотвратит ситуацию, когда суды квалифицируют любое неудобство или гипотетический риск как нарушение. Такой подход способствует более взвешенному и обоснованному ограничению субъективных прав, исключая их произвольное ограничение под предлогом «злоупотребления».

Злоупотребление вещным правом выявляется в процессе его реализации, когда общие правовые нормы применяются в конкретных правоотношениях с участием пострадавшей стороны. Поведение может быть квалифицировано как злоупотребление правом только при переходе от абстрактной правовой возможности к конкретным действиям, когда осуществление субъективного права выходит за пределы его разумных границ и наносит ущерб охраняемым законом интересам других лиц. Таким образом, злоупотребление правом в вещных правоотношениях заслуживает внимания и анализа отдельных элементов его состава.²⁰¹

2. Неограниченность круга лиц, которые могут пострадать от злоупотребления вещным правом

Вещные права обладают *абсолютным характером*, то есть вещному праву корреспондируют обязанности не определенного лица, а обязанности пассивного типа всех третьих лиц (*erga omnes*)²⁰². Вещные права оформляют господство над вещью, а не над поведением отдельных субъектов, как это свойственно

²⁰¹ Предложенный состав злоупотребления правом будет положен в основу систематизации (классификации) видов злоупотребления вещными правами, предложенной в Главе 3.

²⁰² Суханов Е.А. Вещное право. Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 20-25; Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 148, 183 – 187

обязательственным правоотношениям. Такая характеристика вещного права остается основополагающей в современной доктрине большинства европейских стран континентальной, является догмой континентальной цивилистики²⁰³.

По мнению И.А. Емелькиной, в современном европейском учении о вещном праве одним из центральных признаков вещного права, отграничивающих его от прав обязательственных, как и несколько веков назад, выступает абсолютный характер²⁰⁴.

Это не означает, что вещные правоотношения, действительно, одновременно возникают и существуют со всеми субъектами оборота, что подвергается критике еще со временен дореволюционных цивилистов²⁰⁵. Речь идет о возможности возникновения многообразных отношений с любым участником оборота²⁰⁶. Кроме того, абсолютный характер вещных прав нередко критикуется в связи с тем, что существуют пограничные случаи, которые одновременно обладают и признаками вещного права, и обязательственного права (например, залога или право аренды).²⁰⁷

В тех случаях, когда абсолютный характер вещного права не подвергается сомнению (например, право собственности), мы видим, что праву собственности корреспондируют обязанности неограниченного круга лиц²⁰⁸.

При злоупотреблении вещным правом эффект от злоупотребления может распространяться на неограниченный круг лиц, что свидетельствует об абсолютном характере злоупотребления вещным правом. В практической плоскости это означает, что у управомоченного лица есть обязанность соблюдать пределы осуществления субъективного права в отношении всех третьих лиц, в свою очередь, у третьих лиц есть право требовать соблюдения таких границ.

---

²⁰³ Емелькина И.А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок. 2-е изд. исп. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 25.

²⁰⁴ Емелькина И.А. Указ. соч. С. 26.

²⁰⁵ Гамбаров Ю.С. Гражданское право: Общая часть. М., 2003. С. 437.

²⁰⁶ Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. С. 579 - 581.

²⁰⁷ Прокопьев А.Ю. Абсолютные и относительные гражданские правоотношения: общее и особенное // Современное право. 2015. N 11. С. 34-39; Брагинский М.И. К вопросу о соотношении вещных и обязательственных правоотношений // Гражданский кодекс России. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова / Отв. ред. А.Л. Маковский. М., 1998. С. 113-131; Власова А.В. К дискуссии о вещных и обязательственных правах // Государство и право. 2000. N 10. С. 23 – 24.

²⁰⁸ Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. М., 1999. С. 118–119.

Следовательно, потенциально существует неограниченный круг лиц, которые могут заявить о злоупотреблении со стороны обладателя субъективного вещного права.

Так, если собственник квартиры в многоквартирном доме использует общую территорию в этом многоквартирном доме не по назначению, то заявить о его злоупотреблении может не одно конкретное лицо, а любой из потенциальных жителей многоквартирного дома. В ходе одного из судебных разбирательств истец считал, что коридор, где находилась мебель, относится к общему имуществу владельцев квартир в многоквартирном доме. Поэтому он, как собственник, имел право использовать этот коридор и вынести в него мебель, поскольку во время ремонта у истца не было возможности убрать мебель в другое место. Суд признал такое поведение злоупотреблением²⁰⁹.

При этом сделаем оговорку, что на практике круг потенциальных лиц, которые могут заявить о злоупотреблении правом уполномоченного лица не является полностью неопределенным. В большинстве случаев круг потенциальных пострадавших от злоупотребления субъектов определен или, как минимум, определим. Например, в случае со злоупотреблением правом собственности на квартиру в многоквартирном доме – это все текущие и (или) потенциальные жильцы такого дома. Если речь идет о злоупотреблениях на земельном участке, это собственники соседних земельных участков (безусловно, их может быть и много, но всегда есть возможность их определения исходя из объективных реалий гражданского оборота).

Иными словами, можно сказать, что выход за пределы осуществления субъективного вещного права может проявляться в двух различных моделях в зависимости от характера вещных правоотношений.

Во-первых, *модель абсолютного правоотношения*. В рамках абсолютного вещного правоотношения (например, права собственности) управомоченное лицо (собственник) противостоит неопределенному кругу обязанных субъектов,

---

²⁰⁹ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2022 № 88-17203/2022 по делу N 2-777/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

которые должны воздерживаться от нарушения его прав. Потенциальный потерпевший – любое третье лицо, чьи законные интересы могут быть затронуты недобросовестным осуществлением права собственности (например, использование земельного участка способом, причиняющим вред окружающей среде или здоровью граждан).

Во-вторых, *модель субъективно-относительного правоотношения*. Эта модель возникает в ситуациях, где вещное право осуществляется в условиях множественности управомоченных лиц или особой правовой связи между ними. К числу таких случаев относятся отношения, возникающие при множественности собственников (долевая или совместная собственность), супружеская собственность (включая вопросы раздела имущества и определения порядка пользования), конфликты между сонаследниками при управлении наследственным имуществом, жилищные правоотношения (например, пользование общим имуществом в многоквартирном доме), соседские отношения (установление сервитутов, ограничений по использованию земельных участков), а также взаимодействие между субъектом ограниченного вещного права и собственником (как в случае с арендатором и арендодателем).

В отличие от абсолютной модели, где нарушителем может оказаться любое третье лицо, здесь потенциальным потерпевшим выступает конкретный участник правоотношения, чьи законные интересы затрагиваются недобросовестным осуществлением права другим субъектом. Это требует особых механизмов защиты, учитывающих специфику взаимных обязательств и разумный баланс интересов сторон. Полагаем, что такое теоретико-практическое конструирование различных моделей позволяет более точно применять механизмы защиты в зависимости от вида правоотношения.

3. *Злоупотребление закрытым перечнем (numerus clausus)*

вещных прав

Следующая характеристика вещных прав, заслуживающая внимания с точки зрения вопроса злоупотребления вещным правом – *закрытый перечень (numerus*

clausus) вещных прав²¹⁰. Принцип закрытого перечня означает, что в позитивном праве устанавливается исчерпывающий перечень вещных прав (*Typenzwang*) и содержание таких вещных прав (*Typenfixierung*), что не может быть изменено по соглашению сторон, реализуя принцип свободы договора.²¹¹ Аналогичный подход можно встретить и в судебной практике, в соответствии с которой принцип закрытого перечня вещных прав заключается в том, что вещные права могут быть установлены только тех видов и в том содержании, как это предусмотрено законодательством²¹².

Большинство современных исследователей являются сторонниками принципа закрытого перечня вещного права, поскольку вещные права носят абсолютный характер, то есть обязывают всех участников оборота. Соответственно, участникам оборота необходимо четко понимать содержание набора обязанностей, соблюдение которых от них ожидается²¹³.

Также выдвигается аргумент о защите оборота посредством формирования заранее известного всем акторам содержания вещных прав: такой подход снижает транзакционные издержки на проверку объектов и анализ содержания ограничений и обременений в отношении приобретаемых объектов²¹⁴. В контексте описания закрытого перечня вещных прав Б. Аккерманс отмечает, что французский законодатель и правоприменитель в XIX в. впервые начал ограничивать

²¹⁰ Покровский И.А. Указ. соч. С. 210; Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. С. 263 – 264.

²¹¹ Суханов Е.А. Указ. соч. С. 20-25; Сеницын С.А. Numerus clausus и субъективные права: понятие, значение, взаимосвязь // Вестник гражданского права. 2014. N 2. С. 100 – 147; Монахов Д.А. Сервитуты: монография. Москва: Статут, 2023. С. 115-117 (номера страниц приводятся по СПС «КонсультантПлюс»); Ossowska M. The Numerus Clausus Issue in Property Law - European Private Law and the Polish Perspective // Studia Iuridica. 2019. Vol. 82. P. 215.

²¹² Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 10.12.2024 N 05АП-5589/2024, 05АП-5897/2024 по делу N А51-23265/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹³ Суханов Е.А. Указ. соч. С. 20-25; Емелькина И.А. Указ. соч. С. 29.; Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М., 2010. С. 211.

²¹⁴ Smith H.E., Merrill T.W. Optimal Standardization in the Law of Property: The Numerus Clausus Principle // Yale Law Journal. 2000. Vol. 110. Iss. 1. P. 26 – 27; Waldron J. The right to private property. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 343-389; Cooter R., Ulen T. Law & Economics. 6th ed. 2012. P. 93-94; Hansmann H., Kraakman R. Property, Contract, and Verification: The Numerus Clausus Problem and the Divisibility of Rights // The Journal of Legal Studies. 2002. P. 374, 380, 401.

правомочия собственности в связи со значительными рисками злоупотребления правом²¹⁵.

Следует отметить наличие альтернативной точки зрения о том, что перечень вещных прав может быть открытым (*numerus apertus*).²¹⁶ По мнению сторонников открытого перечня, оборот может быть не менее защищенным и эффективным, если участники оборота наделяются правом создания вещных прав по соглашению. Главное в такой системе – создание открытой и эффективной системы «публичности» таких созданных по усмотрению сторон вещных прав (создание специального реестра)²¹⁷. Например, принцип открытого перечня легализован во Франции²¹⁸, Испании и ЮАР²¹⁹.

Однако в связи с утверждением принципа открытого перечня могут возникнуть сложности с определением того, какие именно права следует относить к категории вещных. Лица, обладающие свободой действий, могут начать создавать новые вещные права, что может привести к чрезмерной загруженности правовой системы. Кроме того, существует вероятность того, что субъекты начнут модифицировать содержание вещных прав. Такой фактор может нарушить баланс интересов, заложенный в законодательстве, что, безусловно, может служить аргументом против расширения перечня вещных прав²²⁰.

Несмотря на наличие приведенной выше дискуссии мы понимаем, что текущее российское законодательство исходит из закрытого перечня вещных прав (статья 216 ГК РФ).

Как следствие, злоупотребление возможно только конкретными и прямо определенными в законодательстве вещными правами. Поскольку каждый

²¹⁵ Akkermans B. Op. cit. 2008. P. 95, 165.

²¹⁶ Рыбалов А.О. *Iura in re: numerus clausus vs numerus apertus* // Вестник экономического правосудия РФ. № 7. 2018. С. 148; Темурзиев Р.Б. Диспозитивность в вещных правах: открытый перечень явно и неявно // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 10. С. 166 - 177; Алдошкина А.Д. Numerus clausus вещных прав: происхождение и обоснование догматической конструкции // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 45 – 93.

²¹⁷ Рыбалов А.О. Указ. соч. С. 148-150.

²¹⁸ Монахов Д.А. Указ. соч. С. 140-145.

²¹⁹ Керселян А.С. Некоторые проблемные вопросы вещного права: критический обзор реформы ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 162 - 185.

²²⁰ Там же.

гражданский оборот уникален и отсутствует единый стандартный набор «вещных прав» (общепризнанной системы вещных прав) в силу их исторического развития и экономических потребностей,²²¹ перечень злоупотреблений вещными правами, как следствие, также будет уникальным в каждом конкретном правовом порядке.

Ядро субъективного вещного права характеризуется принципом закрытого перечня содержания субъективного вещного права. Выход за пределы закрытого перечня содержания субъективного вещного права является основой для оценки конкретного поведения сквозь призму принципа запрета злоупотребления правом. Суды, оценивая конкретное поведение на периферии вещного права, формируют новые правила поведения (нормы права), которые могут стать частью ядра вещного права посредством легализации таких правил поведения на уровне законодательства.

Следовательно, принцип запрета злоупотребления вещным правом представляет собой инструмент (i) контроля периферии субъективного вещного права, защищающий стабильность его ядра от разрушения (ограничительная функция), и (ii) формирования новых пределов вещного права (правотворческая функция).

В целом, можно говорить о такой общей формуле, характерной для любого континентального правового порядка: возможно злоупотребление правом собственности, а также ограниченными вещными правами²²². Заметим, что специфика правового порядка в большей степени проявляется именно в генерации ограниченных вещных прав, поскольку право собственности в континентальных правовых порядках понимается схожим образом в качестве наиболее широкого по объему правомочий права, обеспечивающего господство над вещью²²³. В свою

²²¹ Суханов Е.А. Указ. соч. С. 20-25.

²²² Упоминания об этом можно встретить еще в XIX в., где говорилось, например, о злоупотреблении узурпатором. См.: Regelsberger F. Pandekten. Bd. 1. Leipzig, 1893. S. 373 (цит. по: Гримм Д.Д. К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. N 1. С. 234).

²²³ Мейер Д.И. Избранные труды: в 3 т. / Д. И. Мейер; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. П. В. Крашенинников, д-р юрид. наук, проф. Д. Х. Валеев. Москва: Статут, 2022. С. 336-340; Трепицын И.Н. Приобретение движимостей в собственность от лиц, не имеющих права на их отчуждение. Варшава, 1907. С. 502; Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. Л., 1948. С. 299; Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. - М.: Статут, 2010. С. 248.

очередь, ограниченное вещное право означает предусмотренное законом право на чужую вещь, которое предоставляет непосредственное господство, характеризуется абсолютным характером и выражается в возможности владения, пользования, а также (в некоторых специальных случаях) и распоряжения чужой вещью²²⁴.

Не существует единого стандартного набора ограниченных вещных прав, характерного для всех правопорядков. Более того, перечень ограниченных вещных прав в каждой юрисдикции находится в динамике и время от времени трансформируется. Например, в Германии существует широкий перечень ограниченных вещных прав, который не сводится к содержанию какого-либо конкретного правомочия, выделенного из права собственности. В связи с более широким понимаем вещно-правовой защиты немецкое право рассматривает в качестве ограниченных вещных прав преимущественное право покупки и вещное обременение²²⁵. В современном российском праве есть свои особенные ограниченные права, аналоги которых сложно найти в развитых правопорядках (например, право оперативного ведения и право хозяйственного управления).

Обычно в контексте вещно-правовых отношений говорят о злоупотреблении правом собственности, при этом возможно злоупотребление и ограниченными вещными правами. Применительно к актуальному российскому законодательству гипотетически можно говорить о злоупотреблении следующими ограниченными вещными правами:

а) правом пожизненного наследуемого владения земельным участком (статья 265 ГК РФ);

б) правом постоянного (бессрочного) пользования земельным участком (статья 268 ГК РФ, статья 39.9 ЗК РФ);

в) сервитутом – правом ограниченного пользования чужим земельным участком или иной недвижимостью (статьи 274 и 277 ГК РФ, статья 23 ЗК РФ);

---

²²⁴ Емелькина И.А. Указ. соч. С. 29.

²²⁵ Там же.

г) правами хозяйственного ведения и оперативного управления имуществом (статьи 294 и 296 ГК РФ);

д) право отказополучателя по завещанию пользоваться вещью наследодателя (статья 1137 ГК РФ); и

е) правами пользования жилым помещением в соответствии с ЖК РФ.

Следует обратить внимание, что указанный перечень может быть трансформирован, поскольку проект реформы вещного права предполагает введение новых видов ограниченных вещных и их правовых режимов²²⁶ (далее – **Проект Реформы Вещного Права**). В частности, возможно введение следующих ограниченных вещных прав: а) права постоянного землевладения, б) права застройки, в) права личного пользования (узуфрукт), г) права приобретения чужой недвижимой вещи, д) права вещной выдачи, е) права ограниченного владения земельным участком.²²⁷ Как следствие, участники оборота потенциально смогут злоупотреблять указанными правами наряду с закрепленными в российском праве вещными правами. В работе С.А. Громова, посвященной пользованию (узуфрукты), поднимает вопрос злоупотребления узуфруктом и его последствий. В случае использования фруктуарием предоставленного ему имущества с нарушением установленных правил большинства законодательств содержит санкции, в частности, возможно изъятие у фруктуария имущества и передача его в управление с отчислением пользователю части доходов (§ 1054 ГГУ, ст. 3:221 ГК Нидерландов). Также возможно прекращение узуфрукта, то есть прекращение (лишение) вещного права без права на компенсацию (§ 1051 ГГУ, абз. 3 ст. 760 Швейцарского гражданского кодекса).²²⁸

В судебной практике случаи злоупотребления ограниченными вещными правами встречаются реже, чем злоупотребление правом собственности, причем

²²⁶ Задача соседского права - заставить считаться с интересами соседей и до разумных пределов переносить неудобства, которые причиняет соседство [Интервью с И.А. Емелькиной] // Закон. 2024. N 10. С. 8 - 16.

²²⁷ Проект Федерального закона «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (Проект № 47538-6/5 во втором чтении).

²²⁸ Громов С.А. Узуфрукт: юридическая конструкция и вещное право // Вещные права: постановка проблемы и ее решение: Сборник статей / Н.Н. Аверченко, В.А. Белов, К.А. Блинковский и др.; под ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2011. С. 177.

сводятся в основном к злоупотреблению правом ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом (злоупотребление сервитутами)²²⁹. В отдельных случаях встречаются и злоупотребления иными ограниченными вещными правами (в частности, злоупотребление правом хозяйственного ведения и хозяйственного управления, злоупотребление правом пожизненного наследуемого владения)²³⁰.

Следовательно, в контексте вещного права существует закрытый перечень вещных субъективных прав, которыми потенциально может злоупотребить уполномоченное лицо. На наш взгляд, наличие закрытого перечня вещных прав, установленного законом, создает правовую определенность между участниками оборота, поскольку каждый из них понимает, как должен вести себя средний собственник или средний сервитутарий, а что может считаться злоупотреблением правом с их стороны. Поскольку закрытый перечень исключает возможность создания вещных прав по соглашению сторон, у участников оборота формируется общее понимание, какое поведение уполномоченного лица можно считать злоупотреблением. Если существует общее понимание, то возрастает вероятность выявления отклонений от нормы и защиты интересов пострадавшего от злоупотребления.

Следует обратить внимание на то, что в контексте вещных правоотношений обычно рассматриваются злоупотребления правом собственности и отдельные аспекты таких злоупотреблений. Однако не следует забывать о том, что возможно также злоупотребление правами на чужую вещь, о чем в цивилистической литературе практически не упоминается.

4. Злоупотребление правомочиями

Содержание вещных прав сводится к набору *правомочий*. Право собственности представляет собой совокупность правомочий владения,

---

²²⁹ Споры о злоупотреблении сервитутами, например, см.: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 12.11.2010 по делу N А45-24650/2009; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.05.2023 N Ф01-1740/2023 по делу N А82-9412/2019; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.02.2023 по делу N 88-4563/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

²³⁰ См. подробнее анализ по случаям злоупотребления ограниченными вещными правами в Главе 3.

пользования и распоряжения вещью, а ограниченные вещные права – комбинацию отдельных правомочий в отношении чужой вещи.

Учитывая атомизацию субъективного вещного права до правомочий, встает нетривиальный вопрос: уполномоченное лицо злоупотребляет непосредственно вещным правом или правомочиями, являющимися составными элементами субъективного вещного права?

Предлагаем рассмотреть этот вопрос в первую очередь на примере права собственности. Владение – это фактическое и (или) юридическое господство над вещью (обладание вещью), которое само по себе (в отрыве от иных правомочий) не подразумевает со стороны управомоченного лица осуществления действий по отношению к вещи, оказывающее негативное влияние на правовую сферу иных лиц. Иными словами, владение не предоставляет участнику оборота распорядительной власти, которая является конституирующим признаком субъективного права. Поскольку злоупотребление возможно только субъективным правом, а не фактическим состоянием, то можно прийти к выводу, что принцип запрета злоупотребления правом не применим к категории владения. Следовательно, запрет злоупотребления правом не может использоваться в качестве инструмента и защиты нарушенных владельческих интересов.

В свою очередь, правомочие пользования и правомочие распоряжения, с точки зрения учения о субъективном праве, представляют собой распорядительную власть, обеспечивающую управомоченному лицу значительную меру контроля за юридической судьбой поведенческой возможности и юридической обязанности (связанности), которая выступает коррелятом такой возможности. Можно сказать, что правомочие пользования и правомочие распоряжения являются самостоятельными субъективными правами, которые могут быть как одновременно в составе вещного права (например, в праве собственности), так и существовать по-отдельности (например, только право пользования в сервитуте, при отсутствии распоряжения).

Следовательно, возможно злоупотребление только таким вещным правом, в котором присутствует хотя бы одно из двух правомочий – пользование и (или)

распоряжение. Более того, на наш взгляд, более корректно говорить о злоупотреблении правомочиями (правомочием) в структуре вещного права, а не вещным правом как таковым. Этот тезис подтверждается в том числе судебной практикой. Встречаются актуальные судебные решения, в которых суды подтверждают или отрицают наличие злоупотребления правомочиями в контексте вещных прав. Например, обширной является практика, в которой суды констатируют, что злоупотребление правом со стороны собственника заключалось в реализации правомочий собственника по распоряжению имуществом²³¹.

Подобная корректировка может показаться весьма схоластической в связи с тем, что существующие в современном российском праве вещные права (право собственности и ограниченные вещные права) содержат в своей структуре правомочие пользования. Это связано с историческим выбором построения в российском праве однотипной системы ограниченных вещных прав – все они относятся к вещным правам пользования чужой вещью²³².

Классическая система ограниченных вещных прав, сложившаяся в немецком гражданском праве, предполагает их структурирование по признаку содержания вещного права на три группы: (1) ограниченные вещные права пользования чужой вещью (сервитут, узуфрукт, эмпфитевзис, право застройки); (2) ограниченные вещные права преимущественного приобретения чужого имущества (право преимущественной покупки); и (3) ограниченные вещные права реализации чужого имущества (залог, вещные выдачи)²³³. При этом нельзя исключать, что отечественная система ограниченных вещных прав может быть перестроена в будущем. В частности, как мы отмечали выше, существует Проект Реформы

---

²³¹ Определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 N 136-О; Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 N 2-П; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.10.2022 N Ф02-4650/2022 по делу N А74-15243/2019; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.01.2023 N Ф05-30744/2022 по делу N А40-64571/2021; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 01.11.2018 N 08АП-11040/2018 по делу N А46-13756/2016; Решение Арбитражного суда Мурманской области от 18.05.2017 по делу N А42-6823/2016, А42-6822/2016; Решение Арбитражного суда Челябинской области от 11.04.2008 по делу N А76-290/2008-51-33; Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2020 N 88-9342/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

²³² Емелькина И.А. Указ. соч. С. 124-125.

²³³ Там же.

Вещного Права, который, в случае его принятия, легализует новые виды ограниченных вещных права (например, право застройки, узупфрукт, иные).

5. Способы защиты в контексте злоупотребления вещными правами

В континентальных правовых порядках свойственно деление субъективных прав на вещные и обязательственные и, как следствие, им соответствует разделение исков на вещные и обязательственные²³⁴. Как отмечает С.А. Сеницын, такое деление не случайно: «одно явление обуславливает другое, одно немыслимо без другого»²³⁵. Фактически, характер защищаемого субъективного права определяет способы его защиты.

Традиционными вещно-правовыми способами защиты вещных прав являются виндикационный иск (истребование имущества из чужого незаконного владения) и негаторный иск (требование об устранении нарушений прав управомоченного лица, не связанных с лишением владения)²³⁶. Согласно позиции Т.П. Подшивалова, вещные иски применяются в целях противодействия злоупотреблению правом и рассматриваются в качестве средства борьбы со злоупотреблением правом²³⁷.

Учитывая, что основным последствием злоупотребления правом является отказ в защите права (полностью или частично), интересным является вопрос о том, что происходит с названными вещно-правовыми способами защиты при злоупотреблении правом.

²³⁴ Дернбург Г. Пандекты. Вещное право. СПб., 1905. Т. I. Ч. 2. С. 144–147.

²³⁵ Сеницын С.А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы / С.А. Сеницын. - М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 42.

²³⁶ На основании гражданского законодательства можно выделить и иные вещные иски (в частности, иск о признании вещного права, иск о приобретении вещного права, иск о прекращении вещного права; иск титульного владельца к третьему лицу, иск титульного владельца к третьему лицу, иск титульного владельца к собственнику имущества, иск об исправлении записи о регистрации права на объект недвижимого имущества в ЕГРН, иск об освобождении имущества от ареста). Однако предметом настоящего параграфа будет рассмотрение основных вещных исков – виндикационного и негаторного, поскольку вопрос о системе вещных исков все еще находится в разработке, и выделение многих из перечисленных выше исков является дискуссионным. См.: Сеницын С.А. Указ. соч. С. 91; Подшивалов Т.П. Систематизация вещных исков в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. N 5. С. 85 – 118; Подшивалов Т.П. Система вещных исков: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 69-79.

²³⁷ Подшивалов Т.П. Указ. соч. С. 119, 131.

Если лицо подает виндикационный иск и при этом злоупотребляет своим правом, то отказ в защите права будет сводиться к отказу в удовлетворении виндикационного иска. Судебная практика подтверждает подход, что суды вправе отказать в виндикационном иске в случае, если истец злоупотребил правом²³⁸. Однако следует учитывать, что в данном вопросе в практике идет речь не о злоупотреблении вещным правом, а о злоупотреблении правом на предъявление иска (процессуальным правом).

При этом в судебной практике не обнаружены случаи, в которых бы суд отказывал в виндикационном иске на том основании, что собственник злоупотреблял своим вещным правом. Мы полагаем, что отсутствие таких споров вполне объяснимо: если бы суды отказывали в защите собственнику на том основании, что он ненадлежащим образом использовал свое имущество, это было бы прямой санкцией, установленной правопорядком в отношении управомоченного лица.

В случае предъявления негаторного иска, наоборот, особое значение имеет именно злоупотребление вещным правом. Если третье лицо предъявляет требование к собственнику, который злоупотребляет своим правом собственности, то субъект злоупотребления не сможет заявить свои возражения против истца. Следует учитывать, что в контексте негаторного иска в практике нередко встает вопрос об отказе в удовлетворении негаторного иска в связи с тем, что истец злоупотребляет своим правом. Например, если лицо требует соседа демонтировать какой-то объект, хотя он был заранее осведомлен о таком объекте при приобретении земельного участка / предоставил заранее согласие на строительства сооружений на соседнем земельном участке²³⁹. Однако в указанных случаях речь

---

²³⁸ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2024 N 15АП-1114/2024 по делу N А32-16802/2023; Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.09.2024 N Ф08-5782/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

²³⁹ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 19 марта 2009 г. по делу N А43-10107/2008-21-303; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 13 ноября 2007 г. по делу N А28-9571/2006-542/22; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30 июня 2015 г. N Ф06-24028/2015 по делу N А65-14793/2014; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 декабря 2014 г. N Ф06-18419/2013, Ф06-18872/2013 по делу N А57-19577/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

идет о злоупотреблении правом на иск, то есть процессуальным правом, а не вещным правом.

Следовательно, принцип запрета злоупотребления правом в контексте рассмотрения вещно-правовых способов защиты проявляются в нескольких аспектах. Возможно злоупотребление правом на предъявление вещно-правового иска. В этом случае мы видим злоупотребление процессуального характера. Кроме того, возможно злоупотребление непосредственно субъективным вещным правом: если ответчик по негативному иску злоупотреблял своим вещным правом, то его возражения против негативного иска могут быть не приняты. При этом в случае виндикационного иска такая тенденция не наблюдается.²⁴⁰

6. Следование последствий «злоупотребления» за вещным правом

Вещные права, в отличие от обязательственных прав, подразумевают особый гражданско-правовой режим, характеризующийся юридической прочностью *господства над вещью*.²⁴¹ Юридическая прочность заключается в том, что вещное право обременяет непосредственно вещь, в связи с чем не зависит от перемены собственника. В этой связи новый собственник не может в одностороннем порядке прекратить такое право и вынужден мириться с установленными обременениями в отношении вещи. В свою очередь, обязательственное право означает господство над поведением обязанного лица, а не его вещью. В этом случае новый собственник вещи, не являвшийся обязанным лицом в старом обязательстве, вправе прекратить обязательство.

С точки зрения принципа запрета злоупотребления правом возникает интересный вопрос: следуют ли последствия злоупотребления правом, совершенные прошлым обладателем вещного права (собственником), за «вещным правом» в случае перехода такого вещного права к иному лицу?

Так, если собственник нарушил интересы своего соседа, но впоследствии передал право собственности на земельный участок новому собственнику, то

²⁴⁰ См. подробнее о правовых последствиях злоупотребления правом в §2.3 настоящего исследования.

²⁴¹ Суханов Е.А. Указ соч. С. 32.

может ли новый собственник, который непосредственно не злоупотреблял правом, отвечать перед соседом за последствия злоупотребления правом, совершенным предшествующим собственником? И наоборот, если сменился собственник «пострадавшего» от злоупотребления правом участка, то может ли новый собственник такого участка сохранить возражения против лица, злоупотребившего своим правом?

В литературе и судебной практике такие вопросы пока еще не поднимаются в контексте принципа запрета злоупотребления правом. Существует вероятность, что, ссылаясь на статью 129 ГК РФ, суды будут рассматривать нового собственника как универсального правопреемника прав и обязанностей прошлого собственника и применять к новому собственнику последствия (меры) за злоупотребительные действия, которые причитались прошлому собственнику.²⁴² Иными словами, отсутствуют основания полагать, что последствия злоупотреблений вещным правом будут следовать за судьбой вещи.

Полагаем, ответ на эти вопросы может лежать в следующей плоскости: если после смены собственника злоупотребление продолжается, то такая смена собственника должна игнорироваться порядком и защищать пострадавшее лицо от злоупотребления. При этом, если злоупотребление прекращается непосредственно в связи со сменой собственника, то негативные последствия от злоупотребления предшествующего лица не должны затрагивать правовую сферу нового собственника. Все последствия злоупотребления правом в таком случае должны оставаться в сфере взаимоотношений тех лиц, которые были собственниками участков на момент совершения злоупотребительных действий.

С учетом вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1) Злоупотребление правом в вещных правоотношениях следует понимать как поведение (в виде действия или бездействия) собственника вещи либо лица, обладающего ограниченным вещным правом, осуществляемое формами

---

²⁴² Например, такая логика была использована в одном из споров в отношении прав на землю: Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 17.03.2022 N 33-9677/2022 (УИД 23RS0037-01-2021-002049-32) // СПС «КонсультантПлюс».

и способами, направленными на причинение вреда другому лицу либо на создание для него иных неблагоприятных последствий, формально осуществляемое в пределах (границах) установленного законом содержания вещного права.

2) Выявление факта злоупотребления вещным правом происходит на стадии его реализации, когда абстрактные правовые нормы воплощаются в конкретные правоотношения с участием потерпевшей стороны. Состав такого злоупотребления, рассматриваемого как фиктивного, включает следующие элементы: противоправное поведение (действие или бездействие), противоречащее установленному запрету на злоупотребление вещными правами; наличие субъективной стороны в форме умысла причинить вред или создать препятствия для реализации законных интересов других участников правоотношений; а также наличие причинно-следственной связи между противоправным поведением и наступившими негативными последствиями. Такая конструкция подчеркивает, что квалификация поведения как злоупотребления правом возможна лишь при переходе от абстрактной возможности к конкретному осуществлению правомочий, когда реализация субъективного права выходит за рамки его социального назначения и причиняет ущерб охраняемым законом интересам других лиц.

3) Установлена взаимосвязь между признанием действия (бездействия) обладателя вещного права злоупотреблением правом и специфической структурой субъективного вещного права, включающей ядро и периферию. Ядро – это законодательно закреплённый элемент вещного права, в котором чётко определены содержание и границы реализации вещных правомочий. В отличие от ядра, периферия субъективного вещного права представляет собой область правовой неопределённости за пределами ядра, где отсутствует прямое нормативное регулирование.

Ядро вещного права, в отличие от других видов субъективных прав, отличается принципом закрытого перечня его содержания. Нарушение норм, установленных в рамках ядра, является прямым нарушением закона (классическое правонарушение). В то же время периферия служит механизмом гибкого

регулирования, позволяющим адаптировать применение вещных прав к нестандартным ситуациям, когда действия субъекта выходят за рамки дозволенного и нарушают законодательный запрет на злоупотребление правом (правонарушение особого типа / фиктивное правонарушение).

4) В результате проведенного исследования можно сформулировать две концептуальные модели выхода за пределы осуществления вещных прав, различающиеся по субъектному составу и правовому режиму. Первая модель охватывает абсолютные правоотношения, где потенциально потерпевшим может выступать любое третье лицо.

Вторая модель касается субъективно-относительных правоотношений, возникающих в особых правовых ситуациях – между собственниками, супругами, сонаследниками, соседями, а также между субъектами ограниченных вещных прав и собственниками. Ключевым аспектом второй модели является необходимость оценки добросовестности поведения не только нарушителя, но и потерпевшей стороны. При установлении неосмотрительного поведения потерпевшего в субъективно-относительных отношениях, когда последний знал или должен был знать о возможных злоупотребительных действиях и имел реальную возможность их предотвратить, но не предпринял необходимых мер (принцип взаимной недобросовестности), такое неосмотрительное поведение следует рассматривать в качестве злоупотребления, являющегося основанием отказа в защите права потерпевшей стороны.

5) В отличие от вещного права, ядро обязательственного права, возникающего из договора, может быть изменено по соглашению сторон. Соответственно, периферия такого субъективного права также подлежит корректировке – она может быть расширена или сужена по сравнению с изначальными законодательными рамками. Отсюда следует, что злоупотребление вещным правом возникает при выходе за пределы законодательно установленного ядра, тогда как в договорном праве злоупотребление возможно при нарушении не только законных, но и договорных границ. Возможно применение диспозитивно-

императивного метода в регулировании относительных вещных правоотношений, что допускает заключение соглашений между участниками. Такие соглашения способны изменять содержание ядра вещного права, разрешать выход за пределы обычного осуществления прав (например, за плату), устанавливать допустимые ограничения (как в соседских соглашениях, договорах между соседственниками, супругами и т.д.). Подобные условия следует определять как обременения вещного права.

2.2. Формы злоупотребления правом в вещных правоотношениях

В настоящем исследовании под «формами» понимаются абстрактные модели проявления случаев злоупотребления правом, выработанные в цивилистической теории и легализованные в статье 10 ГК РФ. В свою очередь, под «видами» понимаются частные (конкретные) случаи злоупотреблений, выявленные на практике в рамках отдельных форм и классифицированные по отдельным критериям. То есть «формы» и «виды» злоупотребления правом соотносятся как «общее» и «частное»²⁴³. В практической плоскости суды часто смешивают понятие «вид» и «форма» применительно к принципу запрета злоупотребления правом²⁴⁴. Кроме того, не проводят различия между понятиями «вид» и «форма» и исследователи.²⁴⁵

В современном российского-правовом дискурсе принято выделять и рассматривать в качестве основных форм злоупотребления правом те формы, которые прямо легализованы в статье 10 ГК РФ²⁴⁶. В основе этого подхода лежит буквальное прочтение нормы кодекса и анализ предложенного законодателем форм. Кроме того, законодательные подходы к формам и видам злоупотребления права исходят из теоретических концепций С.С. Алексеева, который указывал на то, что выделение форм реализации прав и обязанностей является принципиально важным, поскольку оно выражает осуществление различных специально-юридических функций права, а также предполагает взаимосвязь с разными социально-политическими институтами²⁴⁷. Действительно, на основе анализа основных форм реализации прав и обязанностей (соблюдение, исполнение, использование и правоприменение) С.С. Алексеев пришел к идее относительно их общего характера по сравнению с их конкретными проявлениями в

²⁴³ Сенин И.Н. К вопросу о соотношении категорий «вид» и «форма» в теории государства и права // Право и государство: теория и практика. 2021. №8 (200). С. 38-40;

²⁴⁴ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.06.2019 N Ф06-48135/2019 по делу N A12-24959/2018; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.12.2016 N Ф05-17577/2016 по делу N A40-32066/13 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁵ См., например: Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: монография / О.А. Поротикова. – 3-е изд., доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018.

²⁴⁶ Поротикова О.А. Указ. соч. С. 130; Смирнова Я.А. Указ. соч. С. 59.

²⁴⁷ Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права. М.: Статут, 2010. С. 159.

правоотношениях, то есть того, что мы именуем «видами реализации прав и обязанностей».

Несмотря на то, что С.С. Алексеев как видный теоретик и цивилист не выделял формы и виды, в том числе злоупотребления правом, отметим, что его концепция форм реализации прав и обязанностей имеет прямое отражение в отношении форм осуществления права. Так, в частности, В.П. Грибанов адаптировал теоретическую конструкцию С.С. Алексеева применительно к злоупотреблению правом: «О злоупотреблении правом речь может идти лишь в случае, когда управомоченный субъект, действуя в границах принадлежащего ему субъективного права, в рамках тех возможностей, которые составляют содержание данного права, использует такие формы его реализации, которые выходят за установленные законом пределы осуществления права»²⁴⁸. При этом в его концепции осуществления и защиты гражданских прав не было места видам злоупотребления прав, вероятно, в силу того обстоятельства, что он избегал объединения множества фактических проявлений злоупотребления правом (видов злоупотребления правом).

Аналогичный подход можно наблюдать у А.Г. Карапетова, который исходит из существования на самом общем уровне двух основных форм злоупотребления: (i) шиканы и (ii) иные формы злоупотребления правом, к числу которых относятся, но не ограничиваются ими, обход закона, эстоппель и иные²⁴⁹. В отношении остальных видов злоупотребления правом, в том числе в контексте вещных правоотношений, он указывает на то, что многообразие их проявлений в правоотношениях можно наблюдать в колоссальной судебной практике, не поддающейся систематизации в конкретный перечень видов злоупотребления правом²⁵⁰. В этой связи он ограничивается указанием лишь основных форм злоупотребления правом, которые также являются применимыми к сфере вещных правоотношений.

---

²⁴⁸ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 48.

²⁴⁹ Карапетов А.Г. Указ. соч. С. 714.

²⁵⁰ Карапетов А.Г. Указ. соч. С. 713.

В современной литературе, посвященной отраслевой специфике форм и видов злоупотреблений правом, отмечается, что разграничение форм и видов злоупотреблений правом сводится к тому, что формы права представляют собой общие формы недобросовестной и (или) неправомерной реализации прав и обязанностей, а виды – конкретные проявления такого недобросовестного и (или) неправомерного поведения. Некоторые ученые приходят к мнению о том, что формы злоупотребления правом представляют собой общие проявления недобросовестного и (или) неправомерного поведения лиц, а виды злоупотребления правом – конкретные, объединенные общими характерными признаками, группы злоупотреблений²⁵¹. Поэтому необходимо исходить из существования форм злоупотребления правом, под которыми понимаются наиболее общие способы осуществления права недобросовестным и (или) неправомерным способом, а также виды злоупотребления правом, под которыми понимается неограниченный перечень фактических проявлений недобросовестного поведения, который крайне затруднительно привести к единому перечню в связи с абстрактным характером субъективных прав, лежащих в основе такого злоупотребления.

Несомненно, возможно определение иных форм, используя альтернативные критерии²⁵², однако в настоящей работе мы будем следовать логике законодателя, актуальным научным работам и правоприменительной практике.

Ориентируясь на логику законодателя и современных отечественных исследователей, возможно выделение следующих форм злоупотребления правом:

²⁵¹ См.: Пономарева Н.В. Формы злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях // *Философия. Права*. 2024. № 3 (110). С. 84-89. Аналогичная логика встречается в следующих работах: Гурьева К.И. Злоупотребление правом субъектами отношений несостоятельности (банкротства): монография. М.: Юстицинформ, 2023; Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. М.: Инфотропик Медиа, 2022.

²⁵² Например, А.А. Малиновский в своей монографии выделяет правомерное злоупотребление правом и противоправное злоупотребление правом (альтернативный критерий – противоправность), что не является убедительным, поскольку «правомерные злоупотребления» в таком случае будут за рамками правового поля, они будут находиться в поле морали и нравственности, что не несет в себе ни научной, ни практической ценности. См.: Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование) / А.А. Малиновский. – М.: Юрлитинформ, 2007. С. 252-301.

- (а) осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу («**шикана**»);
- (б) действия в обход закона с противоправной целью («**обход закона**»); и
- (с) иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав («**недобросовестное поведение**»).

В абзаце 2 пункта 1 статьи 10 ГК РФ также закреплен запрет на использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции и злоупотребление доминирующим положением на рынке. С догматической точки зрения такая форма подлежит включению в общий перечень форм злоупотребления правом, однако мы намеренно оставляем ее за периметром настоящего исследования, поскольку (i) она относится исключительно к вопросам конкурентного (антимонопольного) законодательства, (ii) носит в большей степени публично-, а не частноправовой характер, и, наконец (iii) в любом случае поглощается содержанием общей формулы о любом ином недобросовестном поведении²⁵³. Вероятно, подобное обособление связано с намерением акцентировать внимание на важности развития конкурентных (антимонопольных) отношений в рыночной экономике, но не с глубокой теоретическо-цивилистической логикой²⁵⁴.

Схожим образом, но с иными акцентами, к вопросу форм злоупотребления правом подходит отечественный правоприменитель. В одном из споров арбитражный суд нетипичным образом подошел к разрешению спора, уделив значительное внимание теоретическим вопросам анализируемого вопроса. Разъясняя положения статьи 10 ГК РФ, суд называет запрет злоупотребления правом общим ограничителем усмотрения субъектов гражданских прав при

---

²⁵³ Егорова М.А. Злоупотребление доминирующим положением как частный случай злоупотребления правом // *Lex Russica*. 2018. №. 4 (137). С. 70–80.

²⁵⁴ Поротикова О.А. Указ. соч. С. 130-131; Садиков О.Н. Злоупотребление правом в Гражданском кодексе России // *Хозяйство и право*. 2002. N 2. С. 43-44.

осуществлении ими своих прав, что созвучно с основными идеями В.П. Грибанова²⁵⁵, и выделяет следующие формы злоупотребления:²⁵⁶

(а) злоупотребление правом с прямым умыслом нанести вред интересам других лиц; и

(б) злоупотребление правом, хотя и не имеющее такой цели, но объективно причиняющее вред другим лицам.²⁵⁷

1. Шикана

Шикана, как правовая категория, представляет собой осуществление своих прав с целью причинения вреда другим лицам²⁵⁸. Исторически эта форма злоупотребления была запрещена в первую очередь ввиду значительной степени общественной опасности. Субъективное право направлено на удовлетворение потребностей управомоченного лица и принесение ему пользы²⁵⁹.

Шикана представляет серьёзную угрозу для общества, поэтому юристы обычно не отрицают необходимость законодательного контроля за такими действиями. К примеру, известные отечественные цивилисты-оппоненты концепции злоупотребления правом – И.А. Покровский²⁶⁰ и М.М. Агарков²⁶¹ в – признавали необходимость запрещения шиканы²⁶².

В статье 10 ГК РФ приводится содержание феномена, при этом сам термин «шикана»²⁶³ не используется, оставаясь предметом цивилистической теории.

²⁵⁵ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 34-35.

²⁵⁶ Также в решении в качестве отдельных форм называются злоупотребление доминирующим положением на рынке и ограничение конкуренции и недобросовестная конкуренция и реклама, однако эти формы не представляют ни теоретического, ни практического интереса для настоящего исследования.

²⁵⁷ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.06.2019 N Ф06-48135/2019 по делу N A12-24959/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁸ Хвостов В.М. Система римского права: Учебник. М., 1996. С. 85; Годэме Е. Указ. соч. С. 327; Доманжо В. Указ. соч. С. 446; Грибанов В.П. Указ. соч. С. 74-75; Анненков К. Указ. соч. С. 419; Покровский И.А. Указ. соч. С. 92; Гуссаковский П.Н. Указ. соч. С. 37-38; Яценко Т.С. Указ. соч. С. 19-23.

²⁵⁹ Яценко Т.С. Указ. соч. С. 19-23.

²⁶⁰ Покровский И.А. Указ. соч. С. 118.

²⁶¹ Агарков М.М. Указ. соч. С. 430.

²⁶² При этом французский цивилист М. Планиоль считал, что жизнь представляет собой борьбу людей друг с другом, поэтому нет ничего удивительного в том, что один субъект причиняет вред другому. По его мнению, люди вправе вредить конкурентам, ссылаясь на законы природы. См.: Planiol M. Op. cit.

²⁶³ Термин «шикана» был заимствован российской дореволюционной цивилистикой из немецкой теории XIX в. См.: Доманжо В. Указ. соч. С. 5.

Аналогичный подход можно увидеть в Германии: в немецком праве шикана регулируется § 226 ГГУ, где цель причинения вреда указывается в качестве критерия такого поведения.

При этом весьма часто понятие «шикана» используется в российской правоприменительной практике²⁶⁴. Суды, следуя отечественной теории частного права, понимают шикану как действие, совершаемое исключительно с намерением причинить вред другому лицу, не преследуя при этом собственного имущественного интереса²⁶⁵. Также отмечается, что шикана является формой злоупотребления правом с прямым умыслом нанести вред другому лицу (то есть целью использования права является намерение нанести вред). Классическим примером шиканы, как пишет суд, можно считать возведение забора с единственной целью создания препятствия для прохода соседа к его участку: хотя такое действие не является прямым нарушением позитивного права, с точки зрения комментируемой нормы, намерение причинить вред другому лицу является предосудительным²⁶⁶. Заведомо умышленное причинение вреда является квалифицирующим признаком шиканы, то есть для применения понятия «шиканы» необходимо, чтобы именно причинение вреда потерпевшему являлось целью деятельности виновной стороны²⁶⁷. Интересно, что при анализе вопросов шиканы, особенно в дореволюционных источниках, преимущественно приводятся примеры из сферы вещного права.²⁶⁸

В рамках исследования шиканы возникает острая дискуссия относительно возможности квалификации действий, которые, помимо желания причинить вред,

²⁶⁴ Определение Верховного Суда РФ от 07.10.2016 N 305-ЭС15-6514 по делу N A40-88735/2014; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.04.2024 N Ф05-935/2024 по делу N A40-46373/2023; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01.04.2024 N Ф02-1160/2024 по делу N A19-8354/2023; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.02.2024 N Ф06-11767/2023 по делу N A12-23088/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.04.2024 N Ф05-935/2024 по делу N A40-46373/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.06.2019 N Ф06-48135/2019 по делу N A12-24959/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁷ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.03.2018 N Ф01-169/2018 по делу N A79-2240/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶⁸ Анненков К. Указ. соч. С. 419; Покровский И.А. Указ. соч. С. 92; Гуссаковский П.Н. Указ. соч. С. 37-38

преследуют иные цели. В § 226 ГГУ и в статье 10 ГК РФ чётко и недвусмысленно говорится о том, что цель причинения вреда является исключительной.

Однако, несмотря на положения закона, в немецкой правовой системе XX в. сформировалась альтернативная позиция по этому вопросу. В рамках квалификации действий участников оборота как шиканы немецкие юристы стали принимать во внимание не только намерение причинить вред, но и другие цели, которые могут быть противоречивыми или безнравственными²⁶⁹. Так, в одном из споров в отношении вопросов недвижимости, немецкий суд постановил, что осуществление субъективного права ответчиком есть шикана, потому что выбранный им способ осуществления права едва ли может свидетельствовать об ощутимой выгоде для управомоченного лица²⁷⁰. Иными словами, суды применили расширительное толкование, сделав концепцию шиканы более эластичной.

В российской юридической науке, подобно германской правовой традиции, также нет единого подхода к пониманию цели правового поведения, которое можно квалифицировать как шикану.

Большая часть цивилистов, в отличие от законодательного определения шиканы, прямо закреплённого в законе, допускают возможность рассматривать как шикану поведение, которое характеризуется сочетанием цели причинения вреда с другими целями. В частности, сторонником такого расширительного толкования является Т.С. Яценко, по мнению которой, в качестве шиканы следует квалифицировать такие действия, при которых преследуется как цель причинения вреда, так и иные цели, в условиях, когда вредоносная цель носит не только основной, но и вспомогательный характер, является лишь средством достижения прочих целей²⁷¹. Аналогичный подход высказывается и в более свежих работах²⁷².

---

²⁶⁹ Двалишвили Л.З. Установление факта шиканы в праве России и Германии // Юрист. 2023. N 6. С. 44 - 48.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Яценко Т.С. Указ. соч. С. 101.

²⁷² Елисеев Н.Г. Добросовестность и разумность в правовом регулировании // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. N 9. С. 10; Губарь А.С. Шикана как особая форма злоупотребления гражданским правом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. N 4(18). С. 68.

Полагаем, что расширительное толкование концепции шиканы требуется в тех случаях, когда в позитивном праве отсутствуют так называемые положения «перехвата» (*catch all* положения), посредством которых можно было бы «перехватывать» ситуации, строго не подпадающие под какое-либо условие, но близкое к нему по значению. Такой подход видится логичным в немецком праве, поскольку в немецком праве отсутствует генеральная идея о запрете злоупотребления правом. В свою очередь, в российском законодательстве существует более общая формула об «ином заведомо недобросовестном поведении», в сферу действия которого могут попадать все иные случаи недобросовестного поведения, которые не отвечают напрямую четко закрепленному критерию намерению (цели) причинения вреда. Иной подход в современном российском праве представляется излишним: расширительное толкование шиканы будет распылять ее ядро в виде четкой цели и смешивать с более генеральной идеей о недобросовестном поведении.

При этом в практике наблюдается следующая тенденция: если у судов достаточно оснований полагать, что действия совершались исключительно с намерением причинения вреда, то они ограничиваются констатацией злоупотребления правом в форме шиканы (например, продажа земельного участка по цене, значительно ниже рыночной, что без труда подтверждается цифрами²⁷³; использование лицом приобретенного под разбор здания в качестве недвижимого имущества (без несения бремени собственника) и одновременное использование им земельного участка (в отсутствие на то законных оснований и без внесения платы), на котором расположено здание²⁷⁴; требование о выплате личного (фиксированного) ежегодного дохода в крестьянско-фермерском хозяйстве после заключения договора-купли продажи доли в праве долевой собственности на

---

²⁷³ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.03.2022 N 88-6868/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷⁴ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 06.09.2019 N Ф10-1461/2017 по делу N А54-4520/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

земельной участок²⁷⁵; попытка установления сервитута на часть земельного участка с целью создания препятствий и безопасности для собственника участка в осуществлении его экономической деятельности;²⁷⁶ и иные).

В тех случаях, когда вопрос оценки и анализа является более витиеватым и многослойным, суды перечисляют все формы злоупотребления одновременно, воспроизводя или прямо цитируя положения статьи 10 ГК РФ, и приходят к аналогичному результату – констатации факту злоупотребления правом и отказу в защите того или иного права (с применением иных последствий, если необходимо)²⁷⁷.

Также встречаются решения, где злоупотребление правом понимается исключительно как шикана, в экстремально строгом и буквальном ее прочтении²⁷⁸. Так, в одном из дел в отношении спора об установлении сервитута арбитражный суд постановил, что, в соответствии с положениями ГК РФ, для признания действий лица злоупотреблением правом, необходимо установить, что его целью было причинение вреда другому лицу (и при этом не было иных добросовестных целей). Более того, злоупотребление правом должно быть очевидным, и вывод о нём не должен основываться на предположениях²⁷⁹. То есть в понимании суда наличие иной (видимо, хотя бы одной) добросовестной цели может блокировать констатацию факта злоупотребления вещным правом²⁸⁰.

²⁷⁵ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.10.2023 N Ф08-8596/2023 по делу N А32-21555/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷⁶ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.02.2023 N Ф01-3517/2022 по делу N А29-1976/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷⁷ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.08.2022 N Ф06-21065/2022 по делу N А65-11883/2021; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.01.2022 N Ф01-7270/2021 по делу N А43-24802/2019; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 06.09.2019 N Ф10-1461/2017 по делу N А54-4520/2016; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.10.2018 N Ф04-3875/2018 по делу N А70-9526/2017; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.04.2018 N Ф09-1015/18 по делу N А60-36193/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷⁸ Например, см: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 23.07.2021 N 07АП-6655/2021 по делу N А67-1086/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷⁹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.04.2021 N Ф10-1562/2020 по делу N А14-1806/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁰ Аналогичная позиция, см: Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 26.07.2023 N 02АП-4334/2023 по делу N А31-4378/2022; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.07.2024 N Ф09-3329/24 по делу N А50-19494/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, мы видим, что вопрос шиканы в вещных правоотношениях является актуальным и широко распространенным на практике. Шиканы в вещном праве представляют собой злоупотребление правом, когда собственник или обладатель иного вещного права использует свои правомочия не для реализации законных интересов, а с целью намеренного причинения вреда другим лицам. Применение норм о шикане позволяет судам ограничивать произвол собственников или иных обладателей вещных прав, балансируя между принципом свободы распоряжения имуществом и необходимостью предотвращения злоупотреблений. Институт шиканы служит важным инструментом обеспечения справедливости и разумности в вещных правоотношениях.

2. Обход закона

В 2013 г. статья 10 ГК РФ была дополнена новой формой запрета злоупотребления правом – обход закона²⁸¹. Термин «обхода закона» впервые был использован в отечественном законодательстве со времен ГК РСФСР 1922 г., при этом ГК РСФСР 1922 г. закреплял положение о недействительности сделок, совершаемых в обход закона, но не обход закона в качестве формы злоупотребления правом. Также следует отметить, что понятие «обход закона» (или его аналоги) встречаются в законодательстве и (или) правоприменительной практике иных развитых стран (Испания, Италия, Франция, Швейцария, Австрия, а также схожие явления *circumvention* и *evasion* в странах общего права²⁸²)²⁸³.

Несмотря на прямое закрепление в статье 10 ГК РФ, остается дискуссионным вопрос, является ли «обход закона» формой злоупотребления правом (проявлением принципа добросовестности) не с формальной точки зрения, а с точки зрения существа этого феномена. Существуют различные теоретические позиции в

²⁸¹ Федеральный закон от 30.12.2012 N 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸² См. работы по сравнительному аспекту, с акцентом на общее право, по вопросу обхода закона: Katz L., Sandroni A. Circumvention of Law and the Hidden Logic behind It // The Journal of Legal Studies, Vol. 52, No 1, 2023; Tetley W, Q.C. Evasion / Fraude a la loi and Avoidance of the Law // McGill Law Journal, Vol. 39. 1994. P. 304-318.

²⁸³ Иноземцева А.В. Проблема самостоятельного значения института обхода закона // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. N 3. С. 8 (номер страницы приводится по СПС «КонсультантПлюс»).

отношении анализируемого феномена: 1) разновидность притворных сделок²⁸⁴; 2) правонарушение²⁸⁵; 3) самостоятельный феномен²⁸⁶; 4) поведение в нарушение принципа доброй совести, т.е. как одна из разновидностей (форм) злоупотребления правом (см. ниже); и 5) порядок толкования правовых норм, т.е. правоприменительный механизм²⁸⁷.

Анализ зарубежного опыта, в первую очередь Германии, показывает, что немецкое право преимущественно не связывает понятие обхода закона с запретом злоупотребления правом (принципом добросовестности)²⁸⁸. Так, М. Бенеке проводит сравнение между институтами злоупотребления правом и обхода закона. Он подчёркивает, что эти институты обычно применяются в разных ситуациях. При этом действия, которые совершаются в обход закона, не являются формой злоупотребления правом, хотя иногда могут быть на грани между этими двумя понятиями. Также бывают случаи, когда действие одновременно содержит признаки как обхода закона, так и злоупотребления правом²⁸⁹. Схожая позиция свойственна и иным исследователям в Германии²⁹⁰.

В целом, немецкая доктрина исходит из того, что обход закона не является основанием для признания юридического действия ничтожным и не представляет

²⁸⁴ Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях // Избранные произведения по гражданскому праву. М.: ЦентрЮрИнфоР, 2003. С. 146; Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895. С. 73.

²⁸⁵ Правонарушение, совершаемое посредством совершения сделок: Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М.: Зерцало, 2003. С. 746; Ташкер И.Г. Некоторые вопросы недействительности противозаконных сделок // Сов. государство и право. 1958. N 8. С. 114. Также отдельно высказывается более широкая точка зрения, что это правонарушение в целом, не обязательно оно должно быть связано со сделками: Иоффе О.С. Советское гражданское право. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 226; Вавин Н.Г. Ничтожные сделки (ст. 30 ГК РСФСР и УССР и последствия ее нарушения). М., 1926. С. 9 – 10; Рясенцев В.А. Лекции на тему "Сделки по советскому гражданскому праву" (1-я и 2-я): Для студентов ВЮЗИ. М., 1951. С. 24.

²⁸⁶ Новицкий И.Б. Курс советского гражданского права. Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 87; Перетерский И.С. Гражданский кодекс РСФСР: Научный комментарий. Вып. V: Сделки, договоры. М., 1929. С. 18.

²⁸⁷ Более подробно палитра взглядов на природу феномена «обход закона» можно посмотреть в исследовании А.В. Волкова, где приводится более детальный анализ имеющихся точек зрения как в отечественной, так и в зарубежной цивилистике. См.: Волков А.В. Понятие «обход закона» в доктрине и практике гражданского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. N 1. С. 67 – 81 (номера страниц приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

²⁸⁸ Комментарии по поводу предложения ввести данное понятие в ст. 10 ГК РФ (заключение Института зарубежного и международного частного права им. Макса Планка (Гамбург)) // Вестник гражданского права. 2011. N 2. Т. 11. С. 271 (номер страницы приводится по СПС «КонсультантПлюс»).

²⁸⁹ Benecke M. Gesetzesumgehung im Zivilrecht. Tübingen, 2004. S. 49.

²⁹⁰ Kurzynsky-Singer E. Das Verbot der Gesetzesumgehung im deutschen Recht als ein potentiell legal transplant / E. Kurzynsky-Singer // Max Planck Private Law Research Paper, No. 14/9. 2014. S. 91–92.

собой самостоятельный правовой институт, это вопрос применения права, связанный с действием правовой нормы и реализацией её регулятивного содержания. В случае, если телеологическое толкование не решает проблему, пробел в законе может быть заполнен с помощью института аналогии права²⁹¹.

В свою очередь, большинство современных отечественных исследователей по теме обхода закона придерживаются позиции, что обход закона неразрывно связан с принципом добросовестности (принципом запрета злоупотребления правом), как это можно прямо прочесть в статье 10 ГК РФ. В частности, встречаются следующие подходы к этому вопросу: «недобросовестное действие»²⁹², «добросовестность – онтологическое свойство обхода закона»²⁹³, «обход закона – проявление корректирующей функции добросовестности»²⁹⁴, «одна из сложнейших форм злоупотребления правом»²⁹⁵.

В одном из наиболее актуальных и комплексных исследований в отношении обхода закона, О.Е. Захарова отмечает, что обход закона является формой злоупотребления правом, представляющим формально-правомерное, но по существу своему недобросовестное поведение лица, при осуществлении которого преследуются противные закону цели²⁹⁶. Полагаем, иное понимание было бы сомнительным (как минимум с практической точки зрения), учитывая прямую легализацию такой формулы в статье 10 ГК РФ.

Аналогичное мнение можно встретить и в зарубежном праве (хотя, как быше сказано ранее, это не господствующая точка зрения на континенте): например, Ю. Базедов, известный немецкий цивилист, считает, что обход закона необходимо воспринимать в качестве индивидуального проявления принципа запрета

²⁹¹ Teichmann A. Die "Gesetzesumgehung" im Spiegel der Rechtsprechung // JuristenZeitung. 2003. Vol. 58. No. 15/16. S. 765; Волков А.В. Указ. соч. С. 13 (номер страницы приводится по СПС «КонсультантПлюс»).

²⁹² Хвостов В.М. Система римского права: Учебник. М.: Спарк, 1996. С. 154.

²⁹³ В исследовании О.Е. Захаровой первый параграф так и называется «добросовестность как онтологическое основание явления обход закона». См.: Захарова О.Е. Обход закона как форма злоупотребления правом по российскому и германскому гражданскому законодательству: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С. 16-35.

²⁹⁴ Иноземцева. Указ. соч. С. 47 (номер страницы приводится по СПС «КонсультантПлюс»).

²⁹⁵ Волков А.В. Указ. соч. С. 13 (номер страницы приводится по СПС «КонсультантПлюс»).

²⁹⁶ Захарова О.Е. Указ. соч. С. 9.

злоупотребления субъективным правом, подлежащий прямому запрету²⁹⁷. Также можно увидеть опыт Испании, которая на уровне гражданского законодательства легализовала постулат, что действия, предпринятые на основе буквального значения нормы и нацеленные на результат, запрещенный законом или противоречащий ему, считаются совершенными в обход закона и не мешают надлежащему применению (исполнению) нормы, на обход которой они были направлены²⁹⁸.

Если точка зрения о том, что обход закона является формой злоупотребления, то в чем особенности этой формы в сравнении с иными? Например, А.В. Волков полагает, обход закона, в отличие от иных форм злоупотребления, представляет собой высшую форму злоупотребления правом, которая связана с недобросовестным использованием лицом понятийно-системных средств гражданского права (формальных элементов права) для достижения запрещённого результата²⁹⁹. На наш взгляд, из этого определения не очевидна специфика обхода закона. Разделение различных форм злоупотребления, которые сами по себе являются оценочными, на основании не менее оценочного критерия – большая / меньшая форма эксплуатации формальных элементов права – это игра слов (терминологическая эквилибристика).

Учитывая, что при констатации злоупотребления в форме обхода закона нет специальных последствий (основное последствие, как и в иных формах злоупотребления, отказ в защите права), следует предположить, что можно ограничиться положением об ином недобросовестном поведении.³⁰⁰

²⁹⁷ Особенности применения в немецком гражданском праве понятия "обход закона". Комментарии по поводу предложения ввести данное понятие в ст. 10 ГК РФ (заключение Института зарубежного и международного частного права им. Макса Планка (Гамбург)) // Вестник гражданского права. 2011. N 2. Т. 11. С. 272.

²⁹⁸ Волков А.В. Указ. соч. С. 13 (номер страницы приводится по СПС «КонсультантПлюс»).

²⁹⁹ Там же. С. 20-21 (номера страниц приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

³⁰⁰ Выделение обхода закона в отдельную форму в статье 10 ГК РФ не создает особой дополнительной ценности. Единственное, можно предположить, что в процессе правоприменения суды смелее и комфортнее ссылаются на статью 10 ГК РФ в силу феномена «обход закона», поскольку создается когнитивная иллюзорность, что понятие «обход закона» менее абстрактно, чем понятие «злоупотребление правом». В таком контексте закрепление обхода закона в качестве отдельной формы злоупотребления правом в гражданском законодательстве видится ценным.

На практике мы видим, что при констатации злоупотребления правом в сфере вещного права в форме обхода законом суды не применяют какие-либо специальные последствия и отождествляют обход закона, злоупотребление правом и недобросовестное поведение.³⁰¹ Например, в одном из решений суд констатирует, что под видом ограниченного вещного права в виде сервитута лицо пытается получить право субаренды земельного участка, находящегося в аренде у ответчика, и это является злоупотреблением в форме обхода закона³⁰². Несмотря на то, что недобросовестные действия заключаются именно в обходе одной из норм вещного права, с точки зрения последствий и логики обоснования позиции такое решение не имеет специфики. На наш взгляд, требуется закрепление за обходом закона специального правового последствия (например, применение к субъекту злоупотребления правом тех норм, в обход которых были совершены его действия, по аналогии с тем, как этот механизм работает в случае с притворными сделками³⁰³)³⁰⁴.

В рамках вещного права подобный подход предполагает применение к лицу, злоупотребляющему своим правом посредством обхода закона, именно тех норм, которые оно стремится избежать. Указанный механизм приобретает особую значимость в свете последних законодательных изменений в сфере вещных прав, а также в контексте возможных будущих преобразований, связанных с реформой вещного права. Следует отметить, что степень детализации правового регулирования вещных отношений оказывает непосредственное влияние на актуальность и частоту применения норм, направленных против обхода закона.

³⁰¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 N 308-ЭС22-27642 по делу N A32-47684/2020; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 31.05.2022 N Ф06-18405/2022 по делу N A65-18735/2021; Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 29.03.2022 по делу N 33-1255/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.08.2022 N Ф05-19375/2022 по делу N A41-66261/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰³ В соответствии с пунктом 2 статьи 170 ГК РФ к сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила.

³⁰⁴ Обращаем внимание, что в теории частного права остается открытым вопрос о том, как соотносится институт обхода закона и мнимые и притворные сделки. Например, см.: Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Сделки в обход закона. Притворные и мнимые сделки: отдельные вопросы квалификации // Арбитражные споры. 2015. № 2. Настоящее предложение, сформулированное в исследовании, исходит из разделения названных правовых феноменов (такая позиция, в частности, разделяется О.В. Захаровой: Захарова О.Е. Указ. соч. С. 11).

Чем более детально регламентированы вещно-правовые отношения, тем выше вероятность возникновения злоупотреблений, а следовательно, тем важнее становится применение механизмов противодействия подобному поведению, включая соответствующие санкции.

3. Недобросовестное поведение

Принцип добросовестности впервые появляется в континентальной традиции права: большинство гражданских кодификаций Европы включают общее положение о *bona fide* как способе установления баланса между строгим позитивным правом и справедливостью³⁰⁵. Первым европейским кодифицированным актом, закрепившим добросовестность, стал ФГК, созданный под влиянием религиозных воззрений Дома и Потье, установивших связь между доброй совестью и взаимоуважением между людьми.

В Германии широкое распространение доброй совести можно наблюдать после поражения в Первой мировой войне, когда экономика была разрушена, а на смену прежнему политическому режиму пришел новый. *Treu und Glauben*³⁰⁶, адаптируя формализм Германского гражданского уложения под реалии первой половины XX в.³⁰⁷, в первую очередь имел значение для торговых отношений. Инфляция, вызвавшая полную девальвацию немецкой валюты, привела к перераспределению средств и социальному неравенству, рост обременений – к экономическому дисбалансу³⁰⁸.

Добрая совесть обычно рассматривается как высшая норма³⁰⁹ частного права, связанная с моральными стандартами: честностью, откровенностью, лояльностью

³⁰⁵ Несмотря на многочисленные положения в кодификациях, которые содержат термин «добросовестность», легального определения он не получил, поэтому в данной работе рассматриваются доктринальные подходы. См.: Сорокина Е.А. Категория добросовестности в западной традиции права: историко-теоретический аспект. М., 2009. С. 72.

³⁰⁶ Немецкое право различает добросовестность в объективном и субъективном смысле, однако для договорного права нас интересует только объективная сторона. Субъективная (незнание о факте) свойственна вещному праву.

³⁰⁷ Ширвиндт А. М. Указ. соч. С. 210-212.

³⁰⁸ Сорокина Е.А. Указ. соч. С. 94-95.

³⁰⁹ Добросовестность также определяют в качестве главного принципа, максимы, стандарта, обязанности, источника неписаного права, общей оговорки.

(«ворота, через которые моральные ценности входят в закон»³¹⁰). Такая норма характеризуется наивысшей степенью абстрактности, применение которой на практике нуждается в конкретизации в контексте конкретного спора и конкретного правоотношения. В целях рационализации и объективации решений суда ученые определяют материальное содержание нормы о добросовестности, формируют «внутреннюю систему» добросовестности (специфические обязанности, запреты, правила), зависящие исключительно от социальных реалий конкретного правопорядка, конкретного правоотношения и элементов такого правоотношения. Так, стандартные поведения собственников в одной стране будут отличаться от стандартов поведения собственников в другой стране в силу различных экономических условий, степени уважения к частной собственности, приоритизации интересов частных собственников над обществом (государством) или, наоборот, интересов общества (государства) над интересами частного собственника.

Различают следующие способы построения внутренней системы добросовестности: романский (ученые игнорируют судебную практику и сосредотачиваются исключительно на теоретических разработках) и германский (правовая доктрина реагирует на судебные решения, система создается посредством их перегруппировки). Распределение казусов по группам (*Fallgruppen*) формирует наиболее актуальные критерии и повышает предсказуемость судебной практики, что обеспечивает его востребованность в Европе.

Однако, если функции института добросовестности совпадают с задачами судьи, имеет ли смысл определять добросовестность как особую открытую норму? Все нормы в той или иной степени открыты: норма более открыта, когда из сферы её применения исключается меньшее количество ситуаций. Законодатель сознательно формулирует их неопределенно, чтобы впоследствии осуществить конкретизацию. Особенность общей нормы добросовестности, как она развивалась

---

³¹⁰ Метафорическое определение Х. Хайнрикса. См.: Hesselink M. The Concept of Good Faith. Hague, 2010. P. 3.

во многих европейских правовых системах, заключается в том, что в отличие от других «общих положений», она не содержит правила, является полностью открытой. Добросовестность заменяет закон, может применяться в любой ситуации для установления любого юридического эффекта³¹¹. Совпадение функций доброй совести с задачами судьи привело к тому, что добросовестность стала не открытой нормой, а безграничной: в каждой системе, в которой говорится, что содержание добросовестности состоит из трех функций, добросовестность нормой не является.

Добросовестность – это не норма, а методологическое положение, маскирующее судебное правотворчество. В основу судебных решений со ссылкой на добрую совесть всегда положены новые правила («колыбель, где рождаются новые правила»³¹²), которые суд обязан ясно сформулировать³¹³.

Судьи в континентальных европейских системах чувствовали себя некомфортно с их ролью в качестве создателей права. Во-первых, существует традиционная концепция гражданского права в отношении роли судьи: задача судьи заключается в применении закона (*trias politica*). Во-вторых, добрая совесть стала удобным способом обхода укоренившейся догмы о неприкосновенности обязательств. Наконец, многие судьи полагали, что добросовестность является действительно существующей высшей нормой, которая соответствовала европейской традиции веры в естественное право.

Это мощное оружие суда для дополнения и развития права, однако любое оружие подвергает общество опасности. Судебная практика часто использует принцип не по назначению, что является основным аргументом противников добросовестности. Нельзя подвергать оборот риску полного судебного контроля над сделками на основе субъективных представлений о чести и морали, выносить

---

³¹¹ Мы приходим к тому, что разница между фразами «добросовестность требует», «справедливость требует» или «закон требует» постепенно стирается.

³¹² Hesselink M. Op. cit. P. 26

³¹³ Судьи в континентальных европейских системах чувствовали себя некомфортно с их ролью в качестве создателей права. Во-первых, существует традиционная концепция гражданского права в отношении роли судьи: задача судьи заключается в применении закона (*trias politica*). Во-вторых, добрая совесть стала удобным способом обхода укоренившейся догмы о неприкосновенности обязательства. В-третьих, многие судьи полагали, что добросовестность является действительно существующей высшей нормой, которая соответствовала европейской традиции веры в естественное право.

поверхностные и непродуманные решения, прикрываясь ссылкой на добрую совесть. Даже в академической среде сегодня отсутствие глубокого правового мышления прикрывается ссылкой на принципы гражданского права, порой только мешающие поиску ключа к разгадке. «Язва, разъедающая гражданскую жизнь», «моральное хакари» со стороны правопорядка³¹⁴.

Учитывая вышесказанное, сложно сказать, что поведение, не соответствующее принципу добросовестности (недобросовестное поведение), закрепленное статье 10 ГК РФ, корректно считать формой злоупотребления правом. Сравнительно-исторический анализ и функциональный анализ принципа добросовестности показывает, что генезис и история развития принципа добросовестности и принципа запрета злоупотребления правом схожи: по причинам возникновения, функциональному назначению и подходам к их законодательному оформлению, в связи с чем логическая манипуляция определения неизвестного через неизвестное видится сомнительной и бесперспективной. во-первых, отсутствует ясность в отношении того, в чем заключается сущность этой формы (иными словами, какой критерий выделения этой формы), и, во-вторых, «общее» не может быть формой «частного».

Как мы понимаем, указание в статье 10 ГК РФ на «иное заведомо недобросовестное поведение (злоупотребление правом)» означает отождествление этих понятий. В практической плоскости это означает, что вопрос о поиске критерия (цели) передается с уровня законодателя на уровень правоприменителя (в отличие от шиканы и обхода закона, содержащих исходные точки, на которые обязан опираться правоприменитель).

Что касается соотношения понятий «недобросовестное поведение» и «злоупотребление», в практике разрешения вещно-правовых споров отечественные суды часто ставят знак равенства между этими категориями³¹⁵. С теоретической

---

³¹⁴ Покровский И.А. Указ. соч. С. 262.

³¹⁵ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.07.2023 N Ф09-3820/23 по делу N А60-30960/2022; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 26.06.2024 N Ф10-2030/2024 по делу N А08-4767/2022; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12.04.2022 N Ф06-16085/2022 по делу N А55-10339/2021; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.05.2022 N Ф06-16575/2022 по делу N А65-28735/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

точки зрения это неверно. Запрет злоупотребления правом – более узкое понятие по отношению к принципу добросовестности. В первую очередь, с точки зрения функционального анализа принцип добросовестности выполняет большее число функций как правовой феномен, а именно – конкретизирующую, дополняющую, ограничительную и корректирующую функции³¹⁶. Принцип запрета злоупотребления правом, в свою очередь, это проявление принципа добросовестности на уровне ограничительной функции (то есть ограничивается то, каким способом уполномоченное лицо может осуществлять принадлежащее ему субъективное право)³¹⁷. Второй аргумент следует из позитивного права: статья 10 ГК РФ считает злоупотреблением только *заведомо* недобросовестное поведение, а не вообще любое поведение, не соответствующее принципу добросовестности (как генерального частнопроводного принципа, закрепленного в статье 1 ГК РФ).

С учетом вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1) В статье 10 ГК РФ закреплены феномены различного родового. Шикана и обход закона являются частными случаями проявления заведомо недобросовестного поведения, выделенными отдельно в связи с наличием характерного для них критерия. Шикана – это недобросовестное поведение, в котором зафиксировано намерение (цель) причинить вред другому лицу. В свою очередь, обход закона – это недобросовестное поведение, намерение (цель) которого – выход за пределы гипотезы нормы права. Следовательно, каждая из указанных форм имеет собственный критерий «цели»³¹⁸. Именно шикана и обход закона могут считаться формами злоупотребления правом.

2) Недобросовестность не является отдельной (третьей) формой злоупотребления и представляет собой общий предел осуществления субъективного права, механизм, переводящий вопрос поиска критерия злоупотребления и констатации факта злоупотребления на уровень правоприменителя. Если в случае шиканы и обхода закона суд будет осуществлять

³¹⁶ См. подробнее про каждую из функций принципа добросовестности: Нам К.В. Указ. соч. С. 163-191.

³¹⁷ Нам К.В. Указ. соч. С. 74-75.

³¹⁸ Понятия «намерение» и «цель» используются в настоящей работе как синонимы.

непосредственно функцию правоприменения (накладывать фактологию на норму и констатировать факт злоупотребления при наличии предложенного законодателем критерия), то при недобросовестном поведении суд осуществляет еще и функцию правотворчества (принимает решение, какой критерий будет в этом конкретном случае причиной констатации факта злоупотребления).

3) Отдельное внимание следует обратить на практику применения статьи 10 ГК РФ (как в контексте вещных правоотношений, так и в целом): суды в большинстве случаев не указывают в своих решениях, в какой именно форме лицо использовало субъективное право во зло. Суды ограничиваются ссылкой на статью 10 ГК РФ, прямо воспроизводя ее положения. В этой связи можно высказать предположение, что несмотря на сложносочиненную формулировку принципа запрета злоупотребления правом, правоприменитель использует ее как более простую и общую формулу запрета недобросовестного поведения.

2.3. Основные правовые последствия злоупотребления правом в вещных правоотношениях

2.3.1. Отказ в защите вещного права как основное (генеральное) последствие злоупотребления вещным правом

Вопрос о правовых последствиях злоупотребления правом находится в прямой зависимости от призмы, сквозь которую смотришь на правовую природу этого явления. Если воспринимать злоупотребление правом как типичное гражданское правонарушение, то основным последствием злоупотребления будет применение мер ответственности. В настоящем исследовании злоупотребление правом не рассматривается в качестве правонарушения, в связи с чем мы не можем говорить и о применении мер ответственности за факт злоупотребления правом³¹⁹.

Согласно статье 10 ГК РФ основным последствием злоупотребления субъективным правом является отказ в защите этого права. Законодатель рассматривает отказ в защите права как основное (генеральное) правовое последствие злоупотребления любым правом вне зависимости от типа правоотношения. С одной стороны, можно было бы поставить точку, поскольку основное последствие прямо следует из закона. С другой стороны, как в теории, так и на практике не существует общего консенсуса относительно существа и назначения отказа в защите права. Что понимается под «отказом в защите права» в практической плоскости?

Именно на практике понятие «отказ в защите права» наполняется конкретным смыслом, поскольку оно неразрывно связано со способами защиты, которые могут быть использованы в отношении определенного субъективного права. Фактически, этот тезис сводится к тому, что «отказ в защите права» – это

---

³¹⁹ Предметом настоящего исследования не является анализ цивилистических взглядов в отношении вопроса гражданско-правовой ответственности. Мы только обозначим, что ориентируемся на подход, в соответствии с которым гражданско-правовой ответственностью является наступление отрицательных имущественных последствий для нарушителя в виде лишения субъективных гражданских прав, возложения каких-либо гражданско-правовых обязанностей. См.: Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000. С. 476; Красавчиков О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Ученые труды Свердловского юрид. ин-та, 1971. Вып. 27. С. 16; Кофман В.И. Ответственность за нарушение обязательств // Советское гражданское право: В 2-х т. / Под ред. О.А. Красавчикова. Т. 1. С. 479 – 484; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М., 1997. С. 609.

общая правовая формула, которая приобретает конкретное содержание только при злоупотреблении конкретным видом субъективного права в конкретном типе правоотношения.

Некоторые цивилисты рассматривают отказ в защите права в качестве санкции за злоупотребление правом³²⁰, что может стать основой восприятия отказа в защите права как меры ответственности. Во избежание сомнений мы предлагаем рассматривать отказ в защите права как основное (генеральное) правовое последствие, наступающее за факт совершения злоупотребления субъективным правом, не называя анализируемый феномен ни санкцией, ни мерой ответственности.

Следует обратить внимание, что в судебной практике общепризнанной позицией является то, что цель отказа в защите права заключается в защите прав лица, пострадавшего от злоупотребления, а не в наказании субъекта (актора) злоупотребления³²¹.

По результатам анализа судебной практики можно заключить, что в контексте вещного права отказ в защите субъективных вещных прав может проявляться в следующем:

- 1) отказ в применении исковой давности³²²;
- 2) отказ в принятии вещно-правового иска; и
- 3) отказ в принятии возражений в отношении вещно-правового иска.

³²⁰ Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: избранные постановления за 2008 год с комментариями / Т.К. Андреева, И.В. Антонов, В.В. Бациев и др.; под ред. А.А. Иванова. М.: Статут, 2012. С. 45 (номер страницы приводится по СПС «КонсультантПлюс»).

³²¹ Пункт 5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 N 127; Постановление Президиума ВАС РФ от 21.05.2013 N 17388/12 по делу N A60-49183/2011; Определение Верховного Суда РФ от 09.12.2014 по делу N 305-ЭС14-3435, A40-116560/2012; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.2020 N 305-ЭС18-18763 по делу N A41-19914/2018; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.11.2024 N Ф04-4331/2024 по делу N A27-14228/2023; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.10.2024 N Ф04-4417/2024 по делу N A45-31622/2023; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 04.10.2024 N Ф10-2988/2020 по делу N A83-20072/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³²² Постановление Президиума ВАС РФ от 22.11.2011 N 17912/09 по делу N A54-5153/2008/C16; Определение Верховного Суда РФ от 27.12.2021 N 303-ЭС21-24003 по делу N A51-3634/2018; Определение Верховного Суда РФ от 24.01.2024 N 305-ЭС20-20127(20) по делу N A40-32986/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Выявленные последствия отражают специфику злоупотребления правом в вещных правоотношениях, поскольку тесно связаны с вещно-правовыми способами защиты (вещными исками).

Традиционными вещно-правовыми способами защиты вещных прав являются виндикационный иск (истребование имущества из чужого незаконного владения) и негаторный иск (требование об устранении нарушений прав управомоченное лица, не связанных с лишением владения)³²³. Вещные иски применяются в целях противодействия злоупотреблению правом и рассматриваются в качестве средства борьбы со злоупотреблением правом³²⁴.

Если лицо подает виндикационный иск и при этом злоупотребляет своим правом, то отказ в защите права будет сводиться к отказу в удовлетворении виндикационного иска. Суды вправе отказать в виндикационном иске в случае, если истец злоупотребил принадлежащим ему правом³²⁵. Важно сказать, что в этом случае речь идет не о злоупотреблении вещным правом, а злоупотреблении правом на иск, то есть процессуальным правом. Тем не менее это право на иск тесно связано с субъективным вещным правом – правом собственности. Участник оборота может злоупотребить правом на предъявление виндикационного иска именно потому, что является собственником.

При этом в судебной практике не обнаружены случаи, в которых бы суд отказывал в виндикационном иске на том основании, что собственник злоупотреблял своим вещным правом. Мы полагаем, что отсутствие таких споров вполне объяснимо: если бы суды отказывали в защите собственнику на том основании, что он ненадлежащим образом использовал свое имущество, это было бы прямой санкцией, установленной правопорядком в отношении управомоченного лица.

---

³²³ Ученые выделяют и иные вещно-правовые иски, однако их выделение не является однозначным. См.: Сеницын С.А. Указ. соч. С. 91; Подшивалов Т.П. Указ. соч. С. 85 – 118; Подшивалов Т.П. Указ. соч. С. 69-79.

³²⁴ Подшивалов Т.П. Указ. соч. С. 119, 131.

³²⁵ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2024 N 15АП-1114/2024 по делу N А32-16802/2023; Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.09.2024 N Ф08-5782/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

С долей условности можно сказать, что отказ в удовлетворении виндикационного иска в такой ситуации выступал бы мерой конфискации имущества, то есть собственник, у которого имущество было из владения, не имел бы возможность вернуть выбывшее имущество в свою правовую сферу. Во-первых, это вопрос не частного права, а публичного. Во-вторых, подобная мера могла бы оказать негативное влияние на гражданский оборот и прочность института собственности как базового института частного права. Так, в одном из дел еще ВАС РФ постановил, что, констатируя право собственника, в защиту которого был подан иск о виндикации, и отказа в его удовлетворении со ссылкой на злоупотребление правом, нижестоящие суды не учли, что они тем самым не просто отказали истцу в защите его субъективного права, а, фактически, лишили собственника его вещных правомочий (владения и пользования объектом), признав за обществом неограниченное по времени право владения и пользования чужим объектом в отсутствие какого-либо основания для такого владения и пользования.³²⁶

В свою очередь, при предъявлении негаторного иска особое значение имеет именно злоупотребление вещным правом. Если третье лицо предъявляет требование к собственнику, который злоупотребляет своим правом собственности, то субъект злоупотребления не сможет заявить свои возражения против истца. Также следует учитывать, что в контексте негаторного иска в практике нередко встает вопрос об отказе в удовлетворении негаторного иска в связи с тем, что истец злоупотребляет своим правом. Если лицо требует соседа демонтировать какой-то объект, хотя он был заранее осведомлен о таком объекте при приобретении земельного участка / предоставил заранее согласие на строительства сооружений на соседнем земельном участке³²⁷. Однако в указанных случаях речь идет о

³²⁶ Постановление Президиума ВАС РФ от 24.12.2013 N 12505/13 по делу N A71-572/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

³²⁷ Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 19 марта 2009 г. по делу N A43-10107/2008-21-303; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 13 ноября 2007 г. по делу N A28-9571/2006-542/22; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30 июня 2015 г. N Ф06-24028/2015 по делу N A65-14793/2014; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 декабря 2014 г. N Ф06-18419/2013, Ф06-18872/2013 по делу N A57-19577/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

злоупотреблении правом на иск, то есть процессуальным правом, а не вещным правом.

Следовательно, принцип запрета злоупотребления правом в контексте рассмотрения вещно-правовых способов защиты проявляются в нескольких аспектах:

а) во-первых, возможно злоупотребление правом на предъявление вещно-правового требования (виндикационного или негативного иска). В этом случае мы видим злоупотребление процессуального характера, при котором суды отказывают истцу в удовлетворении иска; и

б) во-вторых, злоупотребление непосредственно вещным правом также может повлиять на механизм защиты вещного права. Так, если ответчик по негативному иску злоупотреблял своим вещным правом, то его возражения против негативного иска могут быть не приняты. При этом в случае виндикационного иска такая тенденция не наблюдается, что заслуживает положительной оценки с точки зрения прочности института права собственности и устойчивости гражданского оборота.³²⁸

Вещные иски служат эффективным инструментом противодействия злоупотреблению правом, под которым в гражданском праве понимается отклонение поведения управомоченного лица от установленных принципов при формальном соблюдении требований закона. Такое злоупотребление нередко проявляется в виде обхода закона, когда субъект, внешне следуя правовым предписаниям, фактически действует вопреки принципам добросовестности, стремясь достичь результата, недостижимого при честном и добросовестном поведении. В данном контексте вещные иски позволяют восстановить нарушенные права и пресечь недобросовестные действия, обеспечивая тем самым баланс интересов и защиту гражданского оборота от злоупотреблений.³²⁹

---

³²⁸ См. подробнее о правовых последствиях злоупотребления правом в §2.3 настоящего исследования.

³²⁹ Подшивалов Т.П. Указ. соч. С. 131.

2.3.2. Иные меры (последствия), применяемые к субъектам злоупотребления вещным правом

В статье 10 ГК РФ прямо легализовано, что, помимо отказа в защите права, возможно применение и иных мер (последствий), предусмотренных законом. Судебная практика служит важным инструментом для понимания действия закона в реальных условиях, поскольку отражает применение правовых норм к конкретным жизненным ситуациям. Обращение к ней обусловлено не только необходимостью анализа существующих правовых пробелов и коллизий, но и отсутствием однозначных теоретических решений по вопросу применения мер (последствий) к субъектам злоупотребления вещным правом. Правоприменение является ключевым источником формирования научно-практических выводов и рекомендаций.

Судебная практика позволила нам выявить следующие альтернативные меры (последствия), применяемые к субъектам злоупотреблений вещными правами: 1) прекращение (лишение) вещного права; и 2) понуждение к совершению действий (запрет в совершении действий).

Также было выявлено, что большое количество практики посвящено признанию сделок в отношении имущества (движимого или недвижимого) недействительными и применению последствий их недействительности, однако это связано не с вещным правом, а с обязательственным правом, поскольку участники оборота в этих случаях злоупотребляют субъективными правами, вытекающими из обязательств (договоров), направленных на распоряжение судьбой имущества (например, договоры купли-продажи или аренды имущества)³³⁰.

1. Прекращение (лишение) вещного права

Злоупотребление вещным правом может привести к прекращению (лишению) вещного права.

---

³³⁰ Определение Верховного Суда РФ от 19.08.2024 N 310-ЭС24-12914 по делу N A54-2018/2020; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 06.02.2024 N 88-2722/2024; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.10.2014 N Ф09-6156/14 по делу N A50-11561/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

В одном из решений суд высказал позицию, что закон допускает возможность изъятия имущества при определенных обстоятельствах, которые подлежат выяснению судом, в частности, при злоупотреблении собственником его правом³³¹. Несмотря на то, что названная правовая позиция не является общепризнанной и широко распространенной на практике, она свидетельствует о наличии риска изъятия имущества в связи со злоупотреблением вещным правом. На наш взгляд, такая тенденция является негативной, поскольку подрывает устойчивость гражданского оборота: обладатель вещного права всегда в таком случае будет брать на себя риск утраты имущества, если его частные интересы столкнутся с интересами публичных субъектов (например, городской администрации). Считаем, что судам следует избегать аналогичных позиций в будущем и не использовать принцип запрета злоупотребления правом в качестве механизма экспроприации собственности, за исключением наиболее вопиющих ситуаций, в которых невозможно применение иных механизмов борьбы со злоупотреблениями и восстановление баланса нарушенных интересов.

Также мы обнаружили случаи, в которых лицо может быть лишено права пользования жилым помещением, что является вещным правом, закрепленным в жилищном законодательстве. Суд признал, что лицо злоупотребляло принадлежащим ему вещным правом, а именно – ответчик вел асоциальный образ жизни, нарушая права остальных жильцов (захламлял помещение, создавал грязь, не оплачивал коммунальные услуги и иное), в связи с чем была констатирована невозможность совместного проживания иных жильцов вместе с ответчиком. Как следствие, лицо было лишено права пользования жилым помещением, его выселили и сняли с регистрационного учета по решению суда³³².

В контексте исследуемого вопроса следует привести еще одно дело, в котором недобросовестное осуществление субъективного вещного права стало

---

³³¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.06.2022 N Ф10-2328/2022 по делу N А83-10821/2020; Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.01.2022 N 19-КАД21-17-K5 // СПС «КонсультантПлюс».

³³² Решение Жуковского городского суда Московской области от 29.03.2021 по делу N 2-321/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

основанием прекращения (лишения) ограниченного вещного права – права пожизненного наследуемого владения земельным участком. В течение нескольких лет владелец не ухаживал за своим земельным участком: участок зарос и превратился в бесхозное неиспользуемое имущество. Суд пришел к выводу о том, что неиспользование участка владельцем или его преемниками (наследниками) без уважительных причин не может рассматриваться как добросовестное осуществление прав. Учитывая фактическое злоупотребление правом со стороны владельца, суд решил, что это является достаточным основанием для прекращения права пожизненного наследуемого владения земельным участком. В результате было принято решение передать участок иному лицу в целях использования объекта недвижимого имущества в соответствии с его целевым назначением, что, по мнению суда, лучше всего соответствуют интересам пользователей соседних земельных участков³³³. Практика по подобным ситуациям обширна³³⁴.

О.А. Поротикова утверждает, что прекращение права собственности является одной из форм отказа в защите права, однако мы считаем это утверждение не совсем точным³³⁵. Полагаем, что прекращение (или лишение) вещного права следует рассматривать как самостоятельную меру (последствие) за факт злоупотребления правом, имеющую дополнительный (субсидиарный) характер по сравнению с отказом в защите права. Отказ в защите права, в свою очередь, должен выполнять функцию механизма, который трансформирует определенное право в «натуральное», то есть существующее, но при этом не подлежащее защите. В отличие от этого, при прекращении (лишении) вещного права связь субъекта, совершающего злоупотребление, с вещным правом и, соответственно, с объектом имущества полностью утрачивается, что делает эту связь невидимой с точки зрения правопорядка.

---

³³³ Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 29.03.2022 по делу N 33-1255/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³³⁴ Например, см. аналогичный спор по выселению лица из жилого помещения в связи со злоупотреблением правами: Решение Шкотовского районного суда Приморского края от 29.09.2023 по делу N 2-1396/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

³³⁵ Поротикова О.А. Указ. соч. С. 145.

Не менее интересным является случай «прекращения» вещного права, когда имущество признаётся бесхозным вследствие бездействия собственника, что рассматривается как злоупотребление правом. В одном из судебных решений было установлено, что фактическое бездействие собственника по отношению к 17 алюминиевым слиткам ясно указывает на его уклонение от осуществления прав владения, пользования и распоряжения имуществом. Отсутствие каких-либо активных действий со стороны собственника, который не проявил инициативы для вступления в права на обладаемое им имущество, свидетельствует о целенаправленном отказе от прав собственности. Суд, анализируя данную ситуацию, пришёл к выводу о наличии оснований для удовлетворения требований истца, что подтверждает его право на признание этих слитков бесхозными и их последующую реализацию³³⁶. Иными словами, принцип запрета злоупотребления правом открывает возможность для признания имущества бесхозным в случае длительного бездействия собственника, что наглядно иллюстрирует важность активного осуществления прав на свою собственность. При этом остается открытым вопрос, корректно ли суд квалифицировал указанное поведение в качестве злоупотребления правом. Возможно, поведение собственника следовало рассмотреть в качестве отказа от права собственности посредством совершения действий, определенно свидетельствующих об устранении собственника от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество (статья 236 ГК РФ).

Интересно, еще дореволюционные российские цивилисты негативно относились к признанию нарушений со стороны пользовладельца к прекращению вещного права.³³⁷ При этом в современных европейских правовых порядках на законодательном уровне закреплено, что основанием прекращения узупрукта может быть злоупотребление узупруктуарием предоставленным ему имуществом

---

³³⁶ Решение Промышленного районного суда города Владикавказа от 22.03.2018 по делу N 2-486/2018~М-237/2018; Решение Минераловодского городского суда Ставропольского края от 22.01.2020 по делу N 2-111/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³³⁷ Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. С. 308; Анненков К.Н. Указ. соч. С. 460.

(ст. 618 ФГК, ст. 1015 ГК Италии, ст. 1168 ГК Квебека).³³⁸ В исследованиях современных отечественных авторов также можно встретить отрицательное отношение к возможности лишения обладателя вещного права такого права в связи со злоупотреблением. В частности, об этом прямо пишет Ю.А. Волочай, по мнению которого возможность злоупотребления правом не должно являться основанием для его лишения³³⁹.

Следовательно, можно сделать вывод, что злоупотребление вещным правом может привести к прекращению (лишению) такого вещного права. Учитывая закрытый перечень оснований прекращения права собственности, содержащийся в статье 235 ГК РФ, получается, что на практике есть еще одно основание прекращения права собственности – прекращение права собственности в результате злоупотребления правом³⁴⁰. Не является ли это противоречием и отступлением от принципа закрытого перечня (*numerus clausus*) в вещном праве? Полагаем, что такое основание прекращения права собственности возможно в связи с тем, что пункт 1 статьи 235 ГК РФ содержит оговорку о том, что прекращение права собственности на имущество возможно и в иных случаях, предусмотренных законом. Поскольку запрет злоупотребления правом прямо закреплен в статье 10 ГК РФ, с догматической точки зрения противоречие можно было бы считать разрешенным. Однако такой подход может открыть ящик Пандоры, создавая прецедент, что на основании злоупотребления вещным правом участник оборота будет лишен принадлежащего ему права.

2. Понуждение к совершению действий (запрет в совершении действий)

³³⁸ Громов С.А. Указ. соч. С. 179.

³³⁹ Волочай Ю.А. Указ. соч. С. 108.

³⁴⁰ В немецком праве можно встретить подход о том, что «закрытость» закрытого перечня (*numerus clausus*) условна. Она условна в том смысле, что судебная практика на основании сложившегося порядка может трансформировать закрытый перечень. См.: Heinze Ch., in: Staudinger. Einleitung BGB zum Sachenrecht. Berlin, 2018. Rn. 118 – 124; Wiegand W. Numerus clausus der dinglichen Rechte: zur Entstehung und Bedeutung eines zentralen zivilrechtlichen Dogmas. S. 642 (Цит. по: Григорьян Д.В. Обязательственные начала в вещном праве: немецкий подход // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. N 12. С. 8-9 (номера страниц приводятся по СПС «КонсультантПлюс»)).

Существуют ситуации, в которых суд со ссылкой на злоупотребление правом и недобросовестное поведение обязывает субъектов злоупотребления правом осуществлять фактические действия или, наоборот, устанавливает запрет на осуществление некоторых действий.

В недавнем судебном разбирательстве администрация муниципального образования обратилась с требованием о сносе незаконно построенных объектов – бани и навеса, которые предприниматель возвел на земельном участке с нарушением его назначения. Это требование стало основанием для аннулирования соответствующих записей в Едином государственном реестре недвижимости (далее – **ЕГРН**).

Администрация утверждала, что указанные постройки имеют самовольный характер, так как были возведены без необходимых разрешений на строительство и ввод в эксплуатацию. Суд, изучив представленные материалы и обстоятельства дела, пришел к выводу, что предприниматель действительно нарушил требования законодательства.

На земельном участке, предназначенном для иных нужд, был построен гостинично-ресторанный комплекс. Спорные сооружения изначально классифицировались как объекты коммерческого назначения, что не соответствовало целевому использованию земли. Дополнительно выяснилось, что нарушены противопожарные требования, создающие угрозу для жизни и здоровья граждан.

В связи с вышеизложенным, суд удовлетворил требование администрации и обязал предпринимателя снести самовольно возведенные объекты, то есть обязал осуществить конкретные активные действия³⁴¹.

Кроме того, наряду с побуждением лиц к активным действиям, суды также имеют право запрещать осуществление определённых действий, что служит защитой интересов других граждан и соблюдения общественных норм.

---

³⁴¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.04.2022 N Ф08-1268/2022 по делу N А32-59582/2019; Определением Верховного Суда РФ от 16.08.2022 N 308-ЭС22-10863 отказано в передаче дела N А32-59582/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Примечательным является случай, когда гражданину было запрещено возводить перегородку, перекрывающую доступ в помещение общего пользования на этаже многоквартирного дома: суд, рассматривая данное дело, отметил, что возведение перегородки нарушает права соседей, ограничивая их доступ к общему имуществу, что недопустимо в условиях совместного проживания³⁴².

Следовательно, мы видим, что правовым последствием злоупотребления вещным правом может быть понуждение к активным фактическим действиям или, наоборот, запрет что-либо делать.

Обозначенные выше последствия (меры) по своей правовой природе представляют собой ограничения вещных прав, налагаемые на правообладателя в случае установления факта злоупотребления правом и квалификации его поведения как заведомо недобросовестного. При этом, как следует из анализа, в исключительных ситуациях злоупотребление правом может служить правовым основанием для полного лишения лица соответствующего вещного права.

Принцип запрета злоупотребления правом, будучи важным инструментом обеспечения баланса интересов в вещных правоотношениях, требует от правоприменителя особой осторожности и взвешенного подхода. Неоправданно широкое применение данного принципа способно подорвать саму природу вещных прав и размыть ядро вещного права, лишив их таких сущностных характеристик, как исключительность и абсолютность защиты. В этой связи представляется необходимой разработка системы критериев (тестов), которые позволили бы судам объективно оценивать, выходит ли конкретный способ осуществления вещного права за его пределы.

В современной правовой доктрине сформировался консенсус относительно того, что оценка злоупотребления вещным правом должна носить комплексный характер и учитывать множество факторов. К. Грей и С. Грей подчеркивают, что проблема злоупотребления вещными правами всегда находится на стыке двух

---

³⁴² Решение Лахденпохского районного суда Республики Карелия от 07.09.2023 по делу N 2-29/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

фундаментальных принципов: неприкосновенности собственности и социальной функции собственности³⁴³. Разрешение этого концептуального противоречия требует разработки многофакторной модели оценки, которая позволила бы учитывать как интересы собственника, так и потребности общества в целом.

Анализ отечественного и зарубежного опыта позволяет выделить ряд взаимосвязанных критериев, которые в своей совокупности могут послужить созданию целостной системы тестов для выявления злоупотребления вещным правом.

Первым и основополагающим критерием может выступать тест на *реальность и существенность вреда*. При его применении суд должен установить, причиняют ли действия собственника реальный вред законным интересам других субъектов права. В знаковом английском деле *Hunter v Canary Wharf Ltd* [1997] AC 655 суд четко сформулировал, что для констатации злоупотребления необходимо доказать «существенное вмешательство в разумное использование соседнего имущества»³⁴⁴. Так, профессор Д. Сингер проводит глубокий анализ критериев разграничения правомерного осуществления права собственности и злоупотребительных действий, подчеркивая, что для квалификации действий собственника как злоупотребления недостаточно простой констатации факта причинения неудобств другим лицам — необходимо установление реального, объективно подтверждаемого вреда³⁴⁵. Автор последовательно обосновывает, что вред (ущерб) должен обладать определенными качественными характеристиками: быть материально выраженным и измеримым, выходить за рамки обычных неудобств, неизбежных при соседском сосуществовании, а также носить устойчивый, а не временный характер. При этом Д. Сингер детализирует количественные параметры такого вреда, включая интенсивность воздействия (уровень шума, степень затенения и т.п.), продолжительность вредного воздействия и масштаб

³⁴³ Gray K., Gray S.F. *Elements of Land Law*. 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 123-125.

³⁴⁴ *Hunter v Canary Wharf Ltd* [1997] AC 655, 707

³⁴⁵ Singer J.W. *Property Law: Rules, Policies, and Practices*. 7th ed. N.Y.: Wolters Kluwer, 2017. P. 89-92.

распространения негативных последствий³⁴⁶. В свою очередь, субъективное восприятие неудобств, не подкрепленное объективными доказательствами, ни при каких обстоятельствах не может служить достаточным основанием для ограничения прав собственника. Эта принципиальная позиция, как отмечает автор, находит свое последовательное отражение в современной судебной практике (в деле *Hunter v Canary Wharf Ltd*), где суд отказался признавать злоупотреблением затенение, вызванное возведением небоскреба, при отсутствии доказательств причинения реального вреда истцам.³⁴⁷

В американском прецеденте *Boomer v Atlantic Cement Co.* (1970)³⁴⁸ суд, признавая бесспорный вред от деятельности цементного завода, тем не менее отказался в его закрытии, ограничившись присуждением компенсации, поскольку вред не носил катастрофического характера.

Второй критерий – тест на *экономическую целесообразность* – требует от суда проведения своеобразного экономического анализа с точки зрения «затраты-выгоды». В соответствии с этим подходом, выгоды от ограничения права собственности должны превышать издержки такого ограничения. Этот принцип был последовательно применен в деле *Penn Central Transportation Co. v NYC* (1978)³⁴⁹, где Верховный суд США признал правомерным ограничение прав собственника исторического здания в интересах сохранения архитектурного наследия города. Необходимо подчеркнуть, что предлагаемый нами критерий (тест) не предполагает проведения всестороннего экономического анализа, включающего детальные расчеты и сложные метрические показатели, поскольку подобные требования создали бы неоправданные затруднения для правоприменителя. Речь идет о базовой оценке экономической целесообразности,

---

³⁴⁶ Особое внимание автор уделяет объективным критериям оценки, подчеркивая необходимость возможности экспертной оценки вреда, его соответствия установленным санитарным, экологическим и иным нормативам, а также наличия четко установленной причинно-следственной связи между действиями собственника и наступившими последствиями.

³⁴⁷ Singer J.W. Op. cit. P. 89-92.

³⁴⁸ *Boomer v Atlantic Cement Co.*, 257 N.E.2d 870 (N.Y. 1970)

³⁴⁹ *Penn Cent. Transp. Co. v. New York City*, 438 U.S. 104 (1978)

которая может учитываться судебными органами при установлении факта злоупотребления правом, преимущественно – а в некоторых случаях исключительно – при осуществлении участниками оборота предпринимательской деятельности.

Следует отметить, что ВС РФ в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 предлагал учитывать экономический критерий – критерий экономической обоснованности применительно к анализу сделок, совершаемых обществами³⁵⁰. Тест на экономическую обоснованность активно используется судами в спорах по признанию сделок недействительными³⁵¹. Полагаем, что схожая логика могла бы применяться и в случаях оценки судом злоупотреблений в вещных правоотношениях (например, считать ограничение права собственности в некоторых случаях экономически не обоснованным, в первую очередь в сфере предпринимательской деятельности).

Третий критерий – тест на *пропорциональность* – занимает особое место в системе оценки злоупотребления правом. Европейский суд по правам человека в постановлении по делу James v UK (1986)³⁵² подчеркнул, что любое ограничение права собственности должно быть пропорционально преследуемой законной цели. В российской практике этот принцип нашел свое отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 16.05.2000 № 8-П³⁵³, где было указано на необходимость соразмерности ограничений права собственности конституционно значимым целям. Полагаем, что такой критерий (тест) можно использовать при

³⁵⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵¹ Определение Верховного Суда РФ от 07.02.2024 N 303-ЭС23-28791; Определение Верховного Суда РФ от 25.05.2023 N 305-ЭС23-7445; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.11.2024 N Ф05-19851/2024 по делу N А40-179883/2023; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 04.12.2023 N Ф06-10654/2023 по делу N А65-33249/2021; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 07.11.2023 N Ф10-4654/2023 по делу N А84-5546/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵² James v. United Kingdom, App. No. 8793/79, 21 Eur. Ct. H.R. (ser. A) (1986).

³⁵³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2000 N 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited» // СПС «КонсультантПлюс».

решении вопроса о злоупотребительном характере поведения обладателей вещного права.

Четвертый критерий – тест на *публичный интерес* – вызывает наиболее острые дискуссии в правовой доктрине. В спорном решении по делу *Kelo v City of New London* (2005)³⁵⁴ Верховный суд США допустил изъятие частной собственности для передачи ее другому частному лицу под предлогом экономического развития города, существенно расширив толкование понятия «публичное использование».

Особое значение тест на публичный интерес приобретает в российской судебной практике, связанной с реализацией публичных правомочий в отношении имущества. Выделим два аспекта, связанных с реализацией таких правомочий: в первом случае речь будет идти об изъятии земельного участка для публичных нужд, во втором – о «деприватизации» земельных участков. Несмотря на крайне широкие основания для изъятия земельного участка, равно как и реальных возможностей по уменьшению конечной стоимости компенсации, судебная практика фактически предоставляет таким требованиям публичной власти особый (сверхпривилегированный) режим. Как отмечает А.В. Осокин, актуальная судебная практика в целях обеспечения публичных интересов в области строительства и комплексного развития территорий допускает изъятие такого земельного участка из конкурсной массы застройщика или собственника земельного участка на том основании, что такое изъятие является возмездным³⁵⁵. Действительно, публичный интерес в контексте изъятия земельного участка реализовывается по модели сверхпривилегированного требования, которое позволяет изымать земельные участки из конкурсной массы, хотя, по общему правилу, в банкротном праве немыслимо изъятие имущества из конкурсной массы первоначально, то есть до возбуждения производства по делу о банкротстве, неуправомоченным лицом.

---

³⁵⁴ *Kelo v. City of New London*, 545 U.S. 469 (2005).

³⁵⁵ Осокин А.В. Распределение рисков при организации строительства // Проблемы строительного права. Выпуск 3: сборник статей. М.: Статут, 2023. С. 422.

Если рассматривать проблематику «деприватизации» земельных участков, то отметим, что такая тенденция регулирования гражданского оборота представляет собой обратную сторону процесса приватизации и фактической ревизией произошедшего передела собственности в 1990-е гг. По справедливому замечанию И.А. Емелькиной, зачастую приватизация проводится таким образом, что практически в 99% процентов случаев можно найти пороки в оформлении документов либо любые иные дефекты, с которыми будут связаны негативные последствия для частного лица; в результате наличия данных нарушений будет существовать постоянная возможность деприватизации, рискующей подорвать оборот земельных участков и право частной собственности в целом³⁵⁶. В таком случае прекращение вещных прав на земельный участок нередко свидетельствует о злоупотреблении полномочиями со стороны государственных органов.

Наиболее иллюстративной является практика высших судебных инстанций, которая предполагает существование различных подходов к определению теста на публичный интерес. КС РФ в ряде случаев обращается к деприватизационным механизмам, которые разрабатывает за счет расширительного толкования законодательства о приватизации, а также создания механизма оценки добросовестности правообладателей земельных участков, предполагающего, что добросовестность правообладателя земельным участком является основанием для предоставления ему аналогичного земельного участка (по площади, виду разрешенного использования, способности удовлетворить его личные нужды), а при невозможности – осуществить компенсацию изъятого земельного участка³⁵⁷.

ВС РФ, в свою очередь, исходит из противоположной позиции, исключая возможность изъятия таких земельных участков у их собственников: он защищает «сочинских садоводов» от вмешательства публичной власти в их право собственности. Фактически ВС РФ изменяет содержание данной позиции,

---

³⁵⁶ Задача соседского права – заставить считаться с интересами соседей и до разумных пределов переносить неудобства, которые причиняет соседство (Интервью с И.А. Емелькиной) // Закон. 2024. № 10. С. 8-16.

³⁵⁷ См. п. 6.1, 6.2 Постановления КС РФ от 31.10.2024 № 49-П по делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда

обосновывая необходимость сохранения права собственности и иных вещных прав за правообладателями имущества. Так, например, в рамках ряда дел от 14.02.2025 г. ВС РФ признал незаконным изъятие земельных участков в рамках пересмотра итогов приватизации земельных участков в отношении «сочинских садоводов»³⁵⁸. Подобная ситуация приводит к тому, что ВС РФ фактически выравнивает противоречивую позицию КС РФ в отношении «сочинских садоводов», таким образом, сохраняя стабильность оборота земельных участков и исключая возможность деприватизации земельных участков.

Пятый критерий – тест на *ожидаемость* – отражает принцип правовой определенности. Собственник должен иметь возможность предвидеть возможные ограничения своего права. В британском деле *R (Miller) v Secretary of State* (2021)³⁵⁹ суд особо подчеркнул важность этого принципа, указав, что неожиданные и непредсказуемые ограничения прав собственника могут сами по себе рассматриваться как злоупотребление со стороны государства.

Шестой критерий - тест на *локализацию* - особенно важен в случаях, когда ограничение прав собственника затрагивает интересы местных сообществ или коренных народов. В канадском деле *Haida Nation v British Columbia* (2004)³⁶⁰ Верховный суд Канады указал на необходимость проведения содержательных консультаций с затронутыми сторонами при принятии решений, ограничивающих права собственности. Иными словами, подход в констатации злоупотребления правом может зависеть от тех устоев и сложившихся обычаев, которые существуют на той или иной территории.

В российской правовой действительности, характеризующейся значительным этнокультурным разнообразием, включающим коренные и малочисленные народы,

---

³⁵⁸ См.: Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.02.2024 № 18-КГ24-341-К4 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.02.2024 № 18-КГ24-360-К4; Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.02.2024 № 18-КГ24-363-К4; Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.02.2024 № 18-КГ24-376-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵⁹ *R (Miller) v Sec'y of State for Exiting the Eur. Union*, [2021] UKSC 5 (UK).

³⁶⁰ *Haida Nation v British Columbia (Minister of Forests)* [2004] SCC 73, [2004] 3 SCR 511.

существуют региональные обычаи добрососедства, соблюдение которых не может квалифицироваться как злоупотребление правом. Вместе с тем аналогичные действия, совершенные в условиях мегаполисов (таких как Москва или Санкт-Петербург), где доминируют иные социальные нормы, могут быть расценены как недобросовестное осуществление правомочий собственника.

Седьмой критерий - тест на *наименее ограничивающую альтернативу* - требует от суда поиска меры воздействия, которая, с одной стороны, эффективно пресекала бы злоупотребление, а с другой - минимально ограничивала бы права собственника. Этот подход позволяет найти баланс между защитой общественных интересов и сохранением сущностного содержания права собственности. В британском деле *Hornsby v Clark Kenneth Leventhal* (2000)³⁶¹ суд, признавая факт нарушения градостроительных норм, тем не менее отказался от крайней меры в виде сноса здания, ограничившись присуждением компенсации.

Важным представляется публично-правовой момент, связанный с оформлением надлежащих документов для ввода постройки в эксплуатацию. Т.С. Краснова отмечает, что до оформления градостроительных документов у лица возникает субъективное вещное право на земельный участок, однако, оно не может его осуществлять до оформления градостроительных документов³⁶². Применительно к разрешительным документам Н.Б. Щербаков отмечает, что толкование положений градостроительного законодательства, как отрасли публичного права, представляется весьма осторожным и взвешенным, в отличие от норм гражданского законодательства, для которых характерен диспозитивный метод регулирования и принцип свободы воли³⁶³. Тест на наименее ограничивающую альтернативу представляется достижением зарубежных правопорядков и в настоящее время не применяется в российском праве. В российской правоприменительной практике представляется целесообразной

---

³⁶¹ *Hornsby v. Clark Kenneth Leventhal*, [2000] NSWCA 309 (Austl.).

³⁶² Краснова Т.С. Автономия воли и ее ограничение в сервитутном праве. М.: М-Логос, 2020. С. 98.

³⁶³ Щербаков Н.Б. Значение разрешения на строительство //Вестник экономического правосудия Российской Федерации. № 1. 2016. С. 26.

дифференциация степени нарушения градостроительного законодательства. Такая дифференциация позволит более последовательно реализовывать принцип наименее ограничительной меры, применение которого в отсутствие указанной дифференциации может создать предпосылки для злоупотреблений со стороны заинтересованных лиц.

Восьмой критерий – тест на *предотвращение системных рисков* - приобретает особое значение в условиях современных экологических вызовов. В деле *Lucas v South Carolina Coastal Council* (1992)³⁶⁴ Верховный суд США признал правомерность ограничений на застройку прибрежных территорий, указав на необходимость предотвращения потенциальных экологических катастроф, даже если конкретный собственник в момент введения ограничений не осуществлял деятельности, непосредственно угрожающей окружающей среде.

В заключение следует подчеркнуть, что предложенная система тестов не является жестким алгоритмом, а представляет собой гибкий инструментарий для принятия взвешенных судебных решений. Применение этих критериев должно учитывать конкретные обстоятельства дела и социально-экономический контекст. Важно также понимать, что различные тесты могут иметь разный вес в зависимости от характера спорного правоотношения. Например, в делах, связанных с защитой окружающей среды, на первый план могут выходить тесты на предотвращение системных рисков и публичный интерес, тогда как в спорах между частными лицами более значимыми могут оказаться тесты на существенность вреда и пропорциональность.

Предложенная система критериев позволяет избежать как избыточного вмешательства в сферу вещных прав, так и попустительства явным злоупотреблениям, обеспечивая тем самым разумный баланс между интересами собственника, третьих лиц и общества в целом. По нашему мнению, предлагаемые критерии (тесты) могут использоваться при оценке поведения с точки зрения

---

³⁶⁴ *Lucas v. South Carolina Coastal Council*, 505 U.S. 1003 (1992).

злоупотребления правом / недобросовестности не только в контексте вещного права (в первую очередь, права собственности), но и применительно к иным подотраслям и институтам частного права.

С учетом вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1) Основным (генеральным) правовым последствием за факт злоупотребления вещным правом является отказ в защите субъективного вещного права. Отказ в защите не является мерой ответственности. Отказ в защите субъективного вещного права может проявляться в различных эманациях: отказе в применении исковой давности, отказе в принятии вещно-правового иска или отказе в принятии возражений против вещно-правового иска.

2) Существуют также правовые последствия, которые могут применяться субсидиарно в дополнение к отказу в защите права, что прямо легализовано гражданским законодательством. В качестве иных мер (последствий) за злоупотребление вещным правом могут последовать признание сделок с имуществом недействительными и применение последствий их недействительности, прекращение (лишение) вещного права, а также понуждение к совершению действий или запрет на совершение каких-либо действий.

3) Обозначенные выше последствия (меры) по своей правовой природе представляют собой ограничения вещных прав, налагаемые на правообладателя в случае установления факта злоупотребления правом и квалификации его поведения как заведомо недобросовестного. При этом, как следует из анализа, в исключительных ситуациях злоупотребление правом может служить правовым основанием для полного лишения лица соответствующего вещного права.

4) Принцип запрета злоупотребления правом требует сбалансированного подхода, поскольку его неоправданно широкое применение способно подорвать саму природу вещных прав, лишив их таких ключевых характеристик, как исключительность и абсолютность защиты. В этой связи оценка злоупотребления должна основываться на системе гибких критериев (тестов), учитывающих как интересы собственника, так и общественные потребности.

5) Ключевыми критериями могут выступать следующие критерии (тесты): тест на реальность и существенность вреда, требующий объективного подтверждения материального ущерба; тест на экономическую целесообразность, направленный на баланс выгод и издержек ограничения прав; тест на пропорциональность, обеспечивающий соразмерность ограничений законным целям; тест на публичный интерес, вызывающий дискуссии в контексте изъятия собственности; тест на ожидаемость, гарантирующий правовую определенность для собственника; тест на локализацию, учитывающий местные обычаи и интересы сообществ; тест на наименее ограничивающую альтернативу, предполагающий выбор минимально обременительной меры; и тест на предотвращение системных рисков, особенно актуальный в экологических и градостроительных спорах.

Применение этих критериев (тестов) должно быть гибким: их значимость варьируется в зависимости от контекста (частные споры, публичные интересы, экологические риски). В российской практике сохраняются проблемы, связанные с противоречивостью судебных подходов, например, при деприватизации или изъятии земель, что требует более четких стандартов оценки. При этом предложенные тесты носят универсальный характер и могут использоваться не только в вещном праве, но и в иных сферах частного права для оценки добросовестности поведения участников оборота.

Таким образом, разработанная система критериев позволяет обеспечить баланс между защитой прав собственника, интересами третьих лиц и общества, минимизируя риски как избыточного ограничения вещных прав, так и попустительства злоупотреблениям.

ГЛАВА 3. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В ВЕЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

В отличие от форм злоупотребления правом, прямо закрепленных на уровне законодательства (статья 10 ГК РФ), отдельные виды злоупотребления в позитивном праве отсутствуют. Необходима иная методологическая основа для выявления видов злоупотребления правом. Учитывая, что принцип запрета злоупотребления правом являлся продуктом правоприменительной практики, в рамках настоящего исследования был изучен обширный массив споров по вопросу злоупотребления правом в вещных правоотношениях, выявлены различные тенденции и подходы. На этом основании предлагается классификация (систематизация) отдельных видов злоупотребления правом как фиктивных правонарушений в вещных правоотношениях.

На основании проведенного исследования, включая ранее предложенную атомизацию злоупотребления вещным правом (то есть выделение отдельных элементов (состав) злоупотребления субъективным вещным правом) предлагаем следующую классификацию отдельных видов злоупотребления правом в контексте вещных правоотношений:

- 1) по *виду субъективного вещного права*, которым злоупотребляет уполномоченное лицо:
  - a) злоупотребление правом собственности; и
  - b) злоупотребление ограниченными вещными правами;
- 2) по *статусу субъекта злоупотребления*, то есть субъекта, злоупотребляющего субъективным вещным правом:
  - a) злоупотребление со стороны частного субъекта; и
  - b) злоупотребление со стороны публичного субъекта;
- 3) по *виду имущества*, являющегося предметом вещного правоотношения:

- а) злоупотребления вещным правом при их осуществлении в отношении недвижимого имущества³⁶⁵; и
- б) злоупотребления вещными правами при их осуществлении в отношении движимого имущества^{366,367}
- 4) по *форме поведения* субъекта злоупотребления:
  - а) злоупотребление вещным правом в виде злоупотребительных действий³⁶⁸; и
  - б) злоупотребления вещным правом в виде злоупотребительного бездействия³⁶⁹;
- 5) по *статусу потерпевшего* от злоупотребления субъективным вещным правом лица:
  - а) «соседские злоупотребления»;
  - б) злоупотребления в отношении сособственника, имеющего долю в общей собственности;
  - с) злоупотребления супругов по отношению друг к другу; и

³⁶⁵ На практике большинство споров связано со злоупотреблением правом в отношении объектов недвижимого имущества: объектов капитального строительства (жилых помещений, самовольных построек) и земельных участков (См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.08.2023 N Ф02-3651/2023 по делу N А58-9854/2022; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13.06.2024 N 88-11502/2024 по делу N 02-4228/2023; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.09.2023 N 88-20797/2023 по делу N 2-1984/2022 // СПС «КонсультантПлюс»).

³⁶⁶ В отношении движимого имущества наблюдается пласт споров с транспортными средствами (автомобилями), например, нерегистрация прав на автомобиль, чтобы не платить налоги, отчуждение автомобиля по заведомо заниженной цене с целью, чтобы такое имущество не перешло к супругу (См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.10.2022 N Ф03-4677/2022 по делу N А51-3840/2021; Определение Верховного Суда РФ от 04.09.2023 N 307-ЭС21-26520(2) по делу N А56-4073/2016 // СПС «КонсультантПлюс»).

³⁶⁷ Встречаются также ситуации, когда существует злоупотребление вещным правом в отношении как недвижимого имущества, так и движимого имущества (См.: Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 01.06.2015 по делу N 33-5484/2015 // СПС «КонсультантПлюс»).

³⁶⁸ Существуют случаи, когда суды обязывают лиц совершать определенные действия, если их поведение носит характер злоупотребления правом, например лицо обязывают снести самовольную постройку (См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06.04.2022 N Ф08-1268/2022 по делу N А32-59582/2019; Определением Верховного Суда РФ от 16.08.2022 N 308-ЭС22-10863 отказано в передаче дела N А32-59582/2019 // СПС «КонсультантПлюс»).

³⁶⁹ Злоупотребление вещным правом в форме бездействия представляет собой не менее значимую проблему вещного права. Оно возникает, когда обладатель вещного права не только не использует свои права и демонстрирует намерение отказаться от них, что может привести к признанию имущества бесхозным. Признание имущества бесхозным в таких ситуациях подчеркивает важность активного осуществления права собственности (См.: Решение Промышленного районного суда города Владикавказа от 22.03.2018 по делу N 2-486/2018~М-237/2018; Решение Минераловодского городского суда Ставропольского края от 22.01.2020 по делу N 2-111/2020 // СПС «КонсультантПлюс»).

- d) злоупотребления лиц, находящихся под специальной социальной (государственной) защитой.

Научно-практическая значимость предложенной классификации заключается в том, что ее учет позволяет формировать новые или модифицировать существующие правовые режимы в зависимости от классификационной группы, к которой относится конкретное злоупотребление вещным правом. Принадлежность злоупотребления вещным правом к определенной группе обуславливает специфику применяемых последствий для нарушителя, а также влияет на выбор способов защиты нарушенных прав, сроки исковой давности, механизмы восстановления правового положения и иные аспекты. Следовательно, классификация выступает важным инструментом для дифференцированного подхода к противодействию злоупотреблениям вещным правом правами в правоприменительной практике.

При этом отметим, что предлагаемая классификация, как и любая иная научно-практическая классификация, не является исчерпывающей, имеет ряд пересечений, а также не лишена изъянов, продиктованных условностью некоторых правовых понятий и классификаций, взятых в качестве исходных точек в отношении такой систематики³⁷⁰ (например, условный характер понятия «соседские отношения»; имеющиеся теоретические разногласия относительно понятия и содержания категории «ограниченное вещное право»; смежный характер некоторых правоотношений, которые одновременно можно отнести как к вещным правоотношениям, так и обязательственным). Несмотря на оговорки, полагаем, что предложенная систематизация отдельных видов злоупотребления правом в вещных правоотношениях имеет научно-познавательную ценность, а также может быть полезна на уровне правоприменения при разрешении вещно-правовых споров.

³⁷⁰ Hjørland B. Nine Principles of Knowledge Organization // *Advances in Knowledge Organization*. 1994. Vol. 4. P. 93; Mai J.-E. The modernity of classification // *Journal of Documentation*. 2011. Vol. 67. № 4. P. 711; Лосский Н.О. Логика: в 2 ч. Пг., 1922. С. 150.

Обратимся к некоторым из определенных нами видам злоупотребления правом в вещных правоотношениях, которые являются наиболее интересными и значимыми как с теоретической, так и с практической точек зрения.

3.1. Злоупотребления правом по виду субъективного вещного права

В зависимости от вида субъективного вещного права можно выделить злоупотребления правом собственности и злоупотребления ограниченными вещными правами.

Исследование судебной практики свидетельствует о том, что большая часть злоупотреблений осуществляется непосредственно собственниками³⁷¹. Например, в одном из дел собственник продал объект сначала одному лицу, а впоследствии продал повторно тот же самый объект иному лицу. Суд определил, что при заключении договора-купли продажи повторно собственник злоупотребил принадлежащим ему правом собственности, объективно причиняя вред правам и интересам третьего лица (в текущем деле – совладельца нежилого помещения)³⁷².

В недавнем Постановлении КС РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П³⁷³ (далее – «Дело Ревкова») упоминается добросовестность и злоупотребление правом применительно к исполнительскому иммунитету единственного жилья. КС РФ указал, что суды вправе отказать в защите исполнительского иммунитета, если жилье приобретено со злоупотреблением. Злоупотребление состояло в том, что лицо попыталось прикрыться единственным жильем (исполнительским иммунитетом), чтобы его не изъяли в банкротстве, хотя в действительности это было чрезмерно дорогое жилье. КС РФ констатировал, что в этом случае лицо злоупотребило своим правом. Постановление КС РФ уже создает прецедент для

---

³⁷¹ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.10.2024 N 12АП-6703/2024 по делу N А57-25066/2023; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.01.2024 N 17АП-14022/2023-ГК по делу N А60-56643/2022; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.09.2023 N 88-20797/2023 по делу N 2-1984/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷² Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 17.01.2022 по делу N 88-61/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷³ Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 N 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова» // СПС «КонсультантПлюс».

судебной практики, но требует законодательной конкретизации этой идеи. По нашему мнению, пункт 3 статьи 213.25 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ О несостоятельности (банкротстве))» (далее – «**Закон о Банкротстве**») излишне безоговорочно исключает единственное жилье из конкурсной массы, что не учитывает случаи недобросовестного приобретения жилья, не устанавливает критериев «разумной достаточности», позволяющих обратить взыскание на явно избыточное жилье, а также не предусматривает механизма защиты кредиторов от злоупотреблений со стороны должника. Считаем необходимым прямо указать в пункте 3 статьи 213.25 Закона о Банкротстве, какое имущество (с точки зрения порядка его приобретения и непосредственно параметров такого жилья) не должно подпадать под исполнительский иммунитет.

Отдельного внимания заслуживает позиция, в которой суд признал злоупотреблением отрицание собственником его права собственности: тот факт, что лицо не предприняло формальных действий для перехода к нему права собственности, которые полностью зависели от его воли (регистрационные действия в ЕГРН), не является основанием ссылаться на отсутствие права собственности. Если лицо владеет имуществом как собственник, но при этом отказывается нести ответственность как собственник, это означает, что лицо ведет себя в недопустимой степени противоречиво³⁷⁴. Фактически, суд говорит о запрете противоречивого поведения (эстоппель)³⁷⁵, называя его злоупотреблением правом. Следовательно, эстоппель рассматривается отечественными судами как разновидность злоупотребления правом (частный случай злоупотребления правом³⁷⁶; одна из форм злоупотребления правом³⁷⁷; одна из форм реакции на

³⁷⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2024 по делу N 88-13462/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷⁵ В настоящем исследовании понятия «институт эстоппеля», «принцип эстоппеля», «эстоппель», «запрет противоречивого поведения», а также их производные являются синонимами.

³⁷⁶ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2022 N 88-5079/2022; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.04.2024 N Ф07-1574/2024 по делу N А56-26816/2023; Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 06.02.2024 по делу N А45-24564/2023; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25.07.2017 N 18-КГ17-68 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷⁷ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.08.2022 N Ф04-3181/2022 по делу N А75-19924/2021; Решение Арбитражного суда г. Москвы от 17.05.2023 по делу N А40-8915/23-27-71 // СПС «КонсультантПлюс».

установленный факт злоупотребления правом со стороны недобросовестного субъекта³⁷⁸), и такая практика является устоявшейся.

С точки зрения теории частного права запрет злоупотребления правом и эстоппель рассматриваются в качестве частных проявлений ограничительной функции принципа добросовестности³⁷⁹. В частности, как отмечают В.С. Ем и Е.А. Суханов, отсутствует необходимость считать, что появившийся в ГК РФ принцип эстоппеля – это рецепция английского принципа. По их мнению, это обычный случай недобросовестного поведения в противоречии с собственным предшествующим поведением, известное еще со времени римского права (*venire contra factum proprium*)³⁸⁰.

Отметим, что в странах общего права принцип (институт) эстоппеля является самостоятельным институтом, который активно проникает в иные юрисдикции в связи с активной экспансией общего (в первую очередь английского) права по всему миру. Эстоппель в общем праве не является монолитной конструкцией и существует в двух отдельных правовых плоскостях. Обычно говорят о договорном эстоппеле / эстоппеле из обещания (*promissory estoppel*), и этот вопрос активно исследуется как в зарубежной, так и иностранной правовой литературе, поскольку большое число людей вовлечены в договорные отношения по всему миру (чем в отношения, связанные с вещными отношениями). При этом не меньше внимания заслуживает вопрос эстоппеля в вещном праве общего права – проприетарный эстоппель / вещный эстоппеля (*proprietary estoppel*),³⁸¹ особенно в контексте

³⁷⁸ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.12.2022 N Ф04-6018/2022 по делу N А46-23145/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁷⁹ Хесселинк М.В. Указ. соч. С. 12 (номер страницы приводится по СПС «КонсультантПлюс»); Reinhold S. Good Faith in International Law // UCL Journal of Law and Jurisprudence. 2013. No. 2. 40-63; Гинзбург И.В. Применение судами принципа добросовестности: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. N 4. С. 83-91; Шварц М.З. Некоторые размышления над институтом эстоппель // Арбитражные споры. 2016. N 1. С. 95-99; Taruffo M. General Report. Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness // Abuse of Procedural Rights. P. 23. См. также идеи, высказанные по теме эстоппеля в вещном праве, в комментарии А.Г. Карапетов: Карапетов А.Г. Указ. соч. С. 796-801.

³⁸⁰ Ем В.С., Суханов Е.А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // Вестник гражданского права. 2019. N 4. С. 7-21.

³⁸¹ В настоящем исследовании будет использоваться термин «вещный эстоппель», чтобы следовать терминологии, которая уже используется в отечественных правовых исследованиях.

нашего исследования о запрете злоупотребления правом в вещных правоотношениях.

В общем праве вещный эстоппель появился в середине XIX в. как способ борьбы со злоупотреблениями правами собственника на земельные участки в тех случаях, когда земельные участки улучшались арендаторами³⁸². Так, в одном из первых английских прецедентов, *Ramsden v. Dyson*, суд высказал правовую позицию, что если лицо полагалось на устные договоренности с арендодателем о предоставлении права на земельный участок, вкладывал деньги в участок, полагая, что у него есть право аренды, а арендодатель в это время не высказывал какие-либо возражения, то в таком случае суд вправе защищать обещания и (или) ожидания потенциального арендатора³⁸³. Дело *Ramsden v. Dyson* является основополагающим в контексте концепции вещного эстоппеля, закладывая основу для того, как суды рассматривают дела, связанные с неформальными соглашениями о собственности и правом справедливости. В постановлении подчеркивалось, что эстоппель может возникать не только из-за недвусмысленных обещаний, но и из-за пассивного поведения собственника земельного участка, когда оно создает или поощряет разумные ожидания владения или долгосрочный интерес к собственности. Это дело повлияло на более поздние разработки в области вещного эстоппеля, определив, как суды сочетают принципы справедливости со строгими юридическими правами собственности, особенно в земельных спорах, где справедливость и доверие являются основополагающими началами³⁸⁴.

Как отмечают английские исследователи вопросов английского права в сфере вещных отношений, вещный эстоппель, в отличие от договорного эстоппеля, порождает право на иск³⁸⁵ и может стать основанием возникновения нового вещного права³⁸⁶.

³⁸² Sloan B. Proprietary Estoppel. Recent Developments in England and Wales // Singapore Academy of Law Journal. 2010. Vol. 22. P. 110.

³⁸³ *Ramsden v. Dyson* [1866] LR 1 HL 129 (Цит. по: Smith R.J. Property Law. Dorchester, 2006. P. 180.).

³⁸⁴ Более подробный анализ классического дела *Ramsden v. Dyson* см.: Mulholland R.D. From Acquiescence to Expectation: the Ramsden v. Dyson Principle Today. University of Canterbury. 1984. P. 10-30.

³⁸⁵ Smith R.J. Op. cit. P. 180.

³⁸⁶ Wilken S., Ghaly K. The Law of Waiver, Variation and Estoppel. Oxford, 2002. P. 130.

Чтобы применение принципа вещного эстоппеля не являлось произвольным и было подчинено логике, английские суды выработали основные критерии, которые необходимо было установить: (1) наличие обещания (заверения) собственника, на которое полагалось лицо, желающее приобрести вещное право на вещь; (2) экономический ущерб, которое понесло лицо, находящееся в состоянии заблуждения; и (3) причинно-следственная связь между обещаниями и экономическим ущербом заблуждающегося лица³⁸⁷.

В приведенном в начале настоящего параграфа деле, где суд признал собственником лицо, которое формальное не зарегистрировало право собственности, но действовало как собственник, по нашему мнению, свидетельствует о применении принципа вещного эстоппеля в отечественном праве. Иными словами, суд в обход формальной стороны вопроса признал право собственности за лицом, которое с формальной точки зрения таким собственником не являлось (оно не было зарегистрировано в ЕГРН в качестве собственника). Следовательно, можно сделать вывод о наличии принципа вещного эстоппеля в российском праве как разновидности недобросовестного поведения (а именно — злоупотребления вещным правом).

См. ниже на схеме авторское видение соотношения указанных понятий.

---

³⁸⁷ Лашков Н.С. Возникновение вещных прав в обход формальностей: вещный эстоппель в России и Англии // Закон. 2020. N 4. С. 109 – 112; *Gillet v. Holt* [2000] 2 All ER 289 at 301. Цит. по: Nield S. *Estoppel and Reliance*. Oxford, 2001. *Modern Studies in Property Law. Volume 1: Property* / ed. by E. Cooke. Oxford, 2000. P. 77.

Схема 2. Соотношение понятий

О том, что в российском праве возможно применение вещного эстоппеля писал Н.С. Лашков, по мнению которого, вещный эстоппель может быть основанием возникновения вещного права³⁸⁸. Следует приветствовать тенденцию признания вещного эстоппеля в российском праве, поскольку этот институт является эффективным средством защиты участников вещных правоотношений и участников гражданского оборота в целом. В зависимости от конкретных обстоятельств лицу может быть «вменено» вещное право, или же суд может констатировать «отсутствие» вещного права (несмотря на формальные положения договора или закона).

Полагаем, что выбранный в российском праве способ (через институт злоупотребления правом или, более общим образом, недобросовестное поведение) является корректным восприятием со стороны отечественного правоприменителя континентально-правового понимания принципа эстоппеля: разновидность злоупотребления правом (недобросовестного поведения). При этом следует рекомендовать отечественным судам более комплексно применять методологию, которую применяют зарубежные суды по установлению противоречивого поведения в вещных отношениях через тестирование на наличие трех

³⁸⁸ Лашков Н.С. Указ. соч. С. 112-114.

взаимосвязанных между собой элементов: обещание (заверение) в отношении вещи – экономический ущерб лица, находящегося в заблуждении – причинно-следственная связь между ними³⁸⁹.

Применение принципа вещного эстоппеля особенно актуальным и перспективным видится в отечественном обороте в спорах по самовольным постройкам, поскольку в случае самовольного строительства всегда возникает вопрос о том, следует ли признавать право собственности за лицом, которое возвело капитальное строительство. Мы можем наблюдать, как сегодня суды активно прибегают к запрету противоречивого поведения, чтобы защищать участников оборота и отказывать в исках о сносе самовольных построек. Так, в одном из споров суд постановил, что законодательство и сложившаяся судебная практика запрещают попустительство в отношении противоречивого и недобросовестного поведения субъектов гражданского оборота, которое не соответствует обычной коммерческой честности. Суд прямо констатирует нарушение принципа эстоппель, поскольку поведение администрации района не соответствует предшествующим заявлениям и поведению (при том, что другая сторона в своих действиях разумно полагалась на них)³⁹⁰. Интересным также является дело, в котором суд постановил, поскольку требования о сносе самовольной постройки были ранее заявлены истцом, но впоследствии истец от них отказался, в силу принципа эстоппель это исключает возможность повторной оценки и проверки доводов о наличии признаком самовольного строительства³⁹¹. Полагаем, что в подобных решениях можно говорить о применении вещного эстоппеля, поскольку следствием отказа в сносе самовольной постройки является

---

³⁸⁹ См. подробнее обзор английской судебной практики о вещном эстоппеле, включая описание критериев (элементов) установления противоречивого поведения собственников во стороны английских судей: Hudson S., Sloan B. Testamentary Freedom: Mutual Wills Might Let You Down. *Modern Studies in Property Law* / Ed. By Warren Barr. Vol. 8. Hart Publishing, 2015. P. 166-172.

³⁹⁰ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.02.2022 N Ф09-10493/21 по делу N А76-3008/2021 // СПС «КонсультантПлюс». Схожая правовая позиция наблюдается в следующих актах: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 06.06.2022 N 07АП-2445/2022 по делу N А45-23903/2021; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2017 по делу N А43-26857/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹¹ Постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01.09.2022 N Ф02-3519/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

возможность признания за лицом, которое построило объекты капитального строительства, его права собственности на такой объект, то есть финальной точкой является возникновение вещного права (или отказ в признании вещного права отсутствующим) на объект имущества.

Вторая категория злоупотреблений по критерию вида субъективного вещного права – это злоупотребления ограниченными вещными правами. Как мы ранее выяснили, существует закрытый перечень (*numerus clauses*) таких ограниченных вещных прав, которые уже были перечислены в предшествующей главе настоящего исследования.

Наиболее обширная практика по вопросу злоупотребления ограниченными вещными правами находится в сфере права ограниченного пользования чужим земельным участником (сервитут). Это не должно удивлять, поскольку, как пишет Д. А. Монахов, сервитуты являются самой многочисленной и разнообразной категорией вещного права и первым видом ограниченного вещного права, которые были призваны обеспечить эффективное экономическое взаимодействие и нормальное социальное общежитие³⁹². Так, в одном из дел лицу было отказано в установлении сервитута, поскольку под видом сервитута он фактически пытался получить право субаренды земельного участка, находящегося в аренде у ответчика, что признано злоупотреблением правом³⁹³. В ином деле лицо требовало установить сервитут на часть соседнего земельного участка, заявляя, что это единственный вариант доступа к его участку: в действительности суд постановил, что есть альтернативные варианты доступа к имуществу истца, а заявление требования об установлении сервитута является злоупотреблением правом на установление сервитута³⁹⁴.

Также отечественные суды квалифицируют в качестве злоупотребления правом такие обстоятельства, когда требование об установлении сервитута

---

³⁹² Монахов Д.А. Указ. соч. С. 6-7.

³⁹³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.08.2022 N Ф05-19375/2022 по делу N А41-66261/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.08.2024 N Ф05-29902/2022 по делу N А40-151431/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

направлено не на обеспечение доступа (прохода или проезда) к зданиям и сооружениям, а на приобретение в ограниченное пользование чужого участка в целях сокращения издержек и повышения эффективности коммерческой деятельности (т.е. исключительно экономические стимулы), что не соответствует целям законодательных положений о сервитуте, направленных на обеспечение минимально необходимого использования чужого имущества, а не на повышение эффективности за счет и в ущерб господствующего объекта недвижимости³⁹⁵.

Следовательно, принцип запрета злоупотребления правом имеет значительную роль в регулировании споров в сфере установления, изменения и прекращения сервитутов.

При этом встречаются ситуации, где поднимается вопрос о противостоянии права собственности и сервитута, то есть необходимо оценить все фактические обстоятельства и найти (восстановить) баланс между двумя вещными правами. Например, в одном из решений суд постановил, что возведение на земельном участке строения, которое препятствует лицу пользоваться земельным участком на условиях бессрочного сервитута для прохода и проезда, является злоупотреблением правом, в связи с чем обязал собственника демонтировать часть возведенного объекта на его земельном участке. В свою очередь, в удовлетворении встречных требований, которые заявлял собственник, было отказано³⁹⁶. Следовательно, суд обязал собственника к активным действиям в виде демонтажа части объекта капитального строительства в целях защиты интересов сервитутария на основе заявления о злоупотреблении вещным правом³⁹⁷.

В практике можно встретить в том числе злоупотребление и иными ограниченными вещными правами. Так, в одном из дел суд прекратил право пожизненного наследуемого владения земельным участком в связи с тем, что неиспользование владельцем земельного участка (включая, правопреемников) по

---

³⁹⁵ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.02.2023 по делу N 88-4563/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹⁶ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.05.2023 N Ф01-1740/2023 по делу N A82-9412/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹⁷ Карапетов А.Г. Указ. соч. С. 854.

назначению без уважительных причин нельзя признать добросовестным осуществлением прав (злоупотреблением принадлежащим вещным правом)³⁹⁸.

Также встречаются отдельные случаи, где сквозь призму принципа запрета злоупотребления правом рассматриваются право оперативного управления и право хозяйственного ведения³⁹⁹.

---

³⁹⁸ Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 29.03.2022 по делу N 33-1255/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹⁹ Определение ВАС РФ от 16.05.2013 N ВАС-5520/13 по делу N А60-5270/2010; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 02.10.2012 по делу N А19-1199/2012; Постановление ФАС Уральского округа от 06.02.2013 N Ф09-6692/10 по делу N А60-5270/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

3.2. Злоупотребления правом по статусу субъекта злоупотребления

Исследование случаев злоупотребления правом в вещных правоотношениях в российском праве показало, что часть злоупотреблений совершается частными субъектами, то есть физическими и юридическими лицами, а часть из них — публичными субъектами. В настоящем контексте под публичными субъектами мы понимаем публично-правовые образования, то есть РФ, субъекты РФ или муниципальные образования (в лице различных уполномоченных органов, которые выступают от их имени)⁴⁰⁰.

Злоупотребление вещными правами со стороны частных лиц нам понятны (в частности, злоупотребление общей собственностью супруга, классические споры между соседями, что будет рассмотрено отдельно). В этой классификации специфичным являются злоупотребления со стороны публичных субъектов.

В одном из споров г. Санкт-Петербург (в лице его органов исполнительной власти) изменил вид разрешенного использования испрашиваемого в аренду земельного участка, чтобы не предоставлять его в аренду. Суд квалифицировал действия г. Санкт-Петербурга как злоупотребление, поскольку эти действия были направлены на создание обществу препятствий в предоставлении ему земельного участка. На основании констатации факта злоупотребления (недобросовестного поведения) распоряжение об отказе было признано незаконным, и суд обязал уполномоченные органы города принять решение о предоставлении обществу земельного участка в аренду⁴⁰¹.

В ином деле Администрация г. Нижнего Новгорода не списала уничтоженные муниципальные объекты недвижимости и передала предприятию в хозяйственное ведение не существующие объекты недвижимости, что было расценено судами как злоупотребление правом на распоряжение «вещным правом» (которое, фактически, существовало только формально, поскольку существовала

---

⁴⁰⁰ Дондоков Ж.Д. Гражданская правосубъектность учреждений, являющихся органами публичной власти: дуалистический анализ // Российский юридический журнал. 2024. N 2. С. 90 - 101.

⁴⁰¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.07.2023 N Ф07-7833/2023 по делу N А56-50695/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

запись в ЕГРН, но его не было в действительности в связи с физическим отсутствием объекта). Признав такие действия злоупотреблением права, со ссылкой на статью 10 ГК РФ, суд признал право собственности и право хозяйственного ведения отсутствующим⁴⁰².

Аналогичным образом суд признал злоупотреблением права перераспределение администрацией городского поселения одного из районов Ленинградской области территориальных границ участков с целью исключения возможности лицу получить в собственность земельный участок. Такое злоупотребление вещным правом стало самостоятельным основанием для признания оспариваемых постановлений незаконными в силу статьи 10 ГК РФ⁴⁰³.

Следует отметить, что в текущей ситуации, с одной стороны, публичный субъект выступает как собственник земли и злоупотребляет принадлежащим ему правом собственности. С другой стороны, подобные злоупотребления тесно связаны с его публичными полномочиями как органа власти, поскольку предмет злоупотребления заключается в совершении таких действий, которыми он наделен в «эксклюзивном» порядке. Тезис подтверждается отечественным правоприменителем: в одном из споров суд прямо указал, что администрация, злоупотребляя правом, действовала не только как собственник, но и как публично-правовое образование⁴⁰⁴.

Следовательно, злоупотребления вещными правами со стороны публичных субъектов неразрывно связаны с публичным правом. И хотя наиболее распространенной точкой зрения в теории является то, что злоупотребление правом возможно только в частном праве, когда речь идет исключительно о классическом субъективном праве, отечественная судебная практика свидетельствует об обратном: возможно смешение и (или) соединение

---

⁴⁰² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.08.2023 N Ф01-4423/2023 по делу N А43-21295/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰³ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2022 N 88а-22599/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁰⁴ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.03.2020 N Ф01-8895/2020 по делу N А79-4779/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

злоупотребления вещным правом как субъективным правом, так и полномочиями публичных субъектов, когда у таких публичных субъектов одновременно есть и частный, и публичный интересы в отношении одного и того же объекта. Например, С.Е. Тюрин пишет о том, что возможно злоупотребление властью, называя этот феномен «публично-правовым злоупотреблением», который представляет собой действия властных субъектов по реализации своих дискреционных полномочий в пределах формальных предписаний права, но с нарушением внутренних пределов усмотрения в виде публичного интереса⁴⁰⁵. Аналогичная позиция высказывается и в иных исследованиях⁴⁰⁶.

Полагаем, это связано в первую очередь с тем, что в практической плоскости сложно провести четкую границу между частным и публичным интересом, или – частным и публичным правом⁴⁰⁷.

Таким образом, злоупотребление вещными правами может исходить как от частных, так и от публичных субъектов. При этом злоупотребления со стороны публичных образований (РФ, субъектов РФ, муниципалитетов) имеют особую природу: они возникают на стыке частного и публичного права, когда орган власти, действуя как собственник, одновременно использует свои властные полномочия. Типичные примеры включают необоснованное изменение разрешенного использования земельных участков, формальное распоряжение несуществующими объектами недвижимости или манипуляции с границами участков с целью ограничения доступа к ним.

Хотя в доктрине преобладает мнение, что злоупотребление правом относится исключительно к сфере частного права, практика демонстрирует иной подход. Публичные субъекты нередко используют свои дискреционные полномочия в противоречии с публичным интересом, что приводит к смешанным формам

---

⁴⁰⁵ Тюрин С.Е. Понятие публично-правового злоупотребления (злоупотребления властью) // Конституционное и муниципальное право. 2021. N 9. С. 8-11.

⁴⁰⁶ Ванин В.В., Мирошник С.В. Злоупотребление правом в частноправовых и публично-правовых отношениях // Гражданское право. 2020. N 5. С. 11-14.

⁴⁰⁷ Черепяхин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве / Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 93 – 120; Романовский С.В. Принцип сочетания частных и публичных интересов в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2008. С. 194.

злоупотреблений. Это подтверждает тезис о невозможности четкого разграничения частного и публичного интересов в подобных ситуациях, а также необходимость применения статьи 10 ГК РФ к действиям государства и муниципалитетов как участников гражданского оборота.

3.3. Злоупотребления правом по статусу лица, потерпевшего от злоупотребления

Предлагаемый критерий выделения отдельных видов злоупотребления правом в сфере вещного права смещает акцент на сторону гражданского оборота, которая пострадала от злоупотребления – пассивная сторона злоупотребления (в отличие от ранее рассмотренной классификации, где центром анализа являлся субъект злоупотребления – активная сторона злоупотребления).

Необходимость такой классификации обусловлена, на наш взгляд, наличием нескольких групп лиц, которые, претерпевая злоупотребления, требуют специального внимания и потенциально специальных мер защиты на уровне законодательства.

В этом контексте предлагается рассмотреть три вида злоупотреблений:

- а) злоупотребления, ограничивающие вещные права соседей на принадлежащее им недвижимое имущество («соседские злоупотребления»);
- б) злоупотребления в отношении совместных собственников (сособственников);
- в) злоупотребления супругов в отношении друг друга⁴⁰⁸; и
- г) злоупотребления в отношении лиц, находящихся под специальной социальной (государственной) защитой.

1. «Соседские злоупотребления»

В цивилистике положения, регулирующие соседские отношения, в основном анализируются сквозь призму ограничений в осуществлении права собственности на недвижимое имущество как часть права собственности (соседское право)⁴⁰⁹. Более того, часть исследований рассматривается вопросы соседских отношений преимущественно в контексте публичного права, из-за чего вопрос о соседских

---

⁴⁰⁸ Также встречаются злоупотребления собственников-супругов в отношении третьих лиц (кредиторов).

⁴⁰⁹ Остапенко А.Г. Правовое регулирование отношений между соседями, имеющими общие границы, посредством сервитутов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 23.

отношениях и потенциальных злоупотреблениях остается за периметром частного права⁴¹⁰.

«Соседские злоупотребления» – это условный термин, под которым мы понимаем злоупотребления вещными правами, в результате которых ограничиваются вещные права соседей на принадлежащее им имущество. Мы будем использовать этот термин, чтобы более наглядно отграничивать эту распространенную группу злоупотреблений от иных групп.

Схожее определение можно встретить в работах отечественных цивилистов⁴¹¹, а также в судебных решениях: злоупотребление соседскими правами – это осуществление субъектом отношений своего субъективного права вопреки его назначению и с нарушений законных прав, интересов и свобод иных участников отношений (соседей), принципов и духа права, нормального общежития, применение недопустимых (несоразмерных) правовых средств, наличие недобросовестности⁴¹². Как справедливо отмечает И.А. Емелькина, соседское право можно определить как систему гражданско-правовых норм, регламентирующих допустимые формы влияния собственника земельного участка на смежные территории, включая границы такого воздействия и соответствующую обязанность соседей его терпеть⁴¹³. При этом в широком понимании данная правовая категория охватывает весь спектр взаимных обязательств между соседями, которые могут выражаться как в необходимости совершения определенных действий, так и в воздержании от них. Такой подход позволяет рассматривать соседское право не только как ограничитель прав собственника, но и как механизм формирования взаимных правовых обязательств между

⁴¹⁰ Семенова Е.Г. Указ. соч. С. 40 – 46; Щербаков А.А. Соседские правоотношения: баланс интересов соседей и государства. Опыт Германии и Швейцарии // Правовые вопросы недвижимости. 2024. N 4. С. 32 - 35.

⁴¹¹ Андреев Ю.Н. Ограничения в гражданском праве России. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. С. 295 (номер страницы приводится по СПС «КонсультантПлюс»).

⁴¹² Решение Кизеловского городского суда Пермского края от 21.04.2022 N 12-12/2022 // СПС «КонсультантПлюс». С формальной точки зрения в рассматриваемом споре речь идет о соседских отношениях в рамках жилищного права, однако, полагаем, что предложенное судом определением можно использовать и в более широком контексте – применительно к соседским отношениям любого рода.

⁴¹³ Емелькина И.А. Институт ограничения права собственности в пользу соседей (соседское право) в российском праве и в праве отдельных европейских стран // Вестник гражданского права. 2016. N 2. С. 79 – 112; Емелькина И.А. Указ. соч. С. 399 – 414;

владельцами смежных земельных участков. Соседское право требует его возвращения в периметр частного права из сферы публичного права.⁴¹⁴

Анализ отечественной судебной практики свидетельствует о том, что в сфере вещного права посредством принципа запрета злоупотребления правом чаще всего разрешаются споры именно между соседями. Количество споров о соседских злоупотреблениях исчисляется тысячами. Ниже приведем некоторые из них, чтобы понять общий контекст ситуаций, которые исследуются судами и разрешаются через статью 10 ГК РФ:

1) лицо построило сооружением на своем участке таким образом, что лишило соседа права на застраивание его участка, поскольку, в соответствии со строительными нормами, не выполнялось требование о минимальном расстоянии между объектами капитального строительства. Суд применил статью 10 ГК РФ, постановив, что было злоупотребление вещным правом с целью причинения вреда соседу⁴¹⁵;

2) собственник земельного участка злоупотребил своим правом собственности: создал автономную систему отопления, в которой дымовой канал выходил на соседний участок (фактически мешал прохода и осуществлялись дымовые выбросы к соседу)^{416, 417};

3) сосед включал постоянно музыку в квартире, в том числе дистанционно, когда отсутствовал, исключительно с целью причинения вреда соседям. Суд признал такое поведение злоупотреблением пользования жилым помещением, а также постановил, что, с учетом продолжительности и систематичности этих действий они, безусловно, влияют на физическое и психологическое состояние соседа, качество его жизни, нарушают его право на покой и тишину в собственном

---

⁴¹⁴ Емелькина И.А., Сюбаева Ю.Д. Указ. соч. С. 8; Нам нужно учение о вещном праве, а не изменения в Гражданский кодекс [Интервью с И.О. Рыбаловым] // Закон. 2023. N 7. С. 8 - 18.

⁴¹⁵ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 18.10.2022 N 11-13456/2022 по делу N 2-3/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴¹⁶ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2023 по делу N 88-4333/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴¹⁷ Щербаков А.А. Основные виды соседских вмешательств по праву Германии и Швейцарии // Закон. 2024. N 10. С. 75 - 85.

жилище, препятствуют полноценному отдыху, вызывают у истца чувства незащищенности, беспомощности, беспокойства, обиды. Со ссылкой на злоупотребление правом суд взыскал с соседа-ответчика моральный вред в пользу истца (т.е. соседа, пострадавшего от злоупотребления)⁴¹⁸;

4) споры, в которых владелец жилья злоупотребляет своими правами, не позволяя сотрудникам управляющей компании войти в квартиру и не предоставляя доступ к инженерным коммуникациям для проведения работ по ремонту водопровода. Такие действия нарушают права и интересы соседей на благоприятную окружающую среду и безопасность в жилом помещении⁴¹⁹;

5) сосед чинил препятствия в пользовании общим помещением в общежитии (а именно – туалет общего пользования на этаже)⁴²⁰; и

6) лицо осуществляло заведомо недобросовестное использование жилого помещения с целью причинить вред соседям – на протяжении длительного времени нарушало права и законные интересы соседей, а также бесхозяйственно обращалось с жилым помещением, осуществляя его разрушение (ответчик продолжительный период не осуществлял ремонт жилого помещения, помещение было значительно загрязнено; окна были разбиты; помещение захламлено; ответчик выбрасывал в окно отходы; из жилого помещения исходили неприятные запахи; были тараканы)⁴²¹.

Можно привести неограниченное число примеров из практики с конфликтами между соседями (от сложных коммерческих споров между крупными предприятиями до примитивно-бытовых). Однако нас интересует здесь не столько всесторонний обзор случаев соседских конфликтов, сколько подход российского права к разрешению соседских споров через принцип запрета злоупотребления

⁴¹⁸ Решение Ломоносовского районного суда города Архангельска от 29.08.2024 № 2-4112/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴¹⁹ Заочное решение Ейского городского суда Краснодарского края от 26.02.2024 по делу № 2-653/2024; Заочное решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 17.09.2024 № 2-6526/2024~М-5009/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²⁰ Решение Лахденпохского районного суда Республики Карелия от 07.09.2023 по делу № 2-29/2023 // СПС «КонсультантПлюс» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²¹ Решение Шкотовского районного суда Приморского края от 29.09.2023 по делу № 2-1396/2023 // СПС «КонсультантПлюс» // СПС «КонсультантПлюс».

правом. Если в перечисленных выше случаях суды только ссылаются на статью 10 ГК РФ, то встречаются и более интересные ситуации, где суды прямо заявляют, что пункт 1 статьи 10 ГК РФ является прямым законодательно закрепленным правилом в сфере защиты соседских прав и интересов⁴²², именуя статью как «*О недопустимости злоупотребления правами соседа*»⁴²³, хотя, безусловно, такое название в законодательстве не фигурирует.

Соседские отношения, как объект правового регулирования, представляют собой сложный комплекс взаимодействий между собственниками земельных участков, пользователями недвижимости и иными субъектами, чьи интересы связаны с использованием смежных территорий. В мировой практике встречаются различные модели регулирования соседских отношений (соседских прав), каждая из которых отражает в какой-то степени особенности правовой системы, культурные традиции и исторический контекст конкретного государства⁴²⁴.

1) *Континентальная (романо-германская) модель*, характерная для стран Европы, таких как Германия, Швейцария, Франция, Испания, основывается на кодифицированном законодательстве. В рамках этой модели соседские права четко закреплены в гражданских и земельных кодексах. Основное внимание уделяется установлению границ земельных участков, определению минимальных расстояний для строительства, а также защите прав соседей на свет, воздух и тишину.

2) *Англо-американская модель*, основанная на принципах общего права, распространена в Великобритании, США и Канаде. В отличие от континентальной модели, здесь основную роль играет прецедентное право (судебные решения), а не кодифицированные нормы. Соседские отношения регулируются через институт частной зловредности (*private nuisance*), который позволяет защищать права

⁴²² Решение Мостовского районного суда Краснодарского края от 22.08.2022 по делу N 2а-1083/2022 // СПС «КонсультантПлюс» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²³ Решение Домодедовского городского суда Московской области от 30.05.2023 по делу N 2-182/2023(2-4656/2022) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²⁴ Gordley J. The Development of Liability Between Neighbours: Volume 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 1-28.

собственников от действий соседей, нарушающих их законные интересы⁴²⁵. Например, суды могут запретить строительство, которое блокирует доступ света к соседнему участку, или обязать компенсировать ущерб, причиненный чрезмерным шумом.

3) *Смешанная модель*, характерная странам постсоветского пространства (в частности, РФ), сочетает элементы континентальной и англо-американской систем, а также учитывает местные обычаи и традиции. Можно отметить, что в российском праве соседские отношения в отдельных вопросах регулируются нормами ГК РФ, ЗК РФ, ЖК РФ и иных нормативных актов. Особое внимание уделяется сервитутам как инструменту ограниченного пользования чужим земельным участком, а также защите прав собственников от действий, нарушающих их законные интересы. При этом значительную роль играют суд и разрешение конкретных споров, как мы увидели выше: практика по «соседским злоупотреблениям» обширна^{426,427}.

Несмотря на наличие теоретических исследований по вопросам соседских отношений (соседского права), в законодательстве отсутствует специальное, систематическое и последовательное регулирование таких отношений⁴²⁸. Вопросы, связанные с соседскими отношениями, сегодня преимущественно решаются на уровне судебной практики через применение и толкование отдельных норм вещного права, положений и норм публично-правовых актов и регламентов, а также, что наиболее важно в контексте настоящего исследования, принципа запрета злоупотребления правом. С долей условности можно сказать, что российское право выбрало в большей степени англо-американский сценарий, а не

⁴²⁵ См. подробнее о частной зловредности: Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учебное пособие / отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. С. 148-152 (номера страниц приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

⁴²⁶ Также можно говорить и о более экзотических моделях правового регулирования соседских отношений (соседских прав), в частности о (а) традиционной модели, где важную роль играют местные обычаи и традиции (это распространено в различных африканских странах, в некоторых азиатских государствах), а также об (б) исламской модели, где значительную роль играют правила шариата как основного источника права (например, можно встретить в странах Ближнего Востока).

⁴²⁷ Сябаева Ю. Д. Указ. соч. С. 50; Подшивалов Т.П. Модели регулирования соседских отношений собственников смежных объектов недвижимости // Семейное и жилищное право. 2019. N 5. С. 36 – 39; Подшивалов Т.П. Негаторный иск: проблемы теории и практики: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2019. С. 108-109 (номера страниц приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

⁴²⁸ Семенова Е.Г. Указ. соч. С. 40 - 46.

континентальный (сочетание обеих традиций и позволяет сделать вывод, что в РФ существует смешанная модель). Возможно, это и вовсе не выбор, поскольку с 2010-х гг. активно ведется дискуссия о легализации учения о соседских отношениях (соседских правах) на уровне ГК РФ, как это принято в континентальной традиции.

Сегодня положения, регулирующие соседские отношения, находятся в процессе формирования: существует законопроект, в соответствии с которым соседские права рассматриваются как ограничения права собственности на земельный участок в пользу соседа^{429,430}. В частности, проект предполагает введение следующих элементов учения и соседских отношениях.

Во-первых, предлагается ввести, положение, что лица, которые владеют соседними недвижимыми вещами, при осуществлении принадлежащих им вещных прав должны соблюдать ограничения, установленные в соответствии с ГК РФ в пользу соседей (соседские права), в том числе поддерживать свои недвижимые вещи в надлежащем состоянии (статья 225 проекта).

Во-вторых, можно увидеть пункт о том, что собственник земельного участка обязан осуществлять правомочия владения и пользования земельным участком с соблюдением прав и охраняемых законом интересов собственников (владельцев) соседних земельных участков (соседских прав) (абзац 1 пункта 1 статьи 293 проекта).

В-третьих, предложена идея о том, что можно считать соседними земельными участками: это соприкасающиеся участки, а также не соприкасающиеся участки, если последствия использования (эксплуатации) одного из участков оказывают влияние на использование другого (абзац 2 пункта 1 статьи 293 проекта).

В-четвертых, есть правило, что соседу необходимо претерпевать воздействие исходящих с соседнего земельного участка газов, паров, запахов, дыма, копоти, шумов, вибрации и иное воздействие, если это не оказывает влияния на

---

⁴²⁹ Проект Федерального закона N 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴³⁰ Андреев Ю.Н. Указ. соч. С. 5-6 (номера страниц приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

использование соседнего участка или же влияние не превышает установленных регламентов и нормативов, а также разумных пределов исходя из природы и местоположения земельных участков или из обычая (пункт 2 статьи 293 проекта).

В-пятых, проект позволяет соседям заключение о соглашении о том, какое поведение является допустимым в их соседских взаимоотношениях (иными словами, договорным способом перестроить периметр «соседских злоупотреблений»).

Наконец, предлагается введение статьи, которая именуется «Содержание соседских прав». В этой статье подробным образом перечислено поведение (действия или бездействия), которые считаются разрешенными или, наоборот, запрещенными. В частности, нельзя возводить канализационные сооружения, приводящие к загрязнению соседнего участка; возводить здания или сооружения, которые будут оказывать негативное воздействие на соседний участок; сооружать колодец, который обвалит грунт соседнего участка; подсыпать землю на свой участок так, если это повредит соседнему участку, и иное (пункт 1 статьи 294 проекта).

В этом же контексте законодатель предлагает закрепить и границы дозволенного поведения (например, требовать от соседа в разумной степени участвовать в строительстве совместной стены между участками; срезать и оставлять себе корни деревьев, которые мешают использовать участок и иное) (пункт 2 статьи 294 проекта)⁴³¹.

Фактически, статья 294 предоставляет перечень того, что сосед может делать, а что запрещено. Как мы увидели на практике, многие из этих случаев становятся предметом споров между соседями и разрешаются на основе статьи 10 ГК РФ, то есть прибегают к помощи принципа запрета злоупотребления правом. На наш взгляд, поскольку «соседские злоупотребления» являются наиболее распространенной категорией злоупотреблений в сфере вещного права, следует

---

⁴³¹ Емелькина И.А., Курмаева Ю.Д. Особенности гражданско-правовой защиты интересов собственников и иных владельцев соседних земельных участков // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. N 12. С. 39 - 49.

установить законодательные пределы и ограничения в отношении соседских отношений. Это позволит снизить количество споров между соседями⁴³².

Сам путь регламентации соседских отношений (соседских прав) следует поддержать и оценить положительно, однако проект 2012 г. имеет ряд недостатков.

Во-первых, предлагается регулировать только вопросы соседских земельных участков, хотя соседские отношения являются проблемой не только в контексте земельных участков, а в контексте всех видов недвижимого имущества (в частности, жилых и нежилых помещений). Полагаем, что положения законопроекта следует распространять на любое недвижимое имущество.

Во-вторых, предлагаемая статья 294 не учитывает большое количество случаев, которые следовало бы также прямо запретить или разрешить (в частности, вопросы, связанные с эксплуатацией жилых и нежилых помещений).

В-третьих, предложения не учитывают разницы между обычными физическими лицами и коммерческими субъектами. Полагаем, что некоторые запреты должны работать только для коммерческих субъектов, но не работать для физических лиц (например, если соседствует домохозяйство и большой торговый центр (далее – **ТЦ**), видится странной обязанность домохозяйство допускать строителей ТЦ на свой участок). Иными словами, требуется более детальная проработка и дифференцированный подход в зависимости от субъекта, владеющего земельным участком, и целей использования такого земельного участка. Предложение о том, что следует брать во внимание субъектный состав «соседей», в частности, отмечается в работе Ю.Д. Сюбаевой⁴³³.

В-четвертых, есть вопросы к форме и существенным условиям соглашения об урегулировании соседских отношений, которое могут заключить соседи между собой. Кроме того, возникает вопрос и более теоретико-философского характера: может ли закон позволять договориться о том, что не будет, по мнению соседей, считаться «соседским злоупотреблением»? И в какой степени такое соглашение

---

⁴³² Там же.

⁴³³ Сюбаева Ю.Д. Некоторые особенности разрешения соседских конфликтов, связанных с деятельностью юридических лиц // Юрист. 2021. N 4. С. 46 - 50.

между соседями будет исполнимым в российских судах по российскому праву? Поскольку статья 10 ГК РФ является императивной, такое соглашение о том, что будет считаться или не считаться «соседским злоупотреблением» видится спорной и заслуживающей более подробной регламентации и разъяснений на уровне вышестоящих судов.

Следовательно, следует поддержать легализацию учения о соседских отношениях (соседских правах) в отечественном законодательстве, при этом следует его немного скорректировать и доработать. Основная цель легализация учения о соседских отношениях (соседских правах) – это предотвращение споров между владельцами смежных участков, а в случае возникновения разногласий – создание механизмов для их мирного урегулирования. Законодатель обязывает собственников терпеть определенные действия соседей, однако устанавливает четкие ограничения, за рамками которых такое воздействие становится неправомерным. Таким образом, фиксируются допустимые границы реализации собственнических прав, а также предусматриваются меры ответственности за их нарушение. В соответствии с проектом, владелец земельного участка обязан реализовывать свои правомочия владения и пользования с учетом законных интересов соседних собственников (так называемых соседских прав).⁴³⁴

Примечательно, что в процессе обсуждения положений о вещном праве в рамках разработки изменений в ГК РФ нормы, касающиеся соседских отношений, не стали предметом активных дискуссий. Полагаем, это связано с тем, что их принятие не несет в себе дополнительных угроз для предпринимательской деятельности или органов власти, поскольку они в первую очередь регламентируют взаимодействие частных владельцев земельных наделов и расположенных на них построек, особенно в условиях загородной местности.⁴³⁵

В качестве промежуточной меры мы видим целесообразным подготовку разъяснений на уровне ВС РФ в отношении соседских отношений (соседских прав).

---

⁴³⁴ Задача соседского права - заставить считаться с интересами соседей и до разумных пределов переносить неудобства, которые причиняет соседство [Интервью с И.А. Емелькиной] // Закон. 2024. N 10. С. 8 - 16.

⁴³⁵ Там же.

В первую очередь в разъяснениях можно описать основные идеи, которые содержатся в законопроекте, с учетом некоторых корректировок. Также возможно систематизировать основные позиции судов по разрешению споров соседей и применение принципа запрета злоупотребления правом в таких спорах.

2. Злоупотребления в отношении совместных собственников (сособственников)

Отдельного внимания заслуживают злоупотребления правом со стороны лиц, являющихся сособственниками. Основные права сособственников имущества в РФ регулируются ГК РФ, который выделяет два типа общей собственности: долевую и совместную.

В судебной практике встречается множество дел, когда разногласия между сособственниками или пассивное поведение одного из сособственников нарушает права и законные интересы остальных сособственников. Так, в одном из дел трем лицам на праве общей долевой собственности принадлежало нежилое помещение, которое было сдано в аренду обществу. Общество систематически не платило арендную плату, в связи с чем один из сособственников систематически направлял претензии обществу, после чего выразил намерение расторгнуть договор аренды в судебном порядке. Требования истца были удовлетворены. Иные сособственники, опираясь на статью 246 ГК РФ, указали на нарушение их прав сособственников. По их мнению, истец не мог требовать расторжения договор аренды в отсутствие их согласия в качестве сособственников. Суд апелляционной инстанции признал поведение сособственников злоупотреблением правом сособственников, поскольку такое поведение ставило истца в заведомо неравное и невыгодное положение, при котором для арендатора создается возможность не исполнять принятые на себя обязательства при оплате арендных платежей и продолжать при этом пользование арендуемым помещением без негативных последствий⁴³⁶.

---

⁴³⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.06.2023 N Ф07-5330/2023 по делу N А56-88169/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Российские суды стремятся учитывать интересы собственников и принимать решения в интересах большинства собственников. Такой подход следует оценивать положительно, поскольку он позволяет преодолевать препятствия, создаваемые отдельными собственниками (на практике, обычно, это один из собственников). В качестве иллюстрации можно привести дело, в котором суд пришел к выводу, что формальное несогласие одного из собственников о порядке использования общего имущества в здании (в отсутствие нарушения конкретных прав) представляет собой злоупотребление правом, препятствующее другим собственникам общего имущества в реализации прав последних⁴³⁷. Наблюдается тенденция, что суды активно используют концепцию запрета злоупотребления правом при разрешении споров между собственниками и применяют тест «баланса интересов собственников», под которым понимается равное участие в отношениях по поводу имущества и несении бремени на его содержание⁴³⁸.

Отдельной особенностью злоупотребления вещным правом в контексте создания препятствий является проблема «микродолей» в общей долевой собственности. Такая проблема является весьма актуальной для «мажоритарных» собственников помещений, поскольку «миноритарный» собственник (то есть собственник микродоли), вправе осуществлять вещные права по отношению к объекту собственности наравне с «мажоритарными» собственниками. В частности, такой «миноритарный» собственник может шантажировать «мажоритарного» собственника посредством завышения покупной цены его доли, поскольку последний имеет преимущественное право приобретения такой доли; злоупотреблять своим вещным правом так, что может сдавать микродолю в общей долевой собственности в аренду, регистрировать неограниченное число людей в

---

⁴³⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.04.2024 N Ф09-1237/24 по делу N А50-19142/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴³⁸ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.02.2024 N Ф09-225/24 по делу N А60-20748/2023; Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.10.2009 N 7349/09 // СПС «КонсультантПлюс».

квартире на основании своей микродоли и иное⁴³⁹. Иными словами, «миноритарный» собственник может действовать с явной целью причинение вреда сособственнику без наличия формальных ограничений⁴⁴⁰.

Например, в практике ВС РФ есть дело, в котором лицо подало иск о вселении в квартиру, где она владела 1/40 долей. Суд оставил иск без удовлетворения, выделив следующие ключевые аспекты:

- 1) наличие доли в праве собственности не предоставляло автоматического права на вселение в квартиру, где была только часть имущества; и
- 2) суд сделал пояснение, что «микродоли» — это такие доли, права на которые невозможно реализовать каким-либо иным способом, кроме как через компенсацию.

Как следствие, лицо не смогло бы выделить свою долю в квартире (размер которой не превышал одного квадратного метра) таким образом, чтобы использовать ее как полноценное жилое помещение, как это трактуется в ЖК РФ⁴⁴¹.

В 2012 г. Президент РФ представил в ГД РФ законопроект⁴⁴², направленный на предотвращение дробления объектов, то есть была предпринята попытка решить вопрос микродолей. Однако этот законопроект не был принят, и правовая защита от недобросовестных сособственников не была решена. Предлагались и иные инициативы⁴⁴³.

⁴³⁹ Дерницкая А.Э. Проблема злоупотребления правом собственниками микродолей в праве на жилые помещения / А.Э. Дерницкая // E-Scio. 2020. N 9 (48). С. 42 - 46.

⁴⁴⁰ Пряженникова А.С., Авзалов И.М. «Профессиональные соседи» как социальный терроризм // Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления: материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Саранск: ЮрЭкс-Практик, 2020. С. 174 - 180.

⁴⁴¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 декабря 2013 г. N 4-КГ13-32 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴² Проект Федерального закона N 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴³ В частности, планировалось запретить вселение и регистрацию гражданина в жилом помещении, если его доля меньше установленной нормы, предусмотренной статьей 50 ЖК РФ. Этот законопроект был принят лишь в первом чтении, но при этом не был принят окончательно. См.: Проект Федерального закона N 346930-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 21.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

В 2022 г. российский законодатель все же предпринял конкретные шаги по решению вопроса микродолей: в 2022 г. в статью 30 ЖК РФ были внесены изменения, определяющие, что площадь жилого помещения, находящаяся в собственности каждого из собственников, не может быть менее 6 м² общей площади⁴⁴⁴. За прошедшие несколько лет сформировалась судебная практика, блокирующая распоряжение микродолями или использование помещений владельцами микродолей⁴⁴⁵.

Безусловно, следует приветствовать шаги по разрешению проблемы, которая существует на протяжении многих лет, однако выбранный механизм определения конкретного цифрового параметра (метража) может быть подвергнут критике в силу следующего.

Во-первых, отсутствует понимание, почему законодатель выбрал именно 6 м² при определении «микродоли». Материалы, сопровождающие принятие изменений в ЖК РФ, не содержат разъяснений (например, нет информации в пояснительной записке)⁴⁴⁶. Более того, сам по себе критерий конкретной цифры является неподвижным и создает маневры для злоупотреблений (например, с формальной точки зрения доля в размере 6,1 м² не подпадает под введенный запрет, при этом общая площадь имущества может быть настолько большой (например, 300-500 м²), что такая доля в пропорциональном выражении может быть сильно меньше, чем доля в размере 6 м² в маленькой квартире с площадью 18 м²).

Во-вторых, введение ограничения в ЖК РФ формально оставляет нерешенным вопрос вне периметра жилищного права (например, если речь идет про разделение имущества между наследниками или при приобретении доли в качестве социальной гарантии ребенка при инвестировании материнского

---

⁴⁴⁴ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. N 310-ФЗ "О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴⁵ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09.04.2024 N Ф06-2430/2024 по делу N А57-5470/2023; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.11.2023 N Ф05-28642/2023 по делу N А40-275969/2021; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.09.2024 N Ф09-6045/24 по делу N А50-28844/2022.

⁴⁴⁶ Пальцева Е.С. Микродоля в жилом помещении: правовой эффект введенных ограничений в статью 30 Жилищного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2024. N 1. С. 33 - 35.

капитала)⁴⁴⁷. Кроме того, следует учитывать, что проблема микродолей может проявляться не только в сфере жилищного права, но и при владении нежилыми помещениями, земельными и лесными участками.

В-третьих, остается нерешенным вопрос о том, как быть с микродолями, которые уже существовали по состоянию на 1 сентября 2022 г., когда вступили изменения в статью 30 ЖК РФ. Так, в одном из дел суд признал владельцев 1/1200 доли в квартире общей площадью 33,4 м² собственниками, чьи интересы необходимо учитывать при рассмотрении спора, поскольку их права были приобретены до вступления изменений в ЖК РФ в силу⁴⁴⁸. Следовательно, большой массив жилья так и остается ограниченным в обороте, а собственник таких помещений подвержен риску злоупотреблений со стороны владельцев микродолей.

Несмотря на приводимую критику судебная практика свидетельствует о том, что ограничение в размере 6м² рассматривается только как элемент общего юридического механизма, призванного защищать права и справедливый баланс интересов участников долевой собственности. Высшие судебные инстанции прямо признают, что если конкретный критерий в виде 6м² не сможет защитить сособственника, то следует использовать абстрактный критерий – наличие (отсутствие) реальной возможности пользования жилым помещением без нарушения прав иных лиц при вселении собственника доли в праве общей собственности⁴⁴⁹. Полагаем, что подобный двухступенчатый механизм – сочетание конкретного и абстрактного критерия – это верный и взвешенный подход к разрешению проблемы микродолей, который следует приветствовать. При этом, на наш взгляд, судам следует точнее сформулировать абстрактный критерий, уточнив,

⁴⁴⁷ Быковская Е.А. Запрет на продажу микродолей в жилом помещении как способ защиты интересов собственников / Е.А. Быковская // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2023. N 1 (16). С. 47 - 52.

⁴⁴⁸ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31.10.2024 N 88-26247/2024 (УИД 77RS0028-02-2022-001736-64) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 N 682-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Семеновой Елены Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации»; Определение Верховного Суда РФ от 03.12.2013 N 4-КГ13-32; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.06.2016 N 67-КГ16-3 // СПС «КонсультантПлюс».

что может свидетельствовать о невозможности владельца микродоли пользоваться жилым помещением при вселении в помещение.

Кроме того, следует разработать механизм, позволяющий «разблокировать» имущество, которое исторически было раздроблено (то есть до вступления в силу изменений в ЖК РФ 1 сентября 2022 г.). Например, предусмотреть механизм принудительного выкупа, позволяющий консолидировать имущество в руках мажоритарного владельца. Такая позиция ранее уже озвучивалась⁴⁵⁰. В частности, П.В. Крашенинников считает, что, хотя право принудительного выкупа незначительной доли ограничивает действие долевой собственности, установление такого механизма в гражданском законодательстве видится целесообразным⁴⁵¹.

Обозначенная проблема является сложной и вызывает множество обсуждений как в отечественной, так и в зарубежной научной среде. Во-первых, механизм принудительного выкупа противоречит ключевому принципу частного права – неприкосновенности частной собственности. Во-вторых, если правопорядок решает поступиться интересами одного частного лица ради другого (частного или государственного), возникает вопрос о том, при каких условиях будет проводиться изъятие и какую сумму компенсации можно считать справедливой⁴⁵².

Что касается первого аспекта, стоит отметить, что любое правило имеет право на исключение при наличии особой цели. В данном случае речь идет о том, что без принудительного выкупа сособственники (мажоритарные владельцы) могут быть не в состоянии использовать принадлежащее им имущество по назначению. Следовательно, принудительный выкуп следует рассматривать как крайний случай – исключительную меру⁴⁵³.

---

⁴⁵⁰ Филатова У.Б. Институт права общей собственности в странах романо-германской правовой семьи (Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и России): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 317-319.

⁴⁵¹ Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой/ под ред. П. В. Крашенинникова. - М.: Статут, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁵² Огибалова А.С. Принудительный выкуп недвижимого имущества в публичных интересах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации № 1/2025. С. 173-174.

⁴⁵³ См. подробнее об исключительном характере принудительного выкупа: Staley S. The Proper Uses of Eminent Domain for Urban Redevelopment. Is Eminent Domain Necessary? London. 2010. P. 40-41.

Фактически, в ситуации с «микродолей» речь идет о так называемой проблеме сдерживания (*holdout*)⁴⁵⁴. Это ситуация, когда какое-то лицо не позволяет реализовывать иным лицам их права в связи с тем, что не предоставляет прямое согласие / не идет на компромисс / уклоняется от каких-либо действий. С точки зрения экономического анализа права, Р. Познер предлагает решать проблему сдерживания непосредственно через механизм принудительного выкупа: по мнению ученого, принудительный выкуп может предотвратить (прекратить) монополию отдельного владельца, препятствующего остальным участникам оборота осуществлять их права⁴⁵⁵. Предлагаемый метод снижает транзакционные издержки общества и в целом положительно влияет на экономику общества, поскольку позволяет разблокировать имущество, которое может «сдерживаться» (*holdout*) недобросовестным владельцем⁴⁵⁶. К сожалению, на текущий момент механизм принудительного выкупа «микродолей» отсутствует. В связи с чем мы считаем целесообразным легализовать такой механизм в российском праве.

Важно иметь в виду, что механизм принудительного выкупа необходимо сопровождать справедливой компенсацией, которую будет получать миноритарий (владелец микродолей). Как бы это не было парадоксально, но с экономической точки зрения, лицо, которое злоупотребляет вещным правом, должно получить справедливую компенсацию за изъятие имущества (иными словами, лишение субъективного вещного права). Зарубежный опыт наводит на мысль о том, что справедливой компенсацией может быть следующее: 1) рыночная стоимость имущества; или 2) рыночная стоимость + надбавка за принудительный выкуп (который является по своей правовой природе штрафной неустойкой за навязанную

⁴⁵⁴ Lopez E.J., Clark J.R. The Problem with the Holdout Problem // Review of Law and Economics, Volume 9, Issue 2. 2013. – URL: <https://ssrn.com/abstract=2522458>. В отечественной литературе проблема сдерживания (*holdout*) упоминалась в следующих работах: Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.К. Байрамкулов, О.А. Беляева, А.А. Громов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2020. С. 897 (номер страницы приводится по СПС «КонсультантПлюс»); Глазунов А.Ю. Ответственность миноритарных участников корпораций за нарушение фидуциарных обязанностей: возможна ли такая конструкция? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. N 4. С. 17-18 (номера страниц приводятся по СПС «КонсультантПлюс»); Мохова Е.В., Яцук Н.П., Лиджанова А.Э. Forum shopping и конкуренция регулирования в трансграничных банкротствах и реструктуризациях // Закон. 2020. N 9. С. 97 - 114.

⁴⁵⁵ Познер Р. Экономический анализ права: в 2 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 76.

⁴⁵⁶ Огибалова А.С. Указ. соч. С. 187.

сделку). Например, в США используется 30% надбавка от рыночной стоимости имущества⁴⁵⁷. Вопрос является дискуссионным, поскольку такая надбавка может стимулировать злоупотребления (лицо будет заинтересовано в злоупотреблении вместо продажи, поскольку в таком случае цена имущества будет превышать рыночную на 30%). Кроме того, само по себе установление конкретного критерия содержит в себе элемент случайности и некоего обобщения, и, как следствие, несправедливости применения в различных обстоятельствах одного и того же критерия.

На наш взгляд, более справедливым и эффективным следует рассматривать выкуп исключительно по рыночной цене. С одной стороны, это не будет создавать дополнительные стимулы для субъекта злоупотребления; с другой стороны, не будет сводиться к конфискации, подрывающей прочность оборота и принципа неприкосновенности собственности⁴⁵⁸.

Институт общей собственности порождает особую правовую ситуацию, при которой злоупотребление правом собственности со стороны одного из собственников требует специального правового регулирования, существенно отличающегося от подходов к иным видам злоупотреблений в вещных правоотношениях. Это обусловлено уникальной природой отношений между собственниками, характеризующихся, во-первых, полной симметричностью правомочий в отношении общего объекта, что исключает какую-либо информационную асимметрию между участниками. Во-вторых, данные отношения носят характер вынужденного взаимодействия, при котором любой акт распоряжения или пользования имуществом со стороны одного собственника неизбежно затрагивает правовое положение других участников, лишенных возможности простого прекращения этих отношений без существенных имущественных потерь.

---

⁴⁵⁷ Огибалова А.С. Указ. соч. С. 200.

⁴⁵⁸ Niemann P., Shapiro P. Compensation for Taking When Both Equity and Efficiency Matter, in: Benson B.L., ed. Property Rights: Eminent Domain and Regulatory Takings Re-Examined. London, 2010. P. 56; Plassmann F., Tideman T.N. Accurate Valuation in the Absence of Markets. Public Finance Review. 2005. Vol. 36. P. 340-345; Огибалова А.С. Указ. соч. С. 200-205.

Такая правовая конструкция создает особый режим повышенного доверия и взаимных ожиданий между сособственниками, в силу чего злоупотребление правом в данном случае представляет собой не просто нарушение абстрактных правовых норм, но подрыв самих основ института совместного владения. При этом негативные последствия подобных злоупотреблений обладают выраженным системным характером: будучи направленными формально против одного из сособственников, они фактически дестабилизируют весь имущественный комплекс, создавая «эффект домино» для всех участников отношений общей собственности. В этой связи представляется объективно обоснованным установление для таких правоотношений особого, более строгого режима мер (последствий) по сравнению с иными случаями злоупотреблений в вещных правоотношениях.

Особого внимания заслуживает вопрос дифференциации мер ответственности в зависимости от правового статуса нарушителя. Если в отношении обычных граждан (физических лиц) могут применяться традиционные меры гражданско-правовой защиты, то для сособственников, осуществляющих предпринимательскую деятельность, требуется разработка специальных механизмов. Это объясняется тем, что предпринимательская деятельность по своей природе носит рисковый характер, а злоупотребления в данной сфере создают угрозы не только конкретному бизнесу, но и стабильности всего имущественного оборота. Введение для данной категории лиц особых мер воздействия, таких как принудительный выкуп доли с компенсацией, обусловлено необходимостью: 1) минимизации специфических предпринимательских рисков; 2) защиты интересов добросовестных участников экономической деятельности; 3) предотвращения блокирования коммерчески значимых активов; и 4) обеспечения устойчивости гражданского оборота в целом. Такая дифференциация, на наш взгляд, может соответствовать принципам пропорциональности и справедливости гражданско-правового регулирования.

В качестве практической рекомендации решения вопроса с микродолями считаем целесообразным ввести правило, запрещающее дробление, которое может

повлечь невозможность владеть и пользоваться частью общего имущества, соразмерной части этой доли, в соответствии с его назначением. Полагаем, что следует включить это правило в статью 246 ГК РФ (например, в следующей формулировке: *«Доля в праве общей собственности не может быть разделена на части, если в результате такого разделения владение, пользование или распоряжение соответствующей частью общего имущества станет невозможным либо существенно затруднится с учетом его назначения. В случае спора вопрос о допустимости дробления доли разрешается судом с учетом интересов всех собственников»*.)

По мнению автора, формулировка обладает следующими преимуществами:

- a) формулировка *«невозможность либо существенное затруднение»* позволяет учитывать не только абсолютную недопустимость раздела (например, при физической неделимости имущества), но и ситуации, когда формальное дробление доли делает её использование крайне затруднительным или экономически невыгодным. Это предотвращает создание технически возможных, но практически нежизнеспособных долей;
- b) прямое указание на необходимость учета назначения объекта (жилое, коммерческое, земельное и др.) обеспечивает дифференцированный подход. Суды и участники правоотношений смогут оценивать допустимость дробления исходя из реальной функциональности имущества, а не только его формальных характеристик;
- c) правило об учете интересов собственников при решении споров будет направлено на исключение произвольных решений, а также будет гарантировать, что итоговое определение будет учитывать интересы всех собственников, а не одного из них;
- d) фраза *«не может быть разделена на части»* охватывает все возможные основания для дробления – как добровольные (сделки), так и вынужденные (наследование, раздел супружеского имущества). Это минимизирует пробелы в регулировании и снижает риски злоупотреблений.

Как следствие, предлагаемая норма создает сбалансированный механизм, обеспечивающий защиту прав добросовестных собственников от необоснованного дробления долей, повышает определенность судебной практики и препятствует искусственному созданию проблемных микродолей, что полностью соответствует принципам разумности и добросовестности, закрепленным в ГК РФ, и способствует поддержанию стабильности гражданского оборота.

3. Злоупотребление правом в вещных отношениях между супругами

Отдельный вопрос в контексте злоупотреблений общей собственностью – злоупотребления со стороны супругов. Эта проблема находится на стыке гражданского права и семейного права, то есть является межотраслевой. Большое количество судебной практики посвящено злоупотреблениям со стороны супругов.

Так, в одном из дел супруги, разрывая брак, разделили свое имущество и стали совладельцами квартиры. Один из супругов препятствовал доступу другого в общую квартиру и в течение двух лет сдавал ее в аренду. Ключевой идеей здесь является то, что использование долевой собственности было нарушено, поскольку один из супругов, стремясь к финансовой выгоде, единолично передал квартиру в аренду, извлекая из этого прибыль. Суды обоснованно отметили, что право участников долевой собственности на владение, пользование и распоряжение имуществом не может трактоваться как разрешение для одного владельца нарушать такие же права собственника-супруга. Интересы одного собственника не могут быть противопоставлены интересам остальных. Условие о единоличном использовании жилого помещения и получении дохода без согласия других владельцев считается незаконным, так как согласно пункту 4 статьи 1 ГК РФ, никто не вправе извлекать выгоду из собственного недобросовестного поведения⁴⁵⁹.

Так, в одном из судебных решений один супруг оказался в состоянии банкротства, из-за чего его имущество было включено в конкурсную массу. Второй супруг, стремясь выделить имущество из этой массы, обратился в суд с иском о

---

⁴⁵⁹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2023 N 88-13084/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

признании здания самовольной постройкой. Однако суд отказал в удовлетворении иска. Суд второй инстанции выявил наличие злоупотребления правом со стороны истца. Он отметил, что текущий иск о признании здания самовольной постройкой и исключении его из совместно нажитого имущества был подан несмотря на наличие уже вынесенного судебного акта, который подтверждал, что указанное здание является совместной собственностью супругов. Следовательно, подачу такого иска следует расценивать как попытку обойти нормы законодательства с целью вывести имущество из конкурсной массы, что неправомерно⁴⁶⁰.

Управомоченные лица нередко используют потенциал правовых средств, предоставленных действующим правопорядком, для сокрытия имущества, которое может быть обращено в собственность кредиторов на основании исполнительных документов или в рамках процедуры банкротства. Наиболее ярким примером подобного злоупотребления является использование правового режима имущества супругов, который до сих пор не является сформированным, поскольку положения статьи 34 СК РФ прямо противоречат положениям судебной практики при определении имущественного режима супругов: если СК РФ исходит из общности имущества⁴⁶¹, то судебная практика указывает на раздельность имущества супругов, если оно было профинансировано за счет личных средств супруга уже в браке⁴⁶².

В данном случае действует так называемая теория трансформации имущества супруга, когда его имущественное право вне зависимости от изменения правового состояния (вступления в брак) остается неизменным, вследствие чего оно может быть использовано для целей ухода из-под обращения взыскания на такое имущество. Подобная ситуация не является для мировой правовой традиции новой, поскольку в англо-американской системе активно развит такой механизм

---

⁴⁶⁰ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2020 по делу N 88-10981/2020, 2-138/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁶¹ См.: ст. 36 Семейного кодекса РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁴⁶² См.: абз. 4 п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // РГ. № 219. 11.18.1998 // СПС «КонсультантПлюс».

как «трейсинг» (*tracing*)⁴⁶³ активов, когда лицо, достоверно обладающее сведениями о принадлежности ему имущества и претендующее на получение своего имущественного права, вправе требовать обособления соответствующей имущественной массы⁴⁶⁴. Как отмечает Е.В. Блохина, трейсинг имеет тесную связь с проблемой мнимого держания имущества. Имущество, которое приобретено на средства должника и оформленное в собственность номинала, может быть изменено, обменяно, реализовано и иное. Трейсинг, фактически, представляет собой механизм перенесения права с одной вещи на другую.⁴⁶⁵ При этом применение подобного механизма защиты имущества и имущественных прав возможна в системах, где признается раздельность имущества супругов, а не их общность.

Для российской системы общности имущества и частичной общности обязательств действуют свои механизмы, которые направлены на предотвращение злоупотреблений вещным правом при банкротстве. В частности, во избежание злоупотреблений вещным правом супруга, что выражается в сокрытии имущества на условном держании другим супругом или третьим лицом, целесообразно было бы включить в текст СК РФ положение о том, что в период производства по делу о банкротстве одного из супругов запрещается требовать выдела доли из совместно нажитого имущества.

Этот вопрос связан с обсуждением в вещном и обязательственном контексте следующих проблемных аспектов: (i) проблемы обращения взыскания и реализации общего имущества гражданина, признанного несостоятельным, а также (ii) проблемы раздела общего имущества супругов при признании одного из супругов несостоятельным. Обозначенные проблемы представляют собой «разные стороны одной медали» в контексте наполнения конкурсной массы при банкротстве гражданина. В зависимости от модели преимущество отдается

---

⁴⁶³ От англ. *tracing* – прослеживание.

⁴⁶⁴ Smith L.D. *The Law of Tracing*. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 38-40.

⁴⁶⁵ Блохина Е.В. Банкротные способы защиты прав кредиторов в случае оформления активов должника на подставных лиц // *Цивилист*. 2023. N 1. С. 54 - 60.

(i) гражданину (допускается раздел общего имущества супругов с последующим исключением его из конкурсной массы) (вещно-правовой способ защиты) или (ii) кредиторам (допускается включение общего имущества супругов в конкурсную массу с последующей пропорциональной выплатой доли супруга, не являющегося банкротом, в денежном эквиваленте – обязательственно-правовой способ защиты).

Первая модель отражена в положениях о банкротстве индивидуального предпринимателя, поскольку она предполагала раздел общей собственности супругов для целей наполнения конкурсной массы⁴⁶⁶. Вторая же модель отражена в пункте 7 статьи 213.26 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и предусматривает обязательственный способ защиты права супруга, не являющегося банкротом, поскольку предоставляет право на участие гражданина в деле о банкротстве гражданина при решении вопросов, связанных с реализацией общего имущества. Следовательно, в первом случае супругу, не являющемуся банкротом, предоставляется имущество (вещно-правовой способ защиты), а во втором случае – право на денежные средства, вырученные от реализации такого имущества (обязательственно-правовой способ защиты).

Аналогичный подход применительно к предоставлению способам защиты имущественных прав супруга представлен в доктрине. Позиция относительно возможности общего раздела имущества супругов при обращении на него взыскания основывается на экономических предпосылках, связанных с тем, что продажа единого имущественного комплекса (например, квартиры, а не долей в квартире) будет более целесообразной с экономической точки зрения.

Сторонники описанного общественно-ориентированного подхода, касающегося раздела общего имущества супругов, полагают, что «прямая реализация на торгах имущества, являющегося совместной собственностью банкрота и его супруга, игнорирует права последнего как сособственника. Это также относится к удержанию сумм, причитающихся супругу от продажи общего

---

⁴⁶⁶ См.: п. 18 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» // Вестник ВАС РФ. № 9. 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

имущества, для погашения солидарных обязательств, без предварительного обращения к нему в установленном порядке»⁴⁶⁷. Некоторые авторы подчеркивают, что данное положение, указанное в законе, ущемляет права супругов как собственников по сравнению с другими формами совместной собственности и противоречит нормам права собственности с теоретической точки зрения. Следовательно, главная идея сторонников общественно-ориентированного подхода заключается в том, что супруг-собственник оказывается в уязвимом положении, когда невозможен раздел общего имущества, так как действующее законодательство не предоставляет альтернативных гарантий в такой ситуации.

При этом доводы сторонников «кредиторского подхода» также весьма рациональны. В частности, П.А. Ломакина следует общей линии, заданной А.В. Егоровым, которая сводится к тому, что право на денежное предоставление супругу, чье общее имущество было реализовано в рамках процедуры банкротства гражданина, является достаточной гарантией соблюдения прав и законных интересов таких лиц. В ином случае удовлетворение требований кредиторов будет недостаточным в связи с тем, что рыночная стоимость доли в имуществе стоит значительно меньше, чем сам объект имущества⁴⁶⁸.

Общим недостатком средств защиты имущественных прав супруга, не являющегося банкротом, мы считаем то, что в рамках процедуры банкротства ему предоставлено необеспеченное обязательственное требование, которое может быть легко девальвировано в дальнейшем.

Полагаем, что целесообразно предоставить супругу ряд дополнительных механизмов, направленных на защиту его имущественного требования как:

- (i) предоставление ему прав залогового кредитора в силу закона, либо
- (ii) включение его прав в привилегированную очередь при удовлетворении требований конкурсных кредиторов.

---

⁴⁶⁷ Витрянский В.В. Банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями // Хозяйство и право. 2015. № 4. С. 23.

⁴⁶⁸ Ломакина П.А. Правовое регулирование общих обязательств супругов. Дис. канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2021. С. 148-150; Егоров А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / Отв. ред. В.В. Витрянский и Е.А. Суханов. Москва: Статут, 2020. С. 241-242.

Банкротство как «лакмусовая бумажка» эффективности и функциональной необходимости существующих правовых институтов также показывает ряд злоупотреблений, связанных с тем, что единственное жилье гражданина, находящееся в ипотеке у кредитной организации, не защищается специальным иммунитетом, что может создать уже злоупотребления не на стороне супруга (физического лица), а на стороне кредитора. В этой связи необходимо отметить, что даже при полной оплате ипотечного долга гражданин рискует оказаться произвольно лишенным своего имущественного права. При этом немецкий правопорядок использует интересную конструкцию, связанную с тем, что при выплате определенной доли ипотечного долга, такая квартира не может быть продана с публичных торгов.

В соответствии со ст. 30a(3) Закона о принудительной продаже и конкурсном производстве, временное приостановление принудительной продажи или конкурса может быть предписано с условием, что оно утрачивает силу, если должник не производит периодические платежи, подлежащие уплате в течение срока приостановления, в течение 2 недель с установленной даты. Если принудительная продажа производится кредитором, чья плата за ипотеку или землю не превышает 70% от рыночной стоимости такой недвижимости, то суд может воздержаться от такой продажи только в той мере, в какой это потребуется для восстановления платежеспособности должника в свете конкретных обстоятельств, что будет разумно с учетом общего финансового положения кредитора, а также выплаты процентов по такому обязательству⁴⁶⁹. Следовательно, немецкий правопорядок блокирует продажу имущества, ипотечный долг по которому был практически погашен, что позволяет избежать злоупотреблений со стороны кредиторов.

Следовательно, как мы видим, отечественное право позволяет обращать взыскание на имущество, оформленное на «ширму» (теневое лицо), участвующее

---

⁴⁶⁹ § 30a (3) auf Gesetz über die Zwangsversteigerung und die Zwangsverwaltung. – URL: http://www.gesetze-im-internet.de/zvg/_30a.html.

в обороте. При этом говорить о полноценной реализации трейсинга в российском праве сегодня говорить еще нельзя.⁴⁷⁰

Отдельно следует обратить внимание на Постановление КС РФ от 13 июля 2021 г. № 35-П по делу Е.В. Мокеева⁴⁷¹ (далее – «**Дело Мокеева**») в контексте принципа добросовестности в вещном праве. Анализ правовых позиций в Деле Мокеева позволяет сформулировать важный вывод: при разрешении споров, связанных с злоупотреблением правом в субъективно-относительных вещных правоотношениях, суды должны учитывать не только поведение лица, нарушающего принцип добросовестности (запрета злоупотребления правом), но и действия (или бездействие) потерпевшей стороны. В частности, неосмотрительное поведение управомоченного лица, выражающееся в непринятии разумных мер для защиты своих интересов, может свидетельствовать о взаимной недобросовестности и служить основанием для отказа в защите его права.

В рассматриваемом деле КС РФ указал, что бывшая супруга гражданина Г., чье согласие на отчуждение доли в квартире не было получено, не предприняла своевременных мер для оформления своих прав в ЕГРН, хотя имела такую возможность. В то же время приобретатель (Е.В. Мокеев) действовал добросовестно: проверил реестр, заключил возмездную сделку и зарегистрировал право. В такой ситуации удовлетворение виндикационного иска в пользу супруги Г. привело бы к необоснованному перекладыванию на добросовестного приобретателя рисков, которые сама потерпевшая сторона могла предотвратить.

Следовательно, при оценке злоупотребления правом (в данном случае – распоряжением общим имуществом без согласия сособственника) недостаточно ограничиваться формальным установлением нарушения. Необходимо анализировать поведение всех участников правоотношения, включая степень осмотрительности потерпевшего. Если управомоченное лицо не проявило должной заботливости о своих правах (например, не внесло сведения в реестр, не оспорило

---

⁴⁷⁰ Блохина Е.В. Указ. соч. С. 54 - 60.

⁴⁷¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2021 N 35-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Мокеева» // СПС «КонсультантПлюс».

сделку в разумный срок), это может свидетельствовать о его собственной недобросовестности, что должно влиять на решение вопроса о предоставлении судебной защиты.

Как отмечает КС РФ, такой подход согласуется с принципом соразмерности и справедливого баланса интересов (часть 3 статьи 55 Конституции РФ) и корреспондирует с общей тенденцией гражданского права отказывать в защите тем, кто сам вел себя неразумно (со ссылкой на статью 10 ГК РФ). Применение этого принципа в вещных правоотношениях особенно важно, поскольку игнорирование взаимной недобросовестности может привести к необоснованному ущемлению прав добросовестных участников оборота и подрыву стабильности гражданского оборота.

Таким образом, вопрос о злоупотреблении правом в субъективно-относительных вещных правоотношениях не может решаться односторонне – только через призму действий нарушителя. Судам следует учитывать в том числе поведение потерпевшей стороны. Если поведение свидетельствует о неосмотрительности (чрезмерной пассивности), это может стать основанием для отказа в защите права, даже при формальном нарушении другой стороной. Такой подход обеспечивает справедливое распределение рисков и стимулирует участников правоотношений к добросовестному осуществлению их прав.

4. Злоупотребления правом в отношении граждан, находящихся под специальной социальной (государственной) защитой

Вопросы законности и этики опекуинства часто становятся предметом судебных разбирательств. Одним из ярких примеров является случай, связанный с несовершеннолетним лицом, чьи права были нарушены после смерти его родителей. В этом деле лицо, назначенное опекуном, распорядился имуществом несовершеннолетнего племянника таким образом, что это привело к ухудшению имущественного положения несовершеннолетнего: в рамках своих обязанностей опекун продал квартиру несовершеннолетнего лица, при этом не приобрел на

вырученные от продажи квартиры средства альтернативной равнозначный объект недвижимости.

Суд отметил, что сделка по отчуждению квартиры была совершена с явным игнорированием интересов несовершеннолетнего. Это обстоятельство стало решающим для суда, который пришёл к выводу, что жилищные права несовершеннолетнего были изменены в сторону ухудшения, и исковые требования о признании права собственности на квартиру несовершеннолетнего были удовлетворены⁴⁷².

Приведенные примеры поднимают важнейший вопрос о необходимости строгого контроля за действиями опекунов. Опекунство – это не только юридическая, но и моральная ответственность за судьбу опекаемого. Правопорядок ожидает, что опекуны будут действовать в интересах своего опекаемого (аналогично – попечитель в интересах подопечного), принимая решения, которые не приведут к ухудшению его прав, интересов и материального положения. Нарушение этих обязанностей может иметь серьезные последствия для несовершеннолетних, которые не могут сами защищать свои интересы.

В ином решении суд подтвердил, что действия отца несовершеннолетнего по дарению квартиры своей сестре были не только юридически необоснованными, но и заведомо недобросовестными. Отец, действуя без согласия органа опеки и попечительства на отчуждение имущества, не позаботился о защите жилищных прав своего ребенка, который зарегистрирован в отчужденной квартире. Такое распоряжение жильем ставит под угрозу охраняемые законом интересы несовершеннолетнего, поскольку новые собственники, в данном случае тетя, фактически лишают ребенка права на проживание в родном доме. Суд отметил, что, приняв квартиру в дар, новая собственница также приняла на себя все последствия, вытекающие из защиты прав несовершеннолетнего. Так, действия обоих родственников оказались направлены во вред интересам ребенка, что противоречит основам гражданского законодательства и принципам

---

⁴⁷² Заочное решение Всеволожского городского суда Ленинградской области от 17.05.2023 N 2-2839/2023(2-11953/2022) // СПС «КонсультантПлюс».

добросовестности в осуществлении прав, являясь злоупотреблением правом, негативные последствия которого претерпевает несовершеннолетнее лицо, подлежащее специальной социальной защите⁴⁷³.

Встречаются также споры, защищающие инвалидов (как этот термин понимается в ФЗ № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»). Например, в одном из решений суд отказал конкурсному управляющему в просьбе освободить жилое помещение для обращения взыскания на заложенную квартиру, поскольку такое решение могло бы существенно нарушить права инвалидов как уязвимой категории граждан. Суд указал, что, несмотря на утрату ответчиками права пользования квартирой, конкретные обстоятельства дела, включая желание ответчиков выкупить квартиру и отсутствие задолженности, свидетельствовали о необходимости защищать интересы малозащищенных лиц. В этом контексте действия банка были расценены как злоупотребление правом, что противоречит принципу добросовестности, установленному в статье 10 ГК РФ. По мнению суда, у банка есть иные, более корректные способы реализации своих прав, которые могут не ущемлять интересы инвалидов, то есть суд отказал в удовлетворении требований конкурсного управляющего, акцентируя внимание на необходимости защиты наиболее уязвимых слоев населения⁴⁷⁴.

Следовательно, принцип запрета злоупотребления правом играет значимую роль в защите интересов наиболее уязвимых граждан, таких как несовершеннолетние и инвалиды. Он служит механизмом, предотвращающим действия, которые могут ущемлять их права и нарушать основные принципы добросовестности и разумности в правоприменении. Судебная практика показывает, что, сталкиваясь с угрозами правам и законным интересам таких категорий граждан, суды обращаются к статье 10 ГК РФ, подчеркивая необходимость поддержания социальной справедливости и баланса интересов.

---

⁴⁷³ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.07.2024 N 88-16483/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁷⁴ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2020 N 88-7158/2020 по делу N 2-3258/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

С учетом вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1) На основании проанализированного массива практики разрешения споров отечественным правоприменителем предлагается следующая авторская классификация злоупотреблений в контексте вещных правоотношений.

Во-первых, злоупотребления делятся в зависимости от типа субъективного вещного права, которым пользуется уполномоченное лицо. В этой связи можно отметить два ключевых направления: злоупотребление правом собственности, когда собственник использует свои права в ущерб интересам других, и злоупотребление ограниченными вещными правами, направленное на причинение вреда интересам собственника или третьих лиц со стороны обладателей ограниченных прав.

Во-вторых, следует рассмотреть злоупотребления в зависимости от роли субъекта, реализующего свое право. Здесь возможно возникновение злоупотреблений как со стороны частных лиц, так и со стороны публичных лиц, что подчеркивает различия в мотивации и последствиях этих действий для общества.

Третья классификация основана на типе имущества, являющегося объектом вещного правоотношения. В этом контексте выделяются злоупотребления в отношении недвижимости, которые часто связаны с нарушением правил использования и управления земельными участками, а также злоупотребления в отношении движимого имущества.

Также можно выделить злоупотребления вещными правами в зависимости от типа поведения субъекта злоупотребления правом: злоупотребления посредством активных действий и злоупотребления посредством бездействия.

Наконец, следует учитывать статус лица, потерпевшего от злоупотребления правом. В этой категории можно выделить так называемые «соседские злоупотребления», когда действия одного собственника негативно сказываются на соседях, и злоупотребления между сособственниками, когда интересы одного из

них нарушаются действиями другого (в частности, это касается злоупотреблений со стороны супруга).

Таким образом, представленная классификация (см. ниже в форме таблицы) различных видов злоупотреблений правом в сфере вещных правоотношений способствует более глубокому осмыслению природы этих злоупотреблений.

Классификация злоупотреблений правом в вещных правоотношениях	
Критерий 1: по виду субъективного вещного права , которым злоупотребляет уполномоченное лицо	• злоупотребления правом собственности • злоупотребления ограниченными вещными правами
Критерий 2: по статусу субъекта злоупотребления (активной стороны злоупотребления)	• злоупотребления со стороны частного субъекта • злоупотребления со стороны публичного субъекта
Критерий 3: по виду имущества , являющегося предметом вещного правоотношения	• злоупотребления с недвижимым имуществом • злоупотребления с движимым имуществом
Критерий 4: по форме поведения субъекта злоупотребления	• злоупотребления активными действиями • злоупотребления бездействиями
Критерий 5: по статусу потерпевшего от злоупотребления лица (пассивная сторона злоупотребления)	• «соседские злоупотребления» • злоупотребления в отношении сособственников (в т.ч. супругов) • злоупотребления в отношении лиц, находящихся под специальной социальной (государственной) защитой

Таблица 1. Злоупотребления правом в контексте вещных правоотношений

2) Соседские отношения как объект правового регулирования в настоящее время требуют четкого законодательного закрепления в частном праве, поскольку их регулирование осуществляется преимущественно через судебную практику и нормы публичного права, что создает правовую неопределенность и фрагментарность. Под «соседскими злоупотреблениями» в цивилистике понимаются случаи, когда собственник, реализуя свои вещные права, действует вопреки законным интересам соседей, нарушая принцип добросовестности. Такие злоупотребления могут проявляться в различных формах – от нарушения строительных норм, препятствующих нормальному использованию смежного

участка, до систематического создания неудобств в виде шума, загрязнения или блокирования доступа к коммуникациям.

3) В условиях отсутствия специализированных норм российские суды вынуждены активно применять статью 10 ГК РФ о запрете злоупотребления правом для разрешения соседских конфликтов. Однако такой подход носит казуальный характер и не обеспечивает единообразия правоприменения, что наглядно показывает необходимость системного законодательного регулирования. В последние годы в России предпринимаются попытки систематизировать регулирование соседских отношений. В частности, в проекте изменений ГК РФ предлагается закрепить понятие соседских прав, установить обязанность собственников соблюдать интересы владельцев смежных участков и определить допустимые пределы воздействия на их имущество. Однако текущая редакция законопроекта содержит существенные пробелы. Во-первых, предлагаемое регулирование ограничено только земельными участками и не распространяется на другие виды недвижимого имущества. Во-вторых, не учитываются различия в правовом статусе субъектов – физических и юридических лиц. В-третьих, отсутствует детальная регламентация пределов допустимого поведения, что в перспективе может привести к новым злоупотреблениям и судебным спорам.

Легализация института соседских прав в ГК РФ позволит не только снизить уровень конфликтности в имущественных отношениях, но и обеспечить справедливый баланс интересов собственников, значительно уменьшив необходимость судебного вмешательства.

4) Принцип запрета противоречивого поведения (вещного эстоппеля) в вещных правоотношениях обладает самостоятельным значением и специфическими правовыми последствиями, отличающими его от договорного эстоппеля в обязательственных отношениях. Нарушение данного принципа в сфере вещных прав представляет собой не просто недопустимое поведение, а фактический выход за пределы правомочий, предоставленных вещным правом. Особенность вещного эстоппеля проявляется в трех ключевых аспектах: во-

первых, он предоставляет потерпевшей стороне право на предъявление самостоятельного иска; во-вторых, может выступать как самостоятельным основанием, так и элементом сложного юридического состава для возникновения нового вещного права у добросовестного участника гражданского оборота; в-третьих, всегда связан с фактом недобросовестного поведения (злоупотребления правом) со стороны обладателя вещного права.

Таким образом, вещный эстоппель формирует особый правовой механизм, порождающий уникальные юридические последствия именно в сфере вещных правоотношений, что подчеркивает его самостоятельную природу и значение в системе гражданско-правового регулирования.

5) Специфика отношений между сособственниками, характеризующихся взаимной зависимостью и невозможностью одностороннего прекращения правоотношений, объективно требует установления особого правового режима (применяемых мер) за злоупотребление правом общей собственности. Повышенная степень защиты необходима не только в интересах отдельных совместных собственников, но и для обеспечения стабильности имущественного комплекса в целом, что выражается в применении специальных санкций: от ограничений в управлении имуществом до повышенных компенсационных выплат.

Особые требования следует применять к сособственникам-предпринимателям, чьи злоупотребления могут дестабилизировать гражданский оборот, что оправдывает введение дополнительных мер, включая лишение права управления, изъятие незаконных доходов и полное возмещение убытков. При этом наиболее серьезные нарушения, делающие невозможным нормальное использование общего имущества, должны влечь крайнюю меру в виде принудительного выкупа доли с компенсацией, что соответствует принципу соразмерности и обеспечивает эффективную защиту прав добросовестных сособственников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящего исследования были сделаны следующие выводы и рекомендации в отношении запрета злоупотребления правом в контексте вещных правоотношений:

1) Концепция злоупотребления правом (и его запрета) исторически берет свое начало в вещном праве и проходит путь от отрицания до признания в качестве важного элемента правового регулирования в первую очередь на примере и в контексте вещного права (в первую очередь, на примере соседских отношений). Первоначально злоупотребление правом трактовалось как действие или бездействие, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу (что означает идею классической шиканы). С течением времени это понимание расширилось и стало охватывать действия и бездействия, которые не соответствуют социальной функции права, его назначению, экономической целесообразности и иное.

2) С усилением проявления концепции субъективного права становится актуальным запрет на злоупотребление субъективным правом. Классическая концепция субъективного частного права исходит из того, что реализация свободы воли уполномоченным лицом возможна до тех пор, пока она не нарушает право выбора других субъектов. Таким образом, восприятие концепции злоупотребления правом (ее принятие или отторжение, как в теории, так и на практике) напрямую зависит от доминирующего в данный исторический момент взгляда на субъективное право.

3) Злоупотребление правом в вещных правоотношениях следует понимать как поведение (в виде действия или бездействия) собственника вещи либо лица, обладающего ограниченным вещным правом, осуществляемое формами и способами, направленными на причинение вреда другому лицу либо на создание для него иных неблагоприятных последствий, формально осуществляемое в пределах (границах) установленного законом содержания вещного права.

4) Следует проводить четкое разграничение между понятиями «запрет злоупотребления вещным правом» и «злоупотребление вещным правом». Запрет злоупотребления вещным правом представляет собой принцип права, выступающий частным случаем (одним из проявлений) более общего принципа добросовестности (его ограничительной функции). Злоупотребление вещным правом, в свою очередь, следует понимать как особый тип гражданского правонарушения, занимающего промежуточное положение между правомерным поведением и классическим гражданским правонарушением (фиктивное правонарушение). Оно фиктивно в том смысле, что возникает лишь тогда, когда лицо действует формально в рамках предоставленных ему правом порядком возможностей, тем не менее нарушает принцип запрета злоупотребления правом.

5) Выявление факта злоупотребления вещным правом происходит на стадии его реализации, когда абстрактные правовые нормы воплощаются в конкретные правоотношения с участием потерпевшей стороны. Состав такого злоупотребления, рассматриваемого как фиктивного, включает следующие элементы: противоправное поведение (действие или бездействие), противоречащее установленному запрету на злоупотребление вещными правами; наличие субъективной стороны в форме умысла причинить вред или создать препятствия для реализации законных интересов других участников правоотношений; а также наличие причинно-следственной связи между противоправным поведением и наступившими негативными последствиями.

Такая конструкция подчеркивает, что квалификация поведения как злоупотребления правом возможна лишь при переходе от абстрактной возможности к конкретному осуществлению правомочий, когда реализация субъективного права выходит за рамки его социального назначения и причиняет ущерб охраняемым законом интересам других лиц.

6) Установлена взаимосвязь между признанием действия (бездействия) обладателя вещного права злоупотреблением правом и специфической структурой субъективного вещного права, включающей ядро и периферию. Ядро – это

законодательно закреплённый элемент вещного права, в котором чётко определены содержание и границы реализации вещных правомочий. В отличие от ядра, периферия субъективного вещного права представляет собой область правовой неопределённости за пределами ядра, где отсутствует прямое нормативное регулирование. Ядро вещного права, в отличие от других видов субъективных прав, отличается принципом закрытого перечня его содержания. Нарушение норм, установленных в рамках ядра, является прямым нарушением закона (классическое правонарушение). В то же время периферия служит механизмом гибкого регулирования, позволяющим адаптировать применение вещных прав к нестандартным ситуациям, когда действия субъекта выходят за рамки дозволенного и нарушают законодательный запрет на злоупотребление правом (фиктивное правонарушение).

7) В результате проведенного исследования можно сформулировать две концептуальные модели выхода за пределы осуществления вещных прав, различающиеся по субъектному составу и правовому режиму.

Первая модель охватывает абсолютные правоотношения, где потенциально потерпевшим может выступать любое третье лицо. Вторая модель касается субъективно-относительных правоотношений, возникающих в особых правовых ситуациях – между соседственниками, супругами, сонаследниками, соседями, а также между субъектами ограниченных вещных прав и собственниками.

Ключевым аспектом второй модели является необходимость оценки добросовестности поведения не только нарушителя, но и потерпевшей стороны. При установлении неосмотрительного поведения потерпевшего в субъективно-относительных отношениях, когда последний знал или должен был знать о возможных злоупотребительных действиях и имел реальную возможность их предотвратить, но не предпринял необходимых мер (принцип взаимной недобросовестности), такое неосмотрительное поведение следует рассматривать в качестве злоупотребления, являющегося основанием отказа в защите права потерпевшей стороны (например, см. Дело Мокеева).

8) В отличие от вещного права, ядро обязательственного права, возникающего из договора, может быть изменено по соглашению сторон. Соответственно, периферия такого субъективного права также подлежит корректировке – она может быть расширена или сужена по сравнению с изначальными законодательными рамками. Отсюда следует, что злоупотребление вещным правом возникает при выходе за пределы законодательно установленного ядра, тогда как в договорном праве злоупотребление возможно при нарушении не только законных, но и договорных границ. Возможно применение диспозитивно-императивного метода в регулировании относительных вещных правоотношений, что допускает заключение соглашений между участниками. Такие соглашения способны изменять содержание ядра вещного права, разрешать выход за пределы обычного осуществления прав (например, за плату), устанавливать допустимые ограничения (как в соседских соглашениях, договорах между соседственниками, супругами и т.д.). Подобные условия следует определять как обременения вещного права.

9) В статье 10 ГК РФ закреплены феномены различного родового. Шикана и обход закона являются частными случаями проявления заведомо недобросовестного поведения, выделенными отдельно в связи с наличием характерного для них критерия. Шикана – это недобросовестное поведение, в котором зафиксировано намерение (цель) причинить вред другому лицу. В свою очередь, обход закона – это недобросовестное поведение, намерение (цель) которого – выход за пределы гипотезы нормы права. Следовательно, каждая из указанных форм имеет собственный критерий «цели». Именно шикана и обход закона могут считаться формами злоупотребления правом.

10) Недобросовестность (недобросовестное поведение) не является отдельной формой злоупотребления и представляет собой общий предел осуществления субъективного права, механизм, переводящий вопрос поиска критерия злоупотребления и констатации факта злоупотребления на уровень правоприменителя. Если в случае шиканы и обхода закона суд будет осуществлять

непосредственно функцию правоприменения (накладывать фактологию на норму и констатировать факт злоупотребления при наличии предложенного законодателем критерия), то при недобросовестном поведении суд осуществляет еще и функцию правотворчества (принимает решение, какой критерий будет в этом конкретном случае причиной констатации факта злоупотребления).

11) Основным (генеральным) правовым последствием за факт злоупотребления вещным правом является отказ в защите субъективного вещного права. Отказ в защите не является мерой ответственности. Отказ в защите субъективного вещного права может проявляться в различных эманациях: отказе в применении исковой давности, отказе в принятии вещно-правового иска или отказе в принятии возражений против вещно-правового иска. Существуют также правовые последствия, которые могут применяться субсидиарно в дополнение к отказу в защите права, что прямо легализовано гражданским законодательством. В качестве иных мер (последствий) за злоупотребление вещным правом могут последовать признание сделок с имуществом недействительными и применение последствий их недействительности, прекращение (лишение) вещного права, а также понуждение к совершению действий или запрет на совершение каких-либо действий.

Обозначенные выше последствия (меры) по своей правовой природе представляют собой ограничения вещных прав, налагаемые на правообладателя в случае установления факта злоупотребления правом и квалификации его поведения как заведомо недобросовестного. При этом, как следует из анализа, в исключительных ситуациях злоупотребление правом может служить правовым основанием для полного лишения лица соответствующего вещного права.

Принцип запрета злоупотребления правом требует сбалансированного подхода, поскольку его неоправданно широкое применение способно подорвать саму природу вещных прав, лишив их таких ключевых характеристик, как исключительность и абсолютность защиты. В этой связи оценка злоупотребления должна основываться на системе гибких критериев (тестов), учитывающих как

интересы собственника, так и общественные потребности. Ключевыми критериями могут выступать следующие критерии (тесты): тест на реальность и существенность вреда, требующий объективного подтверждения материального ущерба; тест на экономическую целесообразность, направленный на баланс выгод и издержек ограничения прав; тест на пропорциональность, обеспечивающий соразмерность ограничений законным целям; тест на публичный интерес, вызывающий дискуссии в контексте изъятия собственности; тест на ожидаемость, гарантирующий правовую определенность для собственника; тест на локализацию, учитывающий местные обычаи и интересы сообществ; тест на наименее ограничивающую альтернативу, предполагающий выбор минимально обременительной меры; и тест на предотвращение системных рисков, особенно актуальный в экологических и градостроительных спорах.

Применение этих критериев (тестов) должно быть гибким: их значимость варьируется в зависимости от контекста (частные споры, публичные интересы, экологические риски). В российской практике сохраняются проблемы, связанные с противоречивостью судебных подходов, например, при деприватизации или изъятии земель, что требует более четких стандартов оценки. При этом предложенные тесты носят универсальный характер и могут использоваться не только в вещном праве, но и в иных сферах частного права для оценки добросовестности поведения участников оборота.

12) Соседские отношения как объект правового регулирования в настоящее время требуют четкого законодательного закрепления в частном праве, поскольку их регулирование осуществляется преимущественно через судебную практику и нормы публичного права, что создает правовую неопределенность и фрагментарность. Под «соседскими злоупотреблениями» в цивилистике понимаются случаи, когда собственник, реализуя свои вещные права, действует вопреки законным интересам соседей, нарушая принцип добросовестности. Такие злоупотребления могут проявляться в различных формах – от нарушения строительных норм, препятствующих нормальному использованию смежного

участка, до систематического создания неудобств в виде шума, загрязнения или блокирования доступа к коммуникациям.

Легализация института соседских прав в ГК РФ позволит не только снизить уровень конфликтности в имущественных отношениях, но и обеспечить справедливый баланс интересов собственников, значительно уменьшив необходимость судебного вмешательства.

13) Принцип запрета противоречивого поведения (вещного эстоппеля) в вещных правоотношениях обладает самостоятельным значением и специфическими правовыми последствиями, отличающими его от договорного эстоппеля в обязательственных отношениях. Нарушение данного принципа в сфере вещных прав представляет собой не просто недопустимое поведение, а фактический выход за пределы правомочий, предоставленных вещным правом. Особенность вещного эстоппеля проявляется в трех ключевых аспектах: во-первых, он предоставляет потерпевшей стороне право на предъявление самостоятельного иска; во-вторых, может выступать как самостоятельным основанием, так и элементом сложного юридического состава для возникновения нового вещного права у добросовестного участника гражданского оборота; в-третьих, всегда связан с фактом недобросовестного поведения (злоупотребления правом) со стороны обладателя вещного права.

Таким образом, вещный эстоппель формирует особый правовой механизм, порождающий уникальные юридические последствия именно в сфере вещных правоотношений, что подчеркивает его самостоятельную природу и значение в системе гражданско-правового регулирования.

14) Особый характер злоупотребления правом собственности между сособственниками обусловлен спецификой их правовых отношений. Поскольку сособственники обладают симметричными правами на один объект, их взаимодействие носит вынужденный характер: действия одного неизбежно затрагивают интересы другого, при этом возможность одностороннего прекращения таких отношений отсутствует.

Такая правовая связь предполагает повышенный уровень доверия между участниками, в связи с чем злоупотребление правами в данном случае представляет собой особую форму нарушения. Оно угрожает не только конкретному собственнику, но и стабильности всего имущественного комплекса, создавая «эффект домино». Указанные особенности могут служить основанием для применения более строгих мер ответственности по сравнению с другими случаями злоупотребления вещными правами.

При этом строгость применяемых мер должна зависеть от статуса нарушителя. В отношении собственников-предпринимателей допустимы особые санкции, включая принудительный выкуп доли. Такая дифференциация обусловлена необходимостью защиты стабильности гражданского оборота и минимизации предпринимательских рисков, возникающих из-за специфики коммерческой деятельности.

Проведенное исследование позволило разработать целостную концепцию злоупотребления вещным правом, включающую его теоретические основы, критерии выявления и систему правовых последствий. Результаты работы могут быть использованы для совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**Нормативно-правовые акты***Нормативно-правовые акты Российской Федерации*

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 16.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
5. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ, 03.01.2005, № 1 (часть 1), ст. 16.
6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 28.11.2024) // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16.
8. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 18.07.2022, № 29 (часть III), ст. 5277.
9. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 01.07

10. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (принят Государственной Думой 27 сентября 2002 года, одобрен Советом Федерации 16 октября 2002 года) // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.
11. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 18.07.2022, № 29 (часть III), ст. 5277.
12. Федеральный закон от 30.12.2012 №302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред. от 04.03.2013 // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7627.

Иностранные нормативно-правовые акты

13. Code civil Suisse du 10 décembre 1907 // URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/24/233_245_233/fr. (accessed 24.01.2025).
14. Dutch Civil Code (Book 3 Property law in general) dated 1 January 1992. – URL: <http://www.dutchcivillaw.com/legislation/dcctitle3301.htm#013>. (accessed 24.01.2025).
15. Gesetz über die Zwangsversteigerung und die Zwangsverwaltung // URL: http://www.gesetze-im-internet.de/zvg/_30a.html. (accessed 24.01.2025)
16. Louisiana Civil Code dated 1808 // URL: <https://law.justia.com/codes/louisiana/civil-code/article-667/> (accessed 24.01.2025).
17. Швейцарский обязательственный закон. Федеральный закон о дополнении Швейцарского гражданского кодекса (Часть пятая: Обязательственный закон): от 30 марта 1911 г. (с изм. и доп., вступившими в силу 01.03.2012). – М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. XVII - XXXV, 1 - 526. // СПС «КонсультантПлюс».

Практика российских судов

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П // СПС «КонсультантПлюс».
19. Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 № 682-О // СПС «КонсультантПлюс».
20. Определение Конституционного Суда РФ от 31.01.2023 № 136-О // СПС «КонсультантПлюс».
21. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.11.2015 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» // СПС «КонсультантПлюс».
22. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // СПС «КонсультантПлюс».
23. Постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» // Вестник ВАС РФ. № 9. 2011 // СПС «КонсультантПлюс».
24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // СПС «КонсультантПлюс».
26. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
27. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от

нарушений, не связанных с лишением владения» // СПС «КонсультантПлюс».

28. Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
29. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2024 № 305-ЭС24-8341 (1,2) по делу № А40-133700/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
30. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 308-ЭС22-27642 по делу № А32-47684/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
31. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.2020 № 305-ЭС18-18763 по делу № А41-19914/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
32. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25.07.2017 № 18-КГ17-68 // СПС «КонсультантПлюс».
33. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.02.2015 № 32-КГ14-17 // СПС «КонсультантПлюс».
34. Определение Верховного Суда РФ от 03.12.2013 № 4-КГ13-32 // СПС «КонсультантПлюс».
35. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 07.06.2016 № 67-КГ16-3 // СПС «КонсультантПлюс».
36. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.01.2024 № 30-КГ23-9-К5 (УИД 09RS0002-01-2022-001362-46) // СПС «КонсультантПлюс».
37. Определение Верховного Суда РФ от 04.09.2023 № 307-ЭС21-26520(2) по делу А56-4073/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
38. Определение Верховного Суда РФ от 07.10.2016 № 305-ЭС15-6514 по делу № А40-88735/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

39. Определение Верховного Суда РФ от 09.12.2014 по делу № 305-ЭС14-3435, А40-116560/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
40. Определение Верховного Суда РФ от 24.01.2024 № 305-ЭС20-20127(20) по делу № А40-32986/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
41. Определение Верховного Суда РФ от 27.12.2021 № 303-ЭС21-24003 по делу № А51-3634/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
42. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.06.2024 № С01-845/2024 по делу № СИП-532/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
43. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.12.2013 № 12505/13 по делу № А71-572/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
44. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.05.2013 № 17388/12 по делу № А60-49183/2011 // СПС «КонсультантПлюс».
45. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.11.2011 № 17912/09 по делу № А54-5153/2008/С16 // СПС «КонсультантПлюс».
46. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15.08.2023 № АПЛ23-292 // СПС «КонсультантПлюс».
47. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 01.06.2015 по делу № 33-5484/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
48. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 29.03.2022 по делу № 33-1255/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
49. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 18.10.2022 № 11-13456/2022 по делу № 2-3/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
50. Заочное решение Ейского городского суда Краснодарского края от 26.02.2024 по делу № 2-653/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
51. Заочное решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 17.09.2024 № 2-6526/2024~М-5009/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
52. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.01.2022 № 19-КАД21-17-К5 // СПС «КонсультантПлюс».

53. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2022 № 88а-22599/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
54. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2023 № 88-13084/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
55. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.09.2023 № 88-20797/2023 по делу № 2-1984/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
56. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 13.06.2024 № 88-11502/2024 по делу № 02-4228/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
57. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2020 по делу № 88-10981/2020, 2-138/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
58. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31.10.2024 № 88-26247/2024 (УИД 77RS0028-02-2022-001736-64) // СПС «КонсультантПлюс».
59. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.07.2022 № 88-17203/2022 по делу № 2-777/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
60. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.03.2022 № 88-6868/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
61. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 17.01.2022 по делу № 88-61/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
62. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2020 № 88-9342/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
63. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2022 № 88-5079/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
64. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 03.02.2015 № 32-КГ14-17 // СПС «КонсультантПлюс».
65. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 09.02.2023 по делу № 88-4563/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
66. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 19.01.2023 по делу № 88-4333/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

67. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.06.2024 по делу № 88-13462/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
68. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.01.2022 № Ф01-7270/2021 по делу № А43-24802/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
69. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.02.2023 № Ф01-3517/2022 по делу № А29-1976/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
70. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.03.2020 № Ф01-8895/2020 по делу № А79-4779/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
71. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.08.2023 № Ф01-4423/2023 по делу № А43-21295/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
72. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.05.2023 № Ф01-1740/2023 по делу № А82-9412/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
73. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.03.2018 № Ф01-169/2018 по делу № А79-2240/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
74. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01.04.2024 № Ф02-1160/2024 по делу № А19-8354/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
75. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.08.2023 № Ф02-3651/2023 по делу № А58-9854/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
76. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 27.10.2022 № Ф02-4650/2022 по делу № А74-15243/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
77. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.10.2022 № Ф03-4677/2022 по делу № А51-3840/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
78. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.12.2022 № Ф04-6018/2022 по делу № А46-23145/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

79. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.11.2024 № Ф04-4331/2024 по делу № А27-14228/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
80. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.10.2024 № Ф04-4417/2024 по делу № А45-31622/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
81. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.08.2022 № Ф04-3181/2022 по делу № А75-19924/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
82. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31.10.2018 № Ф04-3875/2018 по делу № А70-9526/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
83. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.12.2016 № Ф05-17577/2016 по делу № А40-32066/13 // СПС «КонсультантПлюс».
84. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.08.2024 № Ф05-29902/2022 по делу № А40-151431/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
85. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.04.2024 № Ф05-935/2024 по делу № А40-46373/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
86. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.01.2023 № Ф05-30744/2022 по делу № А40-64571/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
87. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.11.2023 № Ф05-28642/2023 по делу № А40-275969/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
88. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.08.2022 № Ф05-19375/2022 по делу № А41-66261/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
89. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.08.2022 № Ф06-21065/2022 по делу № А65-11883/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
90. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09.04.2024 № Ф06-2430/2024 по делу № А57-5470/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

91. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12.04.2022 № Ф06-16085/2022 по делу № А55-10339/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
92. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.02.2024 № Ф06-11767/2023 по делу № А12-23088/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
93. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18 декабря 2014 г. № Ф06-18419/2013, Ф06-18872/2013 по делу № А57-19577/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
94. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.05.2022 № Ф06-16575/2022 по делу № А65-28735/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
95. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.02.2025 по делу № А40-293490/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
96. Дополнительное постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.02.2025 по делу № А40-293490/23 // СПС «КонсультантПлюс».
97. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.06.2019 № Ф06-48135/2019 по делу № А12-24959/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
98. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30 июня 2015 г. № Ф06-24028/2015 по делу № А65-14793/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
99. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 31.05.2022 № Ф06-18405/2022 по делу № А65-18735/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
100. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.07.2023 № Ф07-7833/2023 по делу № А56-50695/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
101. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.06.2023 № Ф07-5330/2023 по делу № А56-88169/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
102. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.04.2024 № Ф07-1574/2024 по делу № А56-26816/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
103. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.10.2023 № Ф08-8596/2023 по делу № А32-21555/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
104. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.04.2024 № Ф09-1237/24 по делу № А50-19142/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

105. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.10.2014 № Ф09-6156/14 по делу № А50-11561/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
106. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.02.2024 № Ф09-225/24 по делу № А60-20748/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
107. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.07.2024 № Ф09-3329/24 по делу № А50-19494/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
108. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.02.2022 № Ф09-10493/21 по делу № А76-3008/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
109. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.07.2023 № Ф09-3820/23 по делу № А60-30960/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
110. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.09.2024 № Ф09-6045/24 по делу № А50-28844/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
111. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.04.2018 № Ф09-1015/18 по делу № А60-36193/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
112. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28.06.2024 по делу № А40-59800/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
113. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 06.12.2024 по делу № А40-52827/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
114. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.04.2022 № Ф09-1635/22 по делу № А60-20901/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
115. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 04.10.2024 № Ф10-2988/2020 по делу № А83-20072/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
116. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 06.09.2019 № Ф10-1461/2017 по делу № А54-4520/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
117. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.04.2021 № Ф10-1562/2020 по делу № А14-1806/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
118. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 26.06.2024 № Ф10-2030/2024 по делу № А08-4767/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
119. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.06.2022 № Ф10-2328/2022 по делу № А83-10821/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

120. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 01.11.2018 № 08АП-11040/2018 по делу № А46-13756/2016
121. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 26.07.2023 № 02АП-4334/2023 по делу № А31-4378/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
122. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.10.2024 № 12АП-6703/2024 по делу № А57-25066/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
123. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2017 по делу № А43-26857/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
124. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2024 № 15АП-1114/2024 по делу № А32-16802/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
125. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 06.06.2022 № 07АП-2445/2022 по делу № А45-23903/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
126. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 23.07.2021 № 07АП-6655/2021 по делу № А67-1086/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
127. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.01.2024 № 17АП-14022/2023-ГК по делу № А60-56643/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
128. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 13 ноября 2007 г. по делу № А28-9571/2006-542/22 // СПС «КонсультантПлюс».
129. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 19 марта 2009 г. по делу № А43-10107/2008-21-303 // СПС «КонсультантПлюс».
130. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 02.10.2012 по делу № А19-1199/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
131. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 12.11.2010 по делу № А45-24650/2009 // СПС «КонсультантПлюс».
132. Постановление ФАС Уральского округа от 06.02.2013 № Ф09-6692/10 по делу № А60-5270/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

133. Постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01.09.2022 № Ф02-3519/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
134. Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.09.2024 № Ф08-5782/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
135. Постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.06.2020 № Ф04-2501/2020 по делу № А75-14314/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
136. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.10.2009 № 7349/09 // СПС «КонсультантПлюс».
137. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 17.05.2023 по делу № А40-8915/23-27-71 // СПС «КонсультантПлюс».
138. Решение Арбитражного суда Мурманской области от 18.05.2017 по делу № А42-6823/2016, А42-6822/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
139. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 06.02.2024 по делу № А45-24564/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
140. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 11.04.2008 по делу № А76-290/2008-51-33 // СПС «КонсультантПлюс».
141. Решение Верховного Суда РФ от 24.06.2024 № АКПИ24-185 // СПС «КонсультантПлюс».
142. Решение Домодедовского городского суда Московской области от 30.05.2023 по делу № 2-182/2023(2-4656/2022) // СПС «КонсультантПлюс».
143. Решение Жуковского городского суда Московской области от 29.03.2021 по делу № 2-321/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
144. Решение Кизеловского городского суда Пермского края от 21.04.2022 № 12-12/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
145. Решение Лахденпохского районного суда Республики Карелия от 07.09.2023 по делу № 2-29/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
146. Решение Ломоносовского районного суда города Архангельска от 29.08.2024 № 2-4112/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

147. Решение Мостовского районного суда Краснодарского края от 22.08.2022 по делу № 2а-1083/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
148. Решение Суда по интеллектуальным правам от 13.12.2024 по делу № СИП-532/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
149. Решение Шкотовского районного суда Приморского края от 29.09.2023 по делу № 2-1396/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Практика иностранных судов

150. Brittingham v. Robertson, 280 A.2d 741 (Del. 1971) // URL: <https://case-law.vlex.com/vid/brittingham-v-robertson-890161970> (accessed 24.01.2025).
151. Erickson v. Hudson, 249 P.2d 523,532 (Wyo. 1952) // URL: <https://casetext.com/case/erickson-v-hudson> (accessed 24.01.2025).
152. Gillet v. Holt [2000] 2 All ER 289 at 301 // URL: <https://vlex.co.uk/vid/gillett-v-holt-792935829> (accessed 24.01.2025).
153. Norton v. Randolph, 58 So. 283,285-86 (Ala. 1912) // URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp2/278/214/2450425/> (accessed 24.01.2025).
154. Saperstein v. Berman, 195 N.Y.S. 1, 2 (N.Y. Sup. Ct. 1922) // URL: <https://casetext.com/case/saperstein-v-berman?q=Saperstein%20v.%20Berman&sort=relevance&p=1&type=case> (accessed 24.01.2025).

**Монографии, книги, сборники, учебные издания, комментарии
законодательства**

155. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. М., 2002. Т. 2. 428 с.
156. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права. М.: Статут, 2010. – 781 с.
157. Андреев Ю.Н. Ограничения в гражданском праве России. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. – 400 с.

158. Андреев Ю.Н. Соседские отношения в гражданском праве России: теория и практика. М.: Норма; ИНФРА-М, 2016. — 208 с. // СПС «КонсультантПлюс».
159. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. 1. Введение и общая часть. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1910. — 592 с.
160. Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М.: Статут, 2008. — 856 с.
161. Барон Ю. Система римского гражданского права. Вып.1. Кн. 1 Общая часть / Пер. с нем. Л. Петражицкого М., 1909. — 250 с.
162. Белов В.А. Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 2. 2-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2016. — 497 с.
163. Белов В.А. Очерки вещного права. Научно-полемические заметки: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2015. — 332 с.
164. Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. — 416 с.
165. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. — 382 с.
166. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М.: Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. — 840 с.
167. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т.1 Общая часть / Пер. с нем. С.В. Пахмана. СПб., 1874. — 370 с.
168. Волков А.В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике (Анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом) / А.В. Волков. — М.: Волтерс Клувер, 2011. — 960 с.
169. Волков А.В. Теория концепции "злоупотребление гражданскими правами". Волгоград, 2007. — 352 с.
170. Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 44 - 50.

171. Волочай Ю.А. Приобретение права собственности на недвижимое имущество по договору: сравнительный анализ законодательства России и Германии. М.: Статут, 2013. – 223 с.
172. Вольфсон В.Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве: монография. – М.: Проспект, 2014. – 143 с.
173. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М.: Юристъ, 2004. – 286 с.
174. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М.: Зерцало, 2003. – 796 с.
175. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая. СПб., 1911. – 780 с.
176. Годэме Е. Общая теория обязательств / Пер. с фр. И.Б. Новицкого. М., 1948. – 511 с.
177. Гойхбарг А.Г. Советское земельное право. М.: Гос. изд-во, 1921. — 116 с.
178. Гойхбарг А.Г. Хозяйственное право Р.С.Ф.С.Р. Том 1. Гражданский кодекс. М.: Государственное издательство, 1923. – 212 с.
179. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. Т. 1. – 576 с.
180. Гражданское уложение. Книга Пятая. Обязательства. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. Том Пятый. Ст. 937-1106. С объяснениями. СПб., 1899. – 696 с.
181. Гражданское право Франции. Перевод с французского. Т. 1 / Жюллио де ла Морандьер Л.; Пер. и вступ. ст.: Флейшиц Е.А. - М.: Иностр. лит., 1958. - 742 с.
182. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. - 2-е изд. Москва: Статут, 2020. – 414 с.
183. Гуляев А.И. Русское гражданское право, изд. 4. СПб., 1913. – 638 с.
184. Гурылева К.И. Злоупотребление правом субъектами отношений несостоятельности (банкротства): монография. М.: Юстицинформ, 2023. – 440 с.

185. Давид Р. Основные правовые системы современности. / перевод с франц. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. – 496 с.
186. Дернбург Г. Пандекты. Вещное право. СПб., 1905. Т. I. Ч. 2.
187. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.К. Байрамкулов, О.А. Беляева, А.А. Громов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. Москва: М-Логос, 2020. – 1425 с. // СПС «КонсультантПлюс».
188. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник / под. общ. ред. В.С. Нерсисянца. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2021. – 478 с.
189. Дормидонтов Г.Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895. – 176 с.
190. Дюги Л. Общество, личность и государство: социальное право, индивидуальное право и преобразование государства / Пер. А. Бэтта. СПб., 1914. – 77 с.
191. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона. М.: Государственное издательство, 1919. – 110 с.
192. Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учебное пособие / отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2017. 376 с. // СПС «КонсультантПлюс».
193. Емелькина И.А. Ограничение права собственности на земельные участки в интересах соседей (соседское право) в гражданском праве России и в зарубежных правовых порядках: монография / И.А. Емелькина, Ю.Д. Сюбаева. М.: Юстицинформ, 2021. – 328 с.
194. Емелькина И.А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок. 2-е изд. исп. и доп. М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 416 с.
195. Заключение Института зарубежного и международного частного права им. Макса Планка (Гамбург)) // Вестник гражданского права. 2011. № 2. Т. 11. С. 269 – 285.

196. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». 4-е изд. М.: Статут, 2020. – 782 с.
197. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – 347 с.
198. Кайнов В.И. Злоупотребление правом в российской правовой системе: учебное пособие / В.И. Кайнов. – М.: Директ-Медиа, 2020. – 156 с.
199. Кархалев Д.Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений. М.: Инфотропик Медиа, 2022. – 892 с.
200. Коновалов А.В. Принципы права: монография. М.: Норма, 2022. – 792 с.
201. Крусс В.И. Злоупотребление правом: учеб. пособие. М.: Норма, 2010. – 176 с.
202. Курдиновский В.И. К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России / В.И. Курдиновский. Одесса: Экономическая типография, 1899. – 391 с.
203. Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. М.: Юридическая литература, 1981. – 216 с.
204. Лосский Н.О. Логика: в 2 ч. - Петроград: Наука и школа, 1922. – 187 с.
205. Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. М.: Манускрипт, 1992. – 204 с.
206. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). – М.: Юрлитинформ, 2007. – 351 с.
207. Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. М.: Юрист и др., 1999. – 383с.
208. Мейер Д.И. Избранные труды: в 3 т. / Д. И. Мейер; отв. ред П.В. Крашенинников, Д.Х. Валеев. М.: Статут, 2022. – 848 с.
209. Мейер Д.И. Право собственности по русскому праву: из лекций проф. Д.И. Мейера / изд. А. Вицын. Санкт-Петербург, 1859. – 142 с.
210. Мейер Д.И. О юридических вымыслах и предположениях, о скрытых и притворных действиях // Избранные произведения по гражданскому праву. М.: ЦентрЮрИнфоР, 2003. – 389 с.

211. Монахов Д.А. Сервитуты: монография. М.: Статут, 2023. – 227 с.
212. Муромцев С. А. О консерватизме римской юриспруденции // Избранные труды по римскому и гражданскому праву. М.: ЮрИнфоР, 2004. – 756 с.
213. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики / К. В. Нам. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: М-Логос, 2023. – 388 с.
214. Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. – 262 с.
215. Новицкий И.Б. Курс советского гражданского права. Сделки. Исковая давность. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954. – 248 с.
216. Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве). М.: Юстицинформ, 2020. – 184 с.
217. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2020. – 1469 с.
218. Перетерский И.С. Гражданский кодекс РСФСР: Научный комментарий. / Под ред. С.М. Прушицкого и С.И. Раевича: Вып. V: Сделки, договоры. М.: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1929. – 95 с.
219. Подшивалов Т.П. Негаторный иск: проблемы теории и практики: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2019. – 340 с.
220. Познер Р. Экономический анализ права: в 2 т. Т. 1. СПб., 2004.
221. Покровский И.А. История римского права / Науч. ред. В.С. Ема. М.: Статут, 2004. – 540 с.
222. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. – 349 с.
223. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: Волтерс Клувер, 2008. – 266 с.

224. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. П. В. Крашенинникова. - М.: Статут, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».
225. Принципы частного права: монография / Отв. ред. Т.П. Подшивалов, В.В. Кванина, М.С. Сагандыкова. М.: Проспект, 2018. – 400 с.
226. Рясенцев В.А. Лекции на тему «Сделки по советскому гражданскому праву» (1-я и 2-я): Для студентов ВЮЗИ. М., 1951. – 48 с.
227. Свод английского гражданского права. Общая часть: Обязательственное право: Ученые труды ВИЮН. Вып. 4 / Сост. под ред.: Дженкс Э.; Пер., предисл., прим.: Лунц Л.А. - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 303 с.
228. Сеницын С.А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы / С.А. Сеницын. - М.: Инфотропик Медиа, 2015. – 340 с.
229. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010. – 893 с.
230. Суханов Е.А. Вещное право. Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. – 560 с.
231. Теория государства и права: Учебник для вузов. / под ред. Марченко М.Н. – М.: Зерцало, 2004. – 800 с.
232. Трепицын И.Н. Приобретение движимостей в собственность от лиц, не имеющих права на их отчуждение. Варшава: типография Варшавского учебного округа, 1907. – 552 с.
233. Тютрюмов И.М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Книга вторая. М.: Статут, 2004. – 603 с.
234. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т.2. – М.: Статут, 2015. – 512 с.
235. Хвостов В.М. Система римского права: Учебник. М.: Спарк, 1996. – 522 с.
236. Шапп Я. Система германского гражданского права: учебник. М.: Международные отношения, 2006. – 360 с.

237. Шереметьева Н.В. Недобросовестность в вещном праве: монография. М.: Проспект, 2023. – 136 с.
238. Яценко Т.С. Категория шиканы в гражданском праве: история и современность. М.: Статут, 2003. – 157 с.

Статьи

239. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6. С. 425 – 437
240. Алдошкина А.Д. Numerus clausus вещных прав: происхождение и обоснование догматической конструкции // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 45 – 93.
241. Бару М.И. О ст. 1 Гражданского кодекса // Советское государство и право. 1958. № 12. С. 117 – 120.
242. Блохина Е.В. Банкротные способы защиты прав кредиторов в случае оформления активов должника на подставных лиц // Цивилист. 2023. N 1. С. 54 - 60.
243. Буцан Е.Ю. Генезис концепции злоупотребления правом: вещно-правовой аспект (на примере римской правовой традиции) // Гражданское право. – 2024. – № 5. – С. 38-41.
244. Буцан Е.Ю. Генезис концепции злоупотребления правом: вещно-правовой аспект (на примере частного права в Европе) // Юрист. – 2024. – N 1. – С. 12 - 16.
245. Буцан Е.Ю. Запрет злоупотребления правом в англо-американской правовой традиции // Образование и право. – 2024. – № 9. – С. 104-107.
246. Буцан Е.Ю. Генезис концепции злоупотребления правом: вещно-правовой аспект (на примере радикализации понятия права собственности) // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 7 (182). – С. 148-149.
247. Брагинский М.И. К вопросу о соотношении вещных и обязательственных правоотношений // Гражданский кодекс России. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова. М., 1998. С. 113 – 130.

248. Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. 1967. № 3. С. 79 – 86.
249. Быковская Е.А. Запрет на продажу микродолей в жилом помещении как способ защиты интересов собственников // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2023. № 1 (16). С. 47 – 52.
250. Вавин Н.Г. Ничтожные сделки (Ст. 30 Гражд. Код. РСФСР и УССР и последствия ее нарушения). М.: Издательство «Правовая защита», 1926. – 24 с.
251. Ванин В.В., Мирошник С.В. Злоупотребление правом в частноправовых и публично-правовых отношениях // Гражданское право. 2020. № 5. С. 11 – 14.
252. Василевич Г.А., Василевич С.Г. Правомерное поведение и злоупотребление правом // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 5 – 17.
253. Васильев А.С., Мурзин Д.В. Субъективная добросовестность в гражданском праве: функции, степени, презумпции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 3. С. 65 – 77.
254. Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВШЮН. 1947. Вып. 9. С. 239 – 290.
255. Витрянский В.В. Банкротство граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями // Хозяйство и право. 2015. № 4. С. 3 – 29.
256. Власова А.В. К дискуссии о вещных и обязательственных правах // Государство и право. 2000. № 2. С. 146 – 151.
257. Волков А.В. Понятие «обход закона» в доктрине и практике гражданского права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 1. С. 67 – 81.
258. Гаджиев Г.А. В поисках последней абстракции цивилистики // Вестник гражданского права. 2022. № 5. С. 9 – 36.
259. Гинзбург И.В. Применение судами принципа добросовестности: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 4. С. 83 – 91.

260. Глазунов А.Ю. Ответственность миноритарных участников корпораций за нарушение фидуциарных обязанностей: возможна ли такая конструкция? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. N 4. С. 138 - 179.
261. Городов О.А. О признаках злоупотребления патентными правами // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 46 – 51.
262. Григорьев Н.Д. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 34 – 38.
263. Григорьян Д.В. Обязательственные начала в вещном праве: немецкий подход // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. N 12. С. 114 – 161.
264. Гримм Д.Д. К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. №1 // СПС «КонсультантПлюс».
265. Громов С.А. Узурпация: юридическая конструкция и вещное право // Вещные права: постановка проблемы и ее решение: Сборник статей / Н.Н. Аверченко, В.А. Белов, К.А. Блинковский и др.; под ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2011. С. 188 – 231.
266. Губарь А.С. Шикана как особая форма злоупотребления гражданским правом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 4(18). С. 64 – 72.
267. Гурылева К.И. Конфликт интересов как причина злоупотреблений при несостоятельности (банкротстве) // Хозяйство и право. 2022. № 5. С. 88-95.
268. Гуссаковский П.Н. Вознаграждение за вред, причинённый недозволенными деяниями // Журнал Министерства юстиции. 1912. С. 156.
269. Двалишвили Л.З. Установление факта шиканы в праве России и Германии // Юрист. 2023. № 6. С. 44 – 48.
270. Дерницкая А.Э. Проблема злоупотребления правом собственниками микродолей в праве на жилые помещения / А.Э. Дерницкая // E-Scio. 2020. № 9 (48). С. 42 – 46.

271. Дерюгина Т.В. Недобросовестное поведение как основание возникновения гражданских прав и обязанностей // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 7. С. 19 - 23.
272. Дерюгина Т.В. Пределы осуществления прав собственника на жилое помещение: коллизионные аспекты правового регулирования // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5*. 2015. №3 (28). С. 92 – 96.
273. Дождев Д.В. Принцип добросовестности в гражданском праве // *Принцип формального равенства и взаимное признание права / Под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М., 2016. С. 147 - 162.*
274. Доманжо В.П. Вопрос об ответственности за вред, причиненный при осуществлении права, в проекте нашего Гражданского уложения // *Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Шершеневича Г.Ф. М. Статут, 2005. С. 426 – 449.*
275. Дондоков Ж.Д. Гражданская правосубъектность учреждений, являющихся органами публичной власти: дуалистический анализ // *Российский юридический журнал*. 2024. № 2. С. 90 – 101.
276. Егоров А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье // *Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / Отв. ред. В.В. Витрянский и Е.А. Суханов. Москва: Статут, 2020. С. 239 – 294.*
277. Егорова М.А. Злоупотребление доминирующим положением как частный случай злоупотребления правом // *Lex Russica*. 2018. №. 4 (137). С. 70–80.
278. Елисеев Н.Г. Добросовестность и разумность в правовом регулировании // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2010. № 9. С. 10 – 15.
279. Ерошенко А.А. Осуществление субъективных гражданских прав в противоречии с их назначением // *Правоведение*. 1972. № 4.
280. Ем В.С., Суханов Е.А. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления // *Вестник гражданского права*. 2019. № 4. С. 7 – 21.

281. Емелькина И.А. Евгений Алексеевич Суханов: "Гражданское право – это право социального государства, и у него должно быть социальное лицо" [Интервью с Е.А. Сухановым] // Гражданское право. 2023. № 2. С. 2 - 7.
282. Емелькина И.А. Задача соседского права - заставить считаться с интересами соседей и до разумных пределов переносить неудобства, которые причиняет соседство [Интервью с И.А. Емелькиной] // Закон. 2024. № 10. С. 8 - 16.
283. Емелькина И.А. Институт ограничения права собственности в пользу соседей (соседское право) в российском праве и в праве отдельных европейских стран // Вестник гражданского права. 2016. № 2. С. 79 – 112.
284. Емелькина И.А. Право прохода (проезда) к общественной дороге как ограничение права собственности в интересах соседа в российском и зарубежном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 84 – 104.
285. Емелькина И.А. Проблемы формирования института соседского права в российском гражданском праве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 2. С. 399 – 414.
286. Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве/ Э. Зеккель // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 205 – 252.
287. Иноземцева А.В. Проблема самостоятельного значения института обхода закона // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 3. С. 152 - 189; № 4. С. 157 – 191.
288. Камышанский В.П., Ветер Н.Ю. Злоупотребление правом: понятие, признаки, общая характеристика // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 112(08). С. 1 - 21.
289. Керселян А.С. Некоторые проблемные вопросы вещного права: критический обзор реформы ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 162 – 185.

290. Климанова Д.Д. Владельческие иски в Англии, Германии и России: сравнительно-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 75 – 83.
291. Костян И.А. Принцип недопустимости злоупотребления правом: отдельные вопросы практики его применения // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 3 – 6.
292. Кудрявцев В.Н., Малеин Н.С. Закон и пределы правомерного поведения // Советское государство и право. 1980. № 10. С. 31 – 38.
293. Курбатов А.Я. Развитие идей В.П. Грибанова о злоупотреблении правом в современном российском праве // Развитие частного права на современном этапе: памяти В.П. Грибанова. М.: Проспект, 2021. С. 169 – 187.
294. Курбатов А.Я. Принцип недопустимости злоупотребления правом: к старым проблемам добавились новые // Закон. 2013. № 9. С. 36-43.
295. Ланг П.П. Злоупотребление правом в сфере несостоятельности (банкротства) // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 9. С. 42 – 46.
296. Лашков Н.С. Возникновение вещных прав в обход формальностей: вещный эстоппель в России и Англии // Закон. 2020. № 4. С. 109 – 112.
297. Левин А.Б., Ананьев С.П. Злоупотребление правом на оспаривание патента: проблемы и пути решения // ИС. Промышленная собственность. 2023. № 4. С. 47 – 53.
298. Липовцева Д.А. Злоупотребление правом, или «Последствия» первого блока поправок в ГК // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11. С. 144 – 149.
299. Лянгузова Е.М. Экономические аспекты корпоративных злоупотреблений правом // Юрист. 2020. № 7. С. 44 – 49.
300. Момотов В.В. Злоупотребление правом: теория и практика противодействия в страховых правоотношениях // Мировой судья. 2017. № 11. С. 33 – 40.
301. Мохова Е.В., Яцук Н.П., Лиджанова А.Э. Forum shopping и конкуренция регулирования в трансграничных банкротствах и реструктуризациях // Закон. 2020. N 9. С. 97 - 114.

302. Мурзин Д.В. Последний довод справедливости (к вопросу о применении судом норм о злоупотреблении правом) // Проблемы развития частного права: сб. ст. к юбилею В.С. Ема / отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс».
303. Мусарский С.В. Об ошибочности отнесения к актам злоупотребления правом действий по осуществлению субъективных прав в противоречии с их назначением (целью) // Закон. 2021. № 7. С. 81 – 93.
304. Нам К.В. Принцип добросовестности: некоторые проблемы развития доктрины // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 74 – 89.
305. Нам К.В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 28 – 74.
306. Нелюбина А.В. Правовое регулирование соседских отношений: конвергенция публичных и частных начал // Сибирский юридический вестник. 2019. № 2 (85). С. 27 – 32.
307. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124 – 181.
308. Огибалова А.С. Принудительный выкуп недвижимого имущества в публичных интересах // Вестник экономического правосудия Российской Федерации № 1/2025. С. 171-212.
309. Пальцева Е.С. Микродоля в жилом помещении: правовой эффект введенных ограничений в статью 30 Жилищного кодекса Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2024. № 1. С. 33 – 35.
310. Садиков О.Н. Злоупотребление правом в Гражданском кодексе России // Хозяйство и право. 2002. № 2. С. 40 – 48.
311. Сенчищев В.И. Изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 108-136.
312. Подшивалов Т.П. Систематизация вещных исков в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. N 5. С. 85 - 118.

313. Подшивалов Т.П. Модели регулирования соседских отношений собственников смежных объектов недвижимости // Семейное и жилищное право. 2019. N 5. С. 36 – 39.
314. Пономарева Н.В. Формы злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях // Философия. Права. 2024. № 3 (110). С. 84-89.
315. Прокопьев А.Ю. Абсолютные и относительные гражданские правоотношения: общее и особенное // Современное право. 2015. № 11. С. 34 – 39.
316. Пряженникова А.С., Авзалов И.М. «Профессиональные соседи» как социальный терроризм // Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления: материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Саранск: ЮрЭкс-Практик, 2020. С. 174 – 180.
317. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 144 – 204.
318. Рыбалов А.О. *Iura in re: numerus clausus vs numerus apertus* // Вестник экономического правосудия РФ. № 7. 2018. С. 144 – 162.
319. Рыженков А.Я. Реализация принципа судебной защиты семейных прав: проблемы и перспективы // Современное право. 2020. № 9. С. 59 – 65.
320. Рясенцев В.А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Советская юстиция, 1962. № 9. С. 7 – 10.
321. Самойлова М.В. Право злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отд. экономики и права. 1946. № 6.
322. Семенова Е.Г. О предмете правового регулирования соседского права // Цивилист. 2022. № 4. С. 40 – 46.
323. Сенин И.Н. К вопросу о соотношении категорий «вид» и «форма» в теории государства и права // Право и государство: теория и практика. 2021. №8 (200). С. 38 – 40.

324. Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Сделки в обход закона. Притворные и мнимые сделки: отдельные вопросы квалификации // Арбитражные споры. 2015. № 2. С. 132 – 140.
325. Синицын С.А. Злоупотребление правом: от общего к частному (на примере патентных прав) // Вестник гражданского права. 2022. № 6. С. 55 – 97.
326. Синицын С.А. Numerus clausus и субъективные права: понятие, значение, взаимосвязь // Вестник гражданского права. 2014. № 2. С. 100 – 147.
327. Суворов Е.Д. К вопросу о внедрении понятия «обход закона» в ГК РФ // Вестник ВАС РФ. 2011. № 7. С. 35 – 39.
328. Сулова С.И. Злоупотребление правами в жилищной сфере // Гражданское право. 2013. № 2. С. 31 – 33.
329. Суханов Е.А. К понятию вещного права // Правовые вопросы недвижимости. 2005. № 1. С. 34 – 40.
330. Суханов Е.А. О гражданской правосубъектности государственных юридических лиц // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 5 – 15.
331. Суханов Е.А. О юридических лицах публичного права // Вестник экономического правосудия. 2011. № 4. С. 6 – 22.
332. Суханов Е.А. Проблемы вещного права в современном российском праве // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 33 – 38.
333. Суханов Е.А. Принцип добросовестности в гражданском праве // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 10-29.
334. Суханов Е.А. О вещном праве собственности и недвижимости // Закон. 2023. № 7. С. 32 – 42.
335. Тарасенко Ю.А., Ястржембский И.А. Рецензия на работу С.Д. Радченко «Злоупотребление правом в гражданском праве России» // Вестник гражданского права. 2010. № 2. С. 289 – 303.
336. Таубэ Н.Э. К вопросу о необходимости введения сервитутов // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 3. С. 274 – 277.
337. Ташкер И.Г. Некоторые вопросы недействительности противозаконных сделок // Советское государство и право. 1958. № 8. С. 113 – 116.

338. Темурзиев Р.Б. Диспозитивность в вещных правах: открытый перечень явно и неявно // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 10. С. 146 – 197.
339. Третьяков С.В. Субъективное право как «последняя абстракция» цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 18 – 59.
340. Тюрин С.Е. Понятие публично-правового злоупотребления (злоупотребления властью) // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 8 – 11.
341. Ульянова М.В. Пределы осуществления семейных прав // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 4. С. 658 – 682
342. Харитонов Ю.С. Взыскание долгов гражданина-банкрота за счет общего имущества супругов // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. № 3. С. 7 – 9.
343. Хафизов Э. Д. К вопросу о генезисе правового позитивизма // Правовое государство: теория и практика. 2010. №4. С. 24 – 28.
344. Хесселинк М.В. Принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 157 – 187.
345. Черепяхин Б.Б. К вопросу о частном и публичном праве / Черепяхин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 295 – 306.
346. Черкасова О.В. Злоупотребление правами участниками хозяйственных обществ // Вестник арбитражной практики, 2020. № 5. С. 27 – 35.
347. Шварц М.З. Некоторые размышления над институтом эстоппель // Арбитражные споры. 2016. № 1. С. 95 – 99.
348. Шереметьева Н.В. Злоупотребление правом на распоряжение имуществом несовершеннолетнего // Семейное и жилищное право. 2022. № 1. С. 17 – 20.
349. Ширвиндт А. М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // Aequum ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева. М.: Статут, 2014. С. 203 – 242.

350. Щербаков А.А. Соседские правоотношения: баланс интересов соседей и государства. Опыт Германии и Швейцарии // Правовые вопросы недвижимости. 2024. N 4. С. 32 – 35.
351. Эрделевский А.М. О некоторых вопросах злоупотребления правом // Хозяйство и право. 2010. № 2. С. 13-24.
352. Эрделевский А.М. О некоторых вопросах злоупотребления правом // Специально для системы ГАРАНТ. 2022.
353. Эртманн П. О Структуре субъективных частных прав // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 217-241.
354. Яковлев В.Ф. Концепция развития гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. № 11. 2009. С. 6-99.
355. Якушева Е.Е. Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения // Lex Russica. 2023. № 8. С. 52-66.

Диссертации и авторефераты диссертаций

356. Багаев В.А. Приобретение недвижимого имущества по давности владения по российскому и английскому праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Багаев Владимир Ахсарович. – СПб., 2016. – 226 с.
357. Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бармина Ольга Николаевна. – Москва, 2015. – 194 с.
358. Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бармина Ольга Николаевна. – Москва, 2015. – 28 с.
359. Бекназар-Юзбашев Г.Т. Злоупотребление правом и принцип доброй совести в гражданском праве России и Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Бекназар-Юзбашев Геворг Тигранович. – Москва, 2010. – 25 с.
360. Бестужева Е.В. Современное состояние и развитие правовой законности в российском государстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бестужева Елена Владимировна. – Кострома, 2008. – 208 с.

361. Вавилин Е.В. Механизм осуществления и защиты гражданских прав и исполнения обязанностей: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Вавилин Евгений Валерьевич. Москва, 2009. – 428 с.
362. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Волков, Александр Викторович. Москва, 2010. – 423 с.
363. Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Ворожевич Арина Сергеевна. Москва, 2021. – 546 с.
364. Дерюгина Т.В. Теоретические проблемы в сфере осуществления субъективных гражданских прав: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Дерюгина Татьяна Викторовна. Волгоград, 2010. – 437 с.
365. Захарова О.Е. Обход закона как форма злоупотребления правом по российскому и германскому гражданскому законодательству: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Захарова Ольга Евгеньевна. Екатеринбург, 2021. – 228 с.
366. Камышанский В.П. Ограничения права собственности: гражданско-правовой анализ: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Камышанский Владимир Павлович. СПб., 2000. – 357 с.
367. Кривенко Н.А. Приобретение, осуществление и защита ограниченных вещных прав по законодательству Испании: дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Кривенко Наталия Александровна. Москва, 2019. – 206 с.
368. Ломакина П.А. Правовое регулирование общих обязательств супругов: дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Ломакина Полина Александровна. Москва, 2021. – 193 с.
369. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Малиновский Алексей Александрович. Москва, 2009. – 404 с.
370. Матанцев Д.А. Категория злоупотребления правом в гражданском и семейном законодательстве и доктрине Российской Федерации: дис. ... канд.

- юрид. наук: 12.00.03 / Матанцев Дмитрий Александрович. Москва, 2012. – 207 с.
371. Нам К.В. Принцип добросовестности. Опыт теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Нам Кирилл Вадимович. Москва, 2021. – 472 с.
372. Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Наумов Александр Евгеньевич. Москва, 2010. – 25 с.
373. Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Одегнал Екатерина Александровна. Ставрополь, 2009. – 19 с.
374. Остапенко А.Г. Правовое регулирование отношений между соседями, имеющими общие границы, посредством сервитутов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Остапенко Анастасия Геннадьевна. Краснодар, 2012. – 202 с.
375. Офман Е. М. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / Офман Елена Михайловна. Екатеринбург, 2006. – 189 с.
376. Пищулин А.В. Юридический позитивизм в современном правопонимании: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Пищулин Александр Владимирович. Москва, 2010. – 170 с.
377. Подшивалов Т.П. Система вещных исков: дис. ... докт. юрид. наук. / Подшивалов Тихон Петрович. Екатеринбург, 2024. – 443 с.
378. Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективными гражданскими правами: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Поротикова Ольга Александровна. Саратов, 2002. – 206 с.
379. Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Радченко Сергей Дмитриевич. Москва, 2008. – 202 с.

380. Романовский С.В. Принцип сочетания частных и публичных интересов в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Романовский Сергей Викторович. Москва, 2008. – 194 с.
381. Синицын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017.
382. Смирнова Я.А. Злоупотребления корпоративными участниками хозяйственных обществ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Смирнова Яна Александровна. Москва, 2019. – 246 с.
383. Сорокина Е.А. Категория добросовестности в западной традиции права: историко-теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
384. Сюбаева Ю.Д. Гражданско-правовое регулирование ограничений права собственности на земельный участок в интересах соседей (соседского права): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Сюбаева Юлия Дмитриевна. Саранск, 2018. – 204 с.
385. Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Третьяков Сергей Васильевич. Москва, 2022. – 495 с.
386. Филатова У.Б. Институт права общей собственности в странах романо-германской правовой семьи (Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и России): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Филатова Ульяна Борисовна. Москва, 2015. – 437 с.
387. Яценко Т.С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Яценко Татьяна Сергеевна. Москва, 2016. – 363 с.
388. Яценко Т.С. Шикана как правовая категория в гражданском праве. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Яценко Татьяна Сергеевна. Ростов-на-Дону, 2001. – 186 с.

Проекты и концепции

389. Законопроект № 47538-6/13 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // URL:

<https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6?ysclid=m2958wiv8y177126497>

(дата

обращения 23.01.2025).

390. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
391. Проект Федерального закона № 346930-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 21.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
392. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

Иностранная литература

393. Akkermans B. The Principle of Numerus Clausus in European Property Law // Maastricht University. Maastricht, 2008. – 657 p.
394. Bar von C. Foundations of Property Law: Things as Objects of Property Rights. Oxford: Oxford University Press, 2023. 480 p.
395. Benecke M.N. Gesetzesumgehung im Zivilrecht. Tübingen, 2004. – 393 S.
396. Berman M.N. Abuse of Property Rights Without Political Foundations: A Response to Katz // The Yale Law Journal Forum. Vol. 124. 2014. – pp. 42 – 55.
397. Buttin R. L'usage abusif du droit. Thèse. Paris, 1904. – 211 p.
398. Byers M. Abuse of Rights: An Old Principle, A New Age. McGill Law Journal / Revue de Droit de McGill, Vol. 47. 2002. – pp. 390 – 431.
399. Coase R.H. The Problem of Social Cost // Journal of Law and Economics. Vol. 3. 1960. – pp.1– 44.
400. Cooter R., Ulen T. Law & Economics. 6th ed. 2012. – 555 p.
401. Cueto-Rua J. Abuse of Rights. Louisiana Law Review. 1975. Vol. 35. – pp. 966 – 1013.

402. Daniels R.J., Howse R. Reforming the Reform Process: Privatization in Central and Eastern Europe // Departmental Papers (School of Law). 1992. – pp. 27 – 71.
403. Gaudemet E. L'interprétation du code civil en France depuis 1804. Strasbourg, 1935. – 207 p.
404. Girard P.F. Manuel elementaire de droit romain. Paris, 1929. – 1133 p.
405. Gordley J. Foundations of Private Law: Property, Tort, Contract, Unjust Enrichment. Oxford: Oxford University Press, 2006. – 496 p.
406. Gordley J. The Development of Liability Between Neighbours: Volume 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. –238 p.
407. Gordley J. The Jurists: A Critical History. Oxford: Oxford University Press, 2013. – 336 p.
408. Gutteridge H.C. Abuse of Rights. 5 Cambridge Law Journal. Vol. 22. 1933. – pp. 22 – 45.
409. Hansmann H., Kraakman R. Property, Contract, and Verification: The Numerus Clausus Problem and the Divisibility of Rights // The Journal of Legal Studies. 2002. – pp. 373 – 420.
410. Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence // Hart H.L.A. Essays on Jurisprudence and Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1983. pp. 373 – 420.
411. Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford University Press. 1961. – 276 p.
412. Herman S. Classical Social Theories and the Doctrine of «Abuse of Rights». Louisiana Law Review. Vol. 37. 1975. – pp. 747 – 760.
413. Hesselink M. The Concept of Good Faith. Hague, 2010. – 31 p.
414. Hesselink M. The General Principles of Civil Law: Their Nature, Roles and Legitimacy. Centre for the Study of European Contract Law Working Paper Series No. 2011-14. 52 p. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1932146>.
415. Hesselink M. Private Law Principles, Pluralism and Perfectionism. Centre for the Study of European Contract Law Working Paper Series No. 2013-02. 23 p. – URL: <https://ssrn.com/abstract=2205001>.
416. Hill T.J. The Kantian Conception of Autonomy, in Dignity and Practical Reason in Kant's Moral Theory, Ithaca and London: Cornell University Press. 1992. – 276 p.

417. Hjørland B. Nine Principles of Knowledge Organization // *Advances in Knowledge Organization*. 1994. Vol. 4. – pp. 91 – 100.
418. Honoré T. *Ownership* // Honoré T. *Making Law Bind: Essays Legal and Philosophical*. Clarendon Press, 1987. – 274 p.
419. Hudson S., Sloan B. Testamentary Freedom: Mutual Wills Might Let You Down. *Modern Studies in Property Law* / Ed. By Warren Barr. Vol. 8. Hart Publishing, 2015 // URL: <https://ssrn.com/abstract=2640951> (accessed 24.01.2025).
420. Jansen N., Zimmermann R. *Commentaries on European Contract Laws*. Oxford, 2018. – 2384 p.
421. Jolls C., Sunstein C., Thaler R. A Behavioral Approach to Law and Economics. Coase-Sandor Institute for Law & Economics Working Paper № 55. Chicago, 1998. – pp. 1471 – 1549.
422. Josserand L. *De l'esprit des droits et de leur relativité. Théorie dite de l'abus des droits*. Paris, 2006. – 454 p.
423. J. von Staudingers *Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch: Staudinger BGB - Buch 3: Sachenrecht: Einleitung zum Sachenrecht; §§ 854-882*. –806 S.
424. Katz L. Spite and Extortion: A Jurisdictional Principle of Abuse of Property Right // *The Yale Law Journal*. 2013. № 122. – pp. 1444 – 1482.
425. Katz L. Sandroni A. Circumvention of Law and the Hidden Logic behind It // *The Journal of Legal Studies*, Vol. 52, No 1, 2023. – 32 p.
426. Kurzynsky-Singer E. Das Verbot der Gesetzesumgehung im deutschen Recht als ein potentielles legal transplant / E. Kurzynsky-Singer // *Max Planck Private Law Research Paper*, No. 14/9. 2014. – S. 89 – 103.
427. Lauterpacht H. *The Function of Law in the International Community*. Oxford University Press. 1933. – 490 p.
428. Lenaerts A. The General Principle of the Prohibition of Abuse of Rights: A Critical Position on Its Role in a Codified European Contract Law // *European Review of Private Law*. 2010. Vol. 6. – pp. 1121 – 1154.
429. Loir R. *Les fondements de l'exigence de bonne foi en droit français des contrats*. Paris, 2001. – 149 p.

430. Lopez E.J., Clark J.R. The Problem with the Holdout Problem // Review of Law and Economics, Volume 9, Issue 2. 2013. URL: <https://ssrn.com/abstract=2522458>.
431. Mai J.-E. The modernity of classification // Journal of Documentation. 2011. Vol. 67. № 4. – pp. 710 – 730.
432. Markovitch M. La théorie de l'abus des droits en droit compare. Thèse. Lyon, 1936. – 480 p.
433. Marson J. L'abus du droit en matière de contrat. Thèse. Paris, 1935. – 179 p.
434. Modern Studies in Property Law. Volume 1: Property / ed. by E. Cooke. Oxford, 2000. – 432 p.
435. Mulholland R.D. From Acquiescence to Expectation: the Ramsden v. Dyson Principle Today. University of Canterbury. 1984. – 432 p.
436. Nield S. Estoppel and Reliance. Oxford, 2001. – pp. 77 – 95.
437. Niemann P., Shapiro P. Compensation for Taking When Both Equity and Efficiency Matter, in: Benson B.L., ed. Property Rights: Eminent Domain and Regulatory Takings Re-Examined. London, 2010.
438. Ossowska M. The Numerus Clausus Issue in Property Law - European Private Law and the Polish Perspective // Studia Iuridica. 2019. Vol. 82. – pp. 211 – 226.
439. Perillo J. Abuse of Rights: A Pervasive Legal Concept. Pacific Law Journal, Vol. 27. 1995. – pp. 38 – 97.
440. Planiol M. Traité élémentaire de droit civil. T.2. Paris, 1917. – 1216 p.
441. Plassmann F., Tideman T.N. Accurate Valuation in the Absence of Markets. Public Finance Review. 2005. Vol. 36.
442. Podshivalov T. Models of Actio Negatoria in the Law of Russia and European Countries // Russian Law Journal. 2019. Vol 7, No 2. – pp. 128 – 164.
443. Porcherot A. De l'abus de droit. Thèse. Dijon, 1901. – 221 p.
444. Posner R. The Law and Economics of Contract Interpretation. Texas Law Review: Vol. 80: 1581. Austin, 2004. – pp. 1581 – 1614.
445. Priel D. Towards Classical Legal Positivism. Osgood CLPE Research Paper No. 20/2021. 2011. – 31 p.

446. Reinhold S. Good Faith in International Law // UCL Journal of Law and Jurisprudence. 2013. No. 2. – pp. 40 – 63.
447. Saleilles R. De l'abus des droits. Paris, 1905. – pp. 861 – 920.
448. Saleilles R. Etude sur la théorie générale des obligations d'après le premier projet du code civil allemand. Paris, 1901. – 506 p.
449. Schultz F. History of Roman Legal Science. Oxford: Oxford University Press, 1946. – 358 p.
450. Schultz F. Principles of Roman Law. Oxford: Clarendon Press, 1936. – 294 p.
451. Siebert W. Verwirkung und Unzulässigkeit der Rechtsausübung: Ein rechtsvergleichender Beitrag zur Lehre von den Schranken der privaten Rechte und zur exceptio doli (§§ 226, 242, 826 BGB.), unter besonderer Berücksichtigung des gewerblichen Rechtsschutzes (§ 1 UWG). Marburg i. Hessen: Elwert, 1934. – 358 S.
452. Sloan B. Proprietary Estoppel. Recent Developments in England and Wales // Singapore Academy of Law Journal. 2010. Vol. 22. – pp. 110 – 135.
453. Smith H.E. Merrill T.W. Optimal Standardization in the Law of Property: The Numerus Clausus Principle // Yale Law Journal. 2000. Vol. 110. Iss. 1. – 70 p.
454. Smith L.D. The Law of Tracing. Oxford: Clarendon Press, 1997. – 396 p.
455. Summers R. Good Faith in General Contract Law and the Sales Provisions of the Uniform Commercial Code. Virginia Law Review. 1968. – pp. 195 – 267.
456. Taruffo M. General Report. Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness // Abuse of Procedural Rights. The Hague: Kluwer law international, 1999. – 370 p.
457. Teichmann A. Die «Gesetzesumgehung» im Spiegel der Rechtsprechung // JuristenZeitung. 2003. Vol. 58. No. 15/16. – 765 S.
458. Tetley W, Q.C. Evasion / Fraude a la loi and Avoidance of the Law // McGill Law Journal, Vol. 39. 1994. – pp. 303 – 332.
459. Thon A. Rechtsnorm und subjectives Recht. Weimar: H. Bohlau, 1878. – 402 S.
460. Waldron J. The Right to Private Property. Oxford: Oxford University Press, 1988. – 470 p.

- 461. Whittaker S., Zimmermann R. Good Faith in European Contract Law. Cambridge University Press. New York, 2000. – 756 p.
- 462. Wiacker F. A History of Private Law in Europe. Trans. by Weir Tony. Oxford: Clarendon Press, 1995. – 526 p.
- 463. Wilken S., Ghaly K. The Law of Waiver, Variation and Estoppel. Oxford, 2002. – 538 p.